КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Окончаніе).* . . . . . 1—47

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельницкаго. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . 48—66

III. ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). **А. Л.** . . . . 67—77

IV. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ. Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ. *(Продолженіе слѣдуетъ).* **М. П. Старицкаго.** . . . . . 78—123

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** . . . . . 124—156

VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. **М. Номиса.** . . . . . 157—162

VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА и АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАРВИНОКЪ) КУЛИШЪ. **М. Лободовскаго.** . . . . . 163—176

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. **К. Здравомыслова.** б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. **А. Л.** в) Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. **П. Голубовскаго.** г) Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казимиръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. **Н. М.** е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Ёгоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . 1—21

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе **М. И. Лилеева В. Иконникова.** б) О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. **А. Л.** в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. **Н. С.** г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. **А. С.** д) П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. **Н. М.** Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «Бѣлозерскаго Полѣсья» г. Ловчаръ-Запольскаго. **А. Крымскаго.** . . . . . 22—54

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).
2) Записки о Малороссійскихъ чинахъ Адріана Ивановича Чепы. (23—32).

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—2

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА IV.

Подчиненіе дворянскихъ собраній контролю герольдіи.—Отношеніе герольдіи къ лицамъ, доказывающимъ свое дворянство чинами прежней малороссійской службы.—Негодованіе дворянства.—Дѣятельность патріотовъ.—Записки по дворянскому вопросу Марковича и Калинскаго.—Мнѣніе автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ".—Ходатайство Черниговскаго маршала.—Возбужденіе вопроса о дѣйствіяхъ герольдіи среди полтавскаго дворянства.—Записки Калинскаго и Полетики.—Рѣшеніе комитета министровъ и его отголоски въ Малороссіи.—Новая просьба полтавскаго дворянства.—Ходатайство кн. Репнина.—Рѣшеніе дѣла въ „особомъ комитетѣ".—Указъ 20 марта 1835 года.

Если забыть печальную повѣсть злоключеній малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ ревизію 1782 г., то можно сказать, что въ XVIII ст. переходъ командующаго класса въ дворянское сословіе совершался благополучно. Цѣнители дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства были плотію отъ плоти того же шляхетства и, конечно, не могли предъявлять какихъ-нибудь чрезвычайныхъ требованій отъ такихъ же, какъ и сами они, шляхтичей, ищущихъ внесенія въ родословную книгу. Высшее начальство въ дѣятельность дворянскихъ собраній не мѣшалось, а если это иногда и бывало, то только въ экстренныхъ случаяхъ: когда, напр., подавалась жалоба на депутатовъ, или отъ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 3.

военнаго начальства требовались свѣдѣнія о дворянствѣ лицъ, поступающихъ на службу.

Постоянное вмѣшательство высшаго начальства въ дѣло, порученное депутатамъ, началось съ 1796 года. Съ этихъ поръ дворянскія собранія потеряли право окончательно рѣшать вопросъ о дворянствѣ того или другого лица, а должны были передавать дѣло на заключеніе герольдіи. Вслѣдъ затѣмъ начато было сочиненіе общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, давшее герольдіи возможность подвергнуть фактическому контролю всю предыдущую дѣятельность депутатскихъ собраній. Правда, со вступленіемъ на престолъ Александра дворянская грамота была возстановлена во всей своей силѣ, но составленіе гербовника все таки продолжалось, а стало быть продолжалось и вмѣшательство герольдіи въ дѣло, порученное собраніямъ. Въ первое время, впрочемъ, контроль герольдіи былъ для малороссійскихъ дворянъ малочувствителенъ. Малороссійское дворянство, подобно великорусскому, представляло въ герольдію свои гербы и доказательства и по нимъ благополучно заносилось въ гербовникъ. Въ поискахъ за гербами дворяне обращались преимущественно къ Нѣсецкому (Herby i familie rycerskie) или къ гербаріусу Папроцкаго (Herby rycerstwa polskiego). Требуемыя сенатомъ „выписи“, удостовѣряющія принадлежность герба данному роду, добывались иной разъ изъ такихъ „присутственныхъ мѣстъ“, которыя, повидимому, не имѣли никакого касательства ни къ дворянству, ни къ гербамъ. Въ 1798 году маіоръ Вронскій за разысканіемъ своего герба обращается въ кіевскую духовную дикастерію, по указу которой освященный соборъ Печерской лавры выдаетъ ему выписку изъ гербаріуса Попроцкаго. Благодаря этой выпискѣ родъ Вронскихъ попадаетъ въ 6-ю часть родословной книги, а ихъ гербъ вносится въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи [1]).

Въ эти счастливые годы, герольдія относилась къ малороссійскому дворянству очень благосклонно. Она охотно принимала

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 216—218

въ дворянское сословіе какъ тѣхъ, кои выводили свои роды отъ польскаго или иного древняго шляхетства, такъ и тѣхъ, которые основывали свои притязанія только на чинахъ прежней малороссійской службы. Бывали, правда, единичные случаи, когда герольдія отказывала просьбамъ малороссійскихъ дворянъ о внесеніи ихъ гербовъ въ гербовникъ. Такъ, въ 1799 г. она отказалась внести въ гербовникъ нѣсколько фамилій золотоношскихъ дворянъ, но не потому, что сомнѣвалась въ ихъ дворянствѣ, а потому, что просьбы ихъ не имѣли достаточныхъ, по закону, доказательствъ: золотоношскіе дворяне представили свои гербы въ раскрашенномъ видѣ, какъ то и требовалось, но безъ всякихъ доказательствъ о принадлежности имъ этихъ гербовъ и даже безъ опредѣленій собраній о признаніи ихъ дворянами [1]). Около того же времени герольдія отказалась внести въ гербовникъ фамилію Кандыбъ, не представившихъ никакихъ свѣдѣній о своемъ родѣ, кромѣ диплома на дворянство [2]). Точно такъ же бывали отдѣльные случаи, когда герольдія сомнѣвалась причислять къ *древнему* дворянству лицъ, доказывающихъ свое благородство одними только малороссійскими чинами. Такъ, въ 1799 г. она отказалась причислить къ древнему дворянству родъ коллежскаго регистратора Максима Гандовскаго-Потаповича, но когда онъ представилъ грамоту какого-то польскаго короля на имѣніе, родъ его былъ признанъ древнимъ, а гербъ внесенъ въ 1-ое отдѣленіе гербовника [3]). Во всякомъ случаѣ сомнѣній въ благородствѣ лицъ, доказывающихъ дворянство одними малороссійскими чинами, въ то время еще не возбуждалось. Въ 1801 году герольдія внесла въ гербовникъ фамилію Лагодъ, „служившихъ россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ“: дѣдъ и отецъ просителя были войсковыми товарищами [4]). Въ 1802 году, по просьбѣ коллежскаго регистратора Дм. Лазаревича, она внесла въ гербовникъ гербъ Лазаревичей „поелику предки рода Лазаревичей съ 1675 г. находились въ службѣ въ

[1]) Собр. рѣдк., стр. 683.

[2]) Архивъ малор. коллегіи, № 1734.

[3]) Книга о дворанахъ, л. 250.

[4]) Ibid., л 190.

малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніемъ“ [1]). Точно также благосклонно отнеслась герольдія и къ просьбѣ Хилчевичей, имѣвшихъ такія же доказательства, какъ и Лазаревичи.

Снисходительное отношеніе герольдіи къ малороссійскому дворянству продолжалось, однако, не долго. Уже съ 1802 года герольдія начинаетъ выражать сомнѣніе не только по поводу гербовъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, но и по поводу самого признанія ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ 1802 г. она отказалась внести въ гербовникъ фамилію Подвысоцкихъ: „хотя изъ опредѣленія черниговскаго дворянскаго собранія и видно, что поручика Ивана Подвысоцкаго дѣдъ, Алексѣй Подвысоцкій, въ 1734 году служилъ надъ козаками кіевскаго, стародубовскаго и переяславскаго полковъ наказнымъ полковникомъ, сынъ его Яковъ въ 1742 году пожалованъ обознымъ въ кіевскій малороссійскій полкъ и подтверждены данныя имъ за службы отъ гетмана Апостола деревни, а отецъ, Андрей Подвысоцкій, имѣлъ чинъ сотника, но чтобъ они происхожденіе имѣли отъ древнихъ благородныхъ предковъ, такъ какъ представленъ ко внесенію въ гербовникъ гербъ, употребляемый въ родѣ Подвысоцкихъ съ древнихъ временъ,—того въ доказательствахъ ихъ герольдія не находитъ, а потому слѣдуетъ просить себѣ герба вновь или представить, буде имѣютъ, доказательства о древнемъ дворянствѣ“ [2]). Въ томъ же 1802 году герольдія возвратила въ черниговское дворянское собраніе цѣлую коллекцію раскрашенныхъ гербовъ малороссійскихъ дворянъ „за несообразностью ихъ съ предписаніями Правительствующаго Сената“. Черниговскому губернатору Френздорфу было поручено разъяснить дворянству, что гербы имѣютъ право представлять только тѣ древніе роды, которые ими и раньше пользовались, что же касается малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ третью часть родословной книги по чинамъ, то они не могутъ умышлять себѣ гербовъ по своему желанію, а должны просить дипломовъ на дворянство, а вмѣстѣ съ ними и гербовъ отъ Высочайшей власти.

---

[1]) Ibid., л. 191.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 192.

Забракованными оказались гербы 441 дворянской фамиліи, которые и были препровождены Френздорфомъ въ дворянское собраніе для возвращенія просителямъ [1]).

Въ 1803 г. геральдія усомнилась въ благородствѣ Левченковъ, внесенныхъ новгородъ-сѣверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ 4 часть родословной книги: собраніе признало ихъ дворянами только по свидѣтельству двухъ благородныхъ о томъ, что Левченки происходятъ отъ шляхты, употребляютъ гербъ Грифъ и владѣютъ шляхетскимъ имѣніемъ [2]). Точно также при разборѣ доказательствъ надв. сов. Круковскаго геральдія усомнилась въ правильности дѣйствій дворянскаго собранія, которое внесло родъ Круковскихъ въ родословную книгу только потому, что дѣдъ и отецъ просителя владѣли шляхетскимъ имѣніемъ. Геральдія требовала свѣдѣній, въ какихъ чинахъ Круковскіе служили, какое у нихъ имѣніе—жалованное или пріобрѣтенное—и кто этимъ имѣніемъ владѣетъ [3]). Къ 1804 году геральдія отказалась внести въ гербовникъ родъ Вилинскихъ, хотя ихъ отцу, топальскому сотнику, при Аннѣ Ивановнѣ была Высочайше пожалована маетность, а сами просители имѣли немаловажные чины: одинъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, а другой коллежскимъ ассесоромъ [4]).

Всѣ эти распоряженія, разумѣется, не могли нравиться тѣмъ, кого они касались. Разсказы о неудачахъ Круковскихъ и Вилинскихъ не могли не возбуждать опасеній и въ остальномъ дворянствѣ, а тутъ еще присоединились и другіе факты, показавшіе дворянству, что его дѣйствительно начинаютъ въ Петербургѣ „неговать и турбовати“. Высшее начальство, ссылаясь на непризнаніе геральдіей тѣхъ или другихъ дворянъ, состоящихъ на службѣ, стало отказывать въ повышеніи ихъ чинами. Затѣмъ сенатъ не захотѣлъ производить въ чины лицъ, служащихъ по дворянскимъ выборамъ депутатами и въ генеральномъ судѣ; въ указахъ 1804 и 1805 г. г. онъ разъяснялъ, что служба эта не

---

[1]) Собраніе рѣдк., стр. 701—708.

[2]) Книга о дворян., л. 270.

[3]) Книга о дворян., л. 270.

[4]) Ibid., л. 194 и Собр. рѣдк., стр. 448.

можетъ быть принята за дѣйствительную, а между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ 1800—1801 г., онъ не отказывалъ въ производствѣ ни депутатамъ, ни чинамъ генеральнаго суда. Черниговское дворянство поручило было своему маршалу ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ Куракинымъ, дабы онъ не оставилъ употребить свое милосердное посредство къ награжденію дворянскихъ избранниковъ чинами, но вышло ли что-нибудь изъ этого ходатайства,—не знаемъ[1]). Дворянству вскорѣ пришлось убѣдиться, что опасенія, вызванныя дѣйствіями герольдіи, далеко не безосновательны. Оказалось, что неблагопріятныя для нѣкоторыхъ дворянъ рѣшенія герольдіи были результатомъ не случая, а принципа, мало по малу установившагося въ высшихъ сферахъ. А принципъ этотъ состоялъ въ томъ, что чины малороссійскихъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ не могутъ быть признаваемы доказательствомъ дворянства, даже въ томъ случаѣ, если ихъ носители получили при отставкѣ табельные офицерскіе чины. Впервые герольдіей принципъ этотъ былъ высказанъ около 1805 г. и съ этихъ именно поръ начались повальные отказы въ признаніи дворянскихъ правъ за лицами, доказывающими свое дворянство по чинамъ прежней малороссійской службы. Въ 1805 г. черниговское дворянское собраніе признало въ дворянскомъ достоинствѣ записанныхъ по ревизіи между козаками сотеннаго канцеляриста Тимоѳея и братьевъ его Зиновія и Ивана Бачинскихъ. Герольдія отказалась признать за Бачинскими право на дворянское достоинство на томъ основаніи, что „въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ постановленій нѣтъ, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ офицерами служили и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“[2]). Въ 1807 году она не захотѣла внесть въ родословную книгу, „въ число тѣхъ, которые по служенію ихъ въ арміи офицерами пріобрѣли право на военное дворянство“, нѣжинскаго повѣтоваго казначея Павловскаго и частнаго

---

[1]) Книга о дворян., л. 248.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 249.

пристава черниговской полиціи Малахова, признанныхъ черниговскимъ собраніемъ, ибо первый изъ нихъ получилъ чинъ прапорщика въ отставку, а отецъ Малахова изъ войсковыхъ товарищей получилъ чинъ поручика тоже въ отставку, стало быть, по 92 пункту дворянской грамоты, ни тотъ, ни другой не могутъ быть признаны за потомственныхъ дворянъ, а только за личныхъ [1]). Въ томъ же 1807 году общее собраніе Сената разсматривало доказательства на дворянство, представленныя поручикомъ Никитою Ординскимъ. Кіевское депутатское собраніе внесло отца Никиты, сотничьяго сына Василія Орду, во 2-ю часть родословной книги по свидѣтельству 13 благородныхъ, что прадѣдъ его, Петръ Орда, былъ во 2-мъ компанейскомъ полку обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ, отецъ сотникомъ, а потомъ рукоположенъ во священника. Въ видѣ доказательства въ собраніе представлена была, кромѣ того, копія съ купчей крѣпости, данной дѣду Василія Орды, полковому хорунжему Андрею Ордѣ отъ козака Дзюбы на проданный млинокъ. Сенатъ не нашелъ этихъ доказательствъ достаточными къ признанію Орды въ дворянствѣ, ибо „въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобы предки его служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, къ коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство“. Грамоту у Орды приказано было отобрать, а дворянскимъ собраніямъ кіевской и полтавской губерніи подтверждено, чтобы они „по таковымъ доказательствамъ, каковыя отъ Василія Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ не выдавали“ [2]). Въ 1809 году геральдія отказала въ дворянствѣ Ярмаковымъ, которыхъ черниговское дворянское, собраніе внесло во 2-ю часть родословной книги. Собраніе признало доказательствами дворянства Ярмаковыхъ: паспортъ, данный Ивану Ярмакову, въ коемъ онъ названъ значковымъ товарищемъ Прилуцкаго полка; патентъ Ѳедора Ярмакова на пожалованный ему изъ войсковыхъ товарищей чинъ поручика, и свидѣтельство 12

---

[1]) Ibid., л. 195.

[2]) Чт. Общ. истор. и др. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 133.

штабъ и оберъ офицеровъ, удостовѣряющее, что Ярмаковы изъ предковъ шляхтичи, что ихъ отецъ и дѣдъ были значковыми товарищами, а прадѣдъ—войсковымъ. Въ герольдіи предки Ярмаковыхъ не были признаны, ибо герольдія „не нашла узаконеній, чтобъ значковые и войсковые товарищи состояли наравнѣ съ служащими въ дѣйствительной военной службѣ офицерами, коимъ только дворянскою грамотою предоставлено право военнаго дворянства“ [1]). Ту же участь пришлось претерпѣть и многимъ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, коихъ предки были въ Малороссіи полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками. Герольдія не соглашалась признать ихъ дворянами на томъ основаніи, что „чины сіи по неположенію ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства [2]).

Герольдія стала смотрѣть на доказательство малороссійскихъ дворянъ съ чисто формальной точки зрѣнія: разъ въ законѣ нѣтъ положенія, чтобы члены малороссійской службы давали дворянство,—нѣтъ и основаній къ признанію за носителями этихъ чиновъ дворянскихъ правъ. И съ этой формальной точки зрѣнія герольдія была совершенно права: малороссійскіе чины точно „не были положены въ табели о рангахъ“, а въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ дѣйствительно не было „положенія, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ служили офицерами и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“. Правда, при преобразованіи козачьихъ полковъ многіе козацкіе старшины произведены были въ табельные офицерскіе чины, но точныхъ правилъ, какіе малороссійскіе чины какимъ соотвѣтствуютъ табельнымъ чинамъ, установлено не было. Военная коллегія представила было императрицѣ Екатеринѣ II списокъ малороссійскихъ чиновъ и испрашивала ея разрѣшенія, какими чинами и съ какимъ старшинствомъ опредѣлять ихъ въ регулярную службу, но не получила никакой резолюціи, а по-

[1]) Кн. о дворян., л. 179.
[2]) Ibid, л. 278.

тому и производство того или другаго лица въ табельный чинъ обусловливалось не столько его малороссійскимъ чиномъ, сколько личными заслугами: одинъ, напр., сотникъ, во вниманіе къ 16-лѣтней службѣ, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, другіе такіе же сотники попали въ титулярные совѣтники, а третьи— въ губернскіе секретари. До нѣкоторой степени права была герольдія и тогда, когда отказывала въ дворянствѣ тѣмъ изъ малороссійскихъ старшинъ, кои получили табельные офицерскіе чины: толкованіе къ 19 ст. 92 пункта дворянской грамоты гласило, что „недѣйствительно въ военной службѣ служащихъ, но равные чины имѣющихъ почитать надлежитъ за имѣющихъ лишь личное дворянство, но не наслѣдственное", а дѣйствительной военной службой была, по мнѣнію герольдіи, только служба въ регулярныхъ россійскихъ полкахъ.

Такова была точка зрѣнія герольдіи, основанная на буквальномъ пониманіи закона. Она была діаметрально противоположна тѣмъ взглядамъ, какіе прочно установились въ практикѣ малороссійскихъ дворянскихъ собраній. Чины малороссійской службы считались здѣсь неоспоримыми доказательствами благородства, и въ вопросѣ о признаніи за ихъ носителями дворянскихъ правъ не возникало сомнѣній въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтней дѣятельности депутатскихъ коммиссій и дворянскихъ собра[illegible]
И въ самомъ дѣлѣ, какъ было отказать въ дворянствѣ какому-нибудь сотнику или войсковому товарищу, хотя бы и простонароднаго происхожденія, если этотъ сотникъ или войсковой товарищъ предъявляли патенты на табельные офицерскіе чины, полученные ими при реформѣ козацкихъ полковъ? Вѣдь и по табели о рангахъ и по дворянской грамотѣ офицерскій чинъ является несомнѣннымъ доказательствомъ дворянскаго достоинства. Соображеніе о томъ, что офицерскій чинъ, полученный не на дѣйствительной военной службѣ, не приноситъ дворянства, не приходило да и не могло придти въ голову дворянскимъ депутатамъ уже потому, что въ Малороссіи всякая служба считалась войсковою, военною; сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно была военная, не позволяли раны, полученныя многими, жившими еще на свѣтѣ, участниками послѣдней турецкой войны. Правда,

были въ Малороссіи лица, получившія козацкіе, а затѣмъ и табельные чины внѣ службы, за одно занятіе „шинковымъ промысломъ“, но вѣдь не на нихъ же однихъ обрушивались и перуны герольдіи. Что касается тѣхъ малороссійкихъ старшинъ, которые не получили табельныхъ чиновъ, то и ихъ причисленіе къ дворянскому сословію казалось депутатамъ вполнѣ законнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если старшины, попавшіе въ карабинерные полки и переименованные въ табельные чины, пользовались дворянскими правами, то можно ли было не признавать тѣхъ же правъ за такими же старшинами, не пожелавшими или не успѣвшими почему-либо попасть въ табельные чины и оставшимися поэтому при прежнихъ козацкихъ чинахъ? Чѣмъ хуже былъ сотникъ, вышедшій въ абшидъ до реформы, по сравненію съ тѣмъ сотникомъ, который при реформѣ былъ выпущенъ въ отставку съ чиномъ ротмистра? Принципъ, провозглашенный герольдіей, наносилъ тяжелый ударъ огромному большинству малороссійскаго дворянства, не имѣвшему другихъ доказательствъ благородства, кромѣ своей и предковъ своихъ службы въ козацкихъ старшинскихъ чинахъ. Дѣйствія герольдіи грозили закрыть этому большинству двери дворянскаго собранія, лишить его права владѣнія крѣпостными людьми, ограничить права по государственной службѣ и воспитанію дѣтей. Дѣло шло не только объ удовлетвореніи тщеславія, но и о существенныхъ, матеріальныхъ интересахъ многихъ тысячъ лицъ, привыкшихъ къ привилегированному положенію. Понятно, что большинство малорусскаго дворянства было глубоко возмущено дѣйствіями герольдіи. Въ отрицаніи благородства малороссійскихъ чиновъ дворяне видѣли не только нарушенія своихъ личныхъ интересовъ, но и оскорбленіе своего патріотическаго чувства. Не признавая малороссійскихъ чиновъ, герольдія, по мнѣнію дворянства, наносила глубокое оскорбленіе памяти вождей „націи“ и ни во что ставила ихъ доблестные подвиги передъ родиной и престоломъ. Негодованіе среди дворянства было общее. Оно высказывалось и въ письмахъ и въ разговорахъ, въ особенности среди „патріотовъ“, которыхъ въ то время было не мало. „Безпристрастное къ отечеству поревнованіе, а паче и униженіе нашихъ отечественныхъ

чиновъ, то и безгласнаго поощряетъ быть гласнымъ, а потому и заставляетъ пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду!"—восклицаетъ одинъ изъ „патріотовъ, Т. Калинскій, въ письмѣ къ полтавскому маршалу Милорадовичу. „Пылая къ отечеству любовію, не могъ удержаться отъ плодорѣчивости, и чѣмъ бы только можно пособить, то все изыскивалъ и изыскивать буду для общей пользы и славу своего передъ цѣлымъ свѣтомъ заслуженнаго народа до послѣднихъ силъ моихъ защищать не престану". „Радъ умереть, защищая общія наши преимущества и свободу!" [1]).

Другой патріотъ, В. Г. Полетика, въ запискѣ, предназначенной для свѣдѣнія дворянства, прямо таки упрекалъ правительство въ неблагодарности: „Славны и похвальны предводившіе малороссійское воинство и унижаемые теперь герольдіей до такой степени малороссійскіе чиновники были тогда, когда съ неустрашимостью восходили на смоленскія, азовскія и кизикерменскія стѣны, когда предъ лицомъ государей и славныхъ россійскихъ вождевъ храбро побѣждали и уводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешли въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрной храбростію въ рядахъ россійскаго воинства, и остались, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единороднымъ и единовѣрнымъ братьямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ вѣрно и такъ долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинскія доблести, заслуги, оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровью, столь обиднаго для себя уничиженія?!" [2]). Въ порывѣ раздраженія „патріоты" даже въ оффиціальныхъ бумагахъ старались не только отстоять права малороссійскаго дворянства, но и доказать его превосходство надъ великороссійскимъ. По мнѣнію, напр., того же Калинскаго, высказанному имъ въ запискѣ, представленной черниговскому дворянскому собранію, великорусскіе дворяне не

[1]) Книга о дворянахъ, л. 236.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 300.

только не могутъ идти въ сравненіе съ малороссійскими шляхетствомъ и чиновниками, но и съ простыми козаками: въ древней Великороссіи „дворяне изъ черни ко дворамъ царскимъ набирались, какъ о семъ въ книгѣ „Краткое начертаніе римскаго и россійскаго чиноположенія“ напечатано; козаки компутовые или списковые, т. е. регистровые, какъ и самые владѣльцы, въ ихъ имѣніяхъ, по ихъ правамъ, привилегіямъ и грамотамъ, больше у себя собственности ихъ заключали, нежели древніе въ Россіи помѣщики, которыхъ государи испомѣщали и верстали помѣстнымъ окладомъ и доходомъ, какъ они у себя осѣдлости собственной земляной не имѣли, ибо въ Россіи помѣстье обозначало казенную землю и по смерти у служивыхъ отбиралось въ казну, а козакамъ земли и хутора по договорнымъ гетманскимъ грамотамъ оставлены и по смерти ихъ женамъ и наслѣдникамъ, да и никакихъ податей и полицейскихъ повинностей въ Малой Россіи выборные козаки не несли и никуда не употреблялись по ихъ службѣ, даже и постоевъ не имѣли, какъ нынѣ дворянскіе по деревнямъ домы отъ постою освобождены“ [1]).

Возгласы патріотическаго негодованія нисколько, однако, не вліяли на дѣйствія герольдіи уже потому, что не долетали до кіевскихъ береговъ. Положеніе дѣлъ было таково, что огромному большинству малороссійскаго дворянства грозило разжалованье въ разрядъ разночинцевъ, а при такихъ условіяхъ ограничиваться одними возгласами и ждать перемѣны вѣтра было невозможно. Приходилось, во что бы то ни стало, отстаивать свои дворянскія права, хлопотать, жаловаться, доказывать. Само собою понятно, что тѣ лица, которыя умѣли въ столь трудное время найти подходящіе аргументы противъ дѣйствій герольдіи, должны были получить громадное значеніе среди дворянства. Такое значеніе досталось на долю „патріотовъ“, людей по своему времени очень интеллигентныхъ, интересовавшихся и мѣстной исторіей, и мѣстнымъ правомъ. На нихъ съ надеждой устремляются взоры благороднаго сословія, у нихъ ищутъ защиты и спасенія. И патріоты не обманули общихъ ожиданій. Они

[1]) Книга о двор., 149—150.

обращаются къ памятникамъ малорусской старины, изучаютъ лѣтописи, Статутъ, конституціи и гетманскія статьи, роются въ казенныхъ и фамильныхъ архивахъ, не только мѣстныхъ, но и столичныхъ. Они разыскиваютъ документы, касающіеся служебнаго положенія и владѣльческихъ правъ малороссійскихъ старшинъ, классифицируютъ добытыя свѣдѣнія по отдѣламъ, сравниваютъ ихъ между собою и такимъ образомъ дѣлаютъ выводы касательно правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ тѣмъ или другимъ старшинскимъ чиномъ. Въ этомъ отношеніи патріоты, можно сказать, предвосхитили идею Погодина, и ихъ историческій методъ ничуть не хуже метода покойнаго московскаго профессора. Для вящшаго подкрѣпленія своихъ аргументовъ защитники малорусскаго дворянства не ограничиваются узкимъ кругомъ мѣстныхъ документовъ и историческихъ памятниковъ: они изучали все, что можно было въ то время достать по исторіи не только русскаго, но и иноплеменнаго дворянства [1]), разыскивали Высочайшіе и сенатскіе указы, распоряженія, касающіяся слободско-украинскихъ полковъ и чиновъ войска донскаго, императорскіе рескрипты, письма важныхъ сановниковъ, словомъ—все, что только могло имѣть хотя самое отдаленное отношеніе къ интересовавшему дворянство вопросу. Результатомъ этихъ изученій явились „записки“ и „мнѣнія“, имѣвшія цѣлью доказать неоспоримость дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства. На почвѣ дворянскаго вопроса между патріотами завязывается дѣятельная переписка, для общей пользы“ [2]); люди, живущіе въ разныхъ концахъ Малороссіи, вступаютъ другъ съ другомъ въ заочныя знакомства, обмѣниваются „мнѣніями“, книгами, рукописями. Изъ среды дворянства выдвигаются личности Чепы, Чарныша, В. Полетики, Милорадовича, Калинскаго, Марковича,

---

[1]) До насъ дошелъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ то время выписокъ изъ разныхъ авторовъ „о чинахъ турецкихъ“, имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью доказать благородство тѣхъ претендентовъ на дворянское достоинство, кои выводили свои роды отъ турокъ и татаръ. Въ „Книгѣ о дворянахъ“ эти выписки составляютъ цѣлую тетрадь.

[2]) Въ „книгѣ о дворянахъ“ собраніе писемъ Калинскаго къ Милорадовичу носитъ заглавіе „Переписка между патріотами сего края для общей пользы“.

какъ добрыхъ патріотовъ и ревностныхъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ. Все это люди, воспитавшіе свой патріотизмъ на изученіи прошлой жизни Малороссіи, усердно собирающіе лѣтописи о Малой Россіи и всевозможные документы, относящіеся къ исторіи края. На свои занятія дворянскимъ вопросомъ они смотрятъ, какъ на подвигъ, предпринятый во славу отечества. Марковичъ пишетъ свою записку о малороссійскомъ дворянствѣ „отъ усердія къ своимъ соотчичамъ“ [1]), Калинскій—отъ „безпристрастнаго къ отечеству поревнованія“ [2]) Чепа—„по усердію и любви къ націи“. „Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества!—восклицаетъ В. Полетика въ письмѣ къ А. Чепѣ—собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нуждѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества“ [3]).

Къ своему сословному дѣлу ревнители дворянскихъ интересовъ сумѣли привлечь симпатіи главныхъ представителей центральнаго правительства въ краѣ,—сперва Куракина, а потомъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Куракина успѣлъ заинтетересовать дворянскимъ дѣломъ генеральный судья Р. И. Марковичъ. Сперва онъ „докладывалъ лично“ о дѣйствіяхъ герольдіи, а затѣмъ, по порученію генералъ-губернатора, представилъ ему уже цѣлую записку, посвященную защитѣ дворянскихъ интересовъ. Записку свою Марковичъ назвалъ „Замѣчаніями о правахъ малороссійскаго дворянства“. Въ основаніе своихъ „Замѣчаній“ Марковичъ положилъ „рѣшительные пункты“ 1728 года, мнѣніе иностранной коллегіи объ уравненіи чиновъ 1733 г. и табель малоросс. чиновъ, составленную при Разумовскомъ. Цѣль автора—доказать, что малоросс. козацкіе чины ни чуть не ниже табельныхъ, а потому и не могутъ быть отвергаемы въ качествѣ доказательствъ дворянства. По мнѣнію Марковича, сотникъ ни чуть не меньше офицера: онъ предсѣдательствовалъ въ сотенномъ судѣ, вѣдавшемъ гражданскія и уголовныя дѣла и при-

[1]) Кн. о дворян., л. 137.

[2]) Кн. о дворян., л. 236.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 56.

знанномъ самимъ государемъ за „судъ формальный", къ тому сотникъ имѣлъ и военную полную въ сотнѣ своей команду?". Какъ же занимать такой отвѣтственный постъ не офицеру? Войсковые товарищи „составляли сословіе и орденъ рыцарства" и считались выше сотниковъ, какъ это видно изъ табели 1756 г. Что касается до генеральныхъ старшинъ и полковниковъ, то по „разрѣшительнымъ пунктамъ" ихъ велѣно было выбирать изъ знатныхъ людей, а утверждать въ сихъ чинахъ предоставлено высочайшей особѣ. „Само слово „знатныхъ" и образъ утвержденія довольно изъявляютъ не маловажное оныхъ чиновъ обозначеніе. Великая Екатерина при отставкѣ малороссійскихъ полковниковъ, Забѣлу и Миклашевскаго повышая чинами, на докладъ, что имъ предлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: „полковникъ единожды уже здѣланъ полковникомъ", соизволила пожаловать ихъ въ бригадиры. Что принадлежитъ до полковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ полковникомъ присутствуя, составляли полковую канцелярію, управлявшую всѣми дѣлами, каковая нынѣ въ губернскомъ правленіи, и при томъ особенно полковой апелляціонный, а за открытіемъ въ 1763 году повѣтовыхъ судовъ—городской уголовный судъ, то оные дѣйствительно были малороссійскіе штабъ-офицеры, ибо имѣли команду не въ сотнѣ, но въ цѣломъ полку. Сихъ старшинъ, равно какъ и сотниковъ, государь велѣлъ за выборомъ утверждать гетману универсалами не на время, а на всегда и писать о ихъ достоинствѣ государю. Симъ образомъ произведенные чиновники могутъ ли быть ничего не значащими потому только, что не именованы ни капитанами, ни прапорщиками? Счетъ чиновниковъ въ классахъ, кажется, долженъ быть по качеству и по мѣрѣ власти, а оную малороссійскіе старшины не только имѣли въ войскѣ не менѣе регулярныхъ офицеровъ, но еще сугубо, потому что они вмѣстѣ были и военные, и гражданскіе судіи, при томъ не въ дикой какой либо землѣ, но въ Малой Россіи, имѣвшей нѣкогда честь вмѣщать въ себѣ даже столицу всего государства, да и по сіе время между областями имперіи удостаиваемой втораго мѣста, ибо въ титулѣ государевомъ послѣ Великой Россіи непосредственно слѣдуетъ Малая,

а потомъ Бѣлая Россіи". Приведя мнѣніе иностранной коллегіи 1733 г., соглашавшейся уравнять малороссійскихъ старшинъ съ офицерами, Марковичъ удивляется, почему же теперь эти же самые старшины признаются не стоющими того. „Правда, оно (мнѣніе) не конфирмовано, но сему есть причина, что гетманъ не доволенъ былъ сравненіемъ нѣкоторыхъ чиновъ, а паче воображая великую свою власть въ правительствѣ и право раздачи маетностей, мнилъ себя быть выше второго класса и потому конфирмаціи не домогался, однако жъ важность подписавшихся на мнѣніи особъ-канцлера и протчихъ—не ужели не стоитъ уваженія?". Для вящшей убѣдительности своихъ доводовъ Марковичъ указывалъ и на малороссійскую практику временъ Румянцева и послѣдующихъ. „За всѣмъ тѣмъ можно, кажется, уважить и то, что при открытіи въ Малой Россіи въ 1782 году намѣстничествъ выбраны подъ личнымъ надзоромъ графа Петра Александровича да и послѣ выбираемы были всегда чиновники малороссійскіе въ должности, служившимъ въ офицерахъ назначенныя,—императрица самоизволила принять то за благо".

Записку свою Марковичъ заканчаетъ риторическимъ воззваніемъ къ особѣ генералъ-губернатора. „Сіятельнѣйшій князь! Между многочисленными благодѣяніями, отъ васъ Малороссіи оказанными и оказываемыми, видно судьба предоставила имени вашему въ семъ случаѣ здѣлать сей землѣ помощь, чтобы чины ея возстановить изъ уничиженія. Я совершенно знаю, что весьма многіе и не беззнатные помѣщики на чинахъ предковъ основываютъ свое дворянство, тѣмъ болѣе, что древніе о томъ документы хотя у кого и были, истреблены пожарами и революціями, за польское владѣніе бывшими. Я отъ избытка моего усердія къ своимъ соотчичамъ слишковъ уже распространился, но я знаю, предъ кѣмъ предстою и кому говорю. Говорю къ начальнику, отечески ко ввѣренному краю расположенному и безъ всякой скуки, съ удодольствіемъ, доброхотно, благосердо, что все полезно выслушивающему"...

Записка Марковича была своевременно доставлена по адресу, но „какое возъимѣла дѣйствіе—не извѣстно", отмѣчаетъ современникъ. Мы можемъ сказать положительно, что дѣйствія она

не произвела никакого. Предвидѣніе Марковича оказалось вздоромъ: судьба не захотѣла предоставить имени князя Куракина возстановить малороссійскіе чины изъ уничиженія...

Само собою понятно, что изо всѣхъ доказательствъ о равенствѣ малороссійскихъ чиновъ съ табельными наибольшее значеніе въ глазахъ центральнаго правительства могло имѣть „мнѣніе“ иностранной коллегіи 1733 г., какъ подписанное высшими сановниками государства. „Мнѣніе“ это и самими патріотами почиталось краеугольнымъ камнемъ ихъ домогательствъ, на прочность коего возлагались великія надежды. Тѣмъ не менѣе этотъ важный документъ имѣлъ и свои нежелательныя стороны: въ „мнѣніи“, наприм., не было упомянуто о войсковыхъ товарищахъ, сотенные старшины сравнены были съ унтеръ-офицерами, козаки—съ солдатами, и даже о самихъ сотникахъ не рѣшено опредѣленно, дать ли имъ рангъ подпоручика и прапорщика. Словомъ, если бы дворянство, ходатайствуя объ отмѣнѣ заключеній герольдіи, сослалось на мнѣніе 1733 года, а правительство дѣйствительно захотѣло руководствоваться этимъ мнѣніемъ при разборѣ правъ малороссійскаго дворянства, то многіе изъ малороссійскихъ чиновниковъ оказались бы совсѣмъ не чиновниками, а другіе получили бы ранги, не дающіе правъ на дворянство. А дворянами хотѣлось быть всѣмъ безъ исключенія лицамъ, занимавшимъ какой-нибудь старшинскій урядъ въ старой гетманщинѣ, равно какъ и ихъ потомкамъ. На основаніи мнѣнія 1733 года малороссійскіе чины „не могли ожидать соразмѣрнаго уравненія съ великороссійскими“. Для нихъ гораздо желательнѣе была ссылка на табель 1756 года; она вѣдь тоже была подносима на высочайшую аппробацію и съ точки зрѣнія дворянства представляла не менѣе важности, нежели само мнѣніе иностранной коллегіи. Разъяснять значеніе этого документа взялъ на себя депутатъ черниговскаго дворянства Т. Калинскій. Въ 1805 г. онъ представилъ дворянскому собранію свое „мнѣніе о малороссійскихъ чинахъ и о ихъ преимуществѣ, а равно и о разборѣ ихъ доказательствъ о дворянствѣ по службѣ и чинамъ ихъ для внесенія въ родословную дворянскую книгу и въ какую именно оной часть“.

Съ точки зрѣнія Калинскаго, малороссійское дворянство обязано вступить въ открытую борьбу съ герольдіей: онъ предлагалъ просить центральное правительство объ изданіи особаго повелѣнія объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г., пока же не послѣдуетъ высочайшаго утвержденія о чинахъ малороссійскихъ, то по нимъ признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ, безъ другихъ доказательствъ, въ родословную книгу вносить сумнительно".

Калинскій обнаруживаетъ широкую эрудицію въ трактуемомъ имъ вопросѣ. Онъ пользуется и гетманскими статьями, и конституціями, и Статутомъ, и разными сенатскими указами. Ему хорошо извѣстенъ и черниговскій архивъ бывшей малороссійской коллегіи, къ которому онъ и обращается въ случаяхъ потребныхъ. Онъ ссылается на „мнѣніе" министра юстиціи Державина и на печатные труды Болтина, Третьяковскаго, Миллера, на „Синопсисъ", на какое-то „Краткое чиноположеніе Римской и Россійской имперіи", на „Исторію польскаго правительства, напечатанную въ С.-Петербургѣ 1760 году" и т. д. Тѣмъ не менѣе своею эрудиціею Калинскій не всегда умѣлъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, и нерѣдко „залеталъ за хмары". Добрая половина его записки „посвящена критикѣ мнѣнія иностранной коллегіи 1733 г. и разъясненію значенія для дворянства табели Разумовскаго: по словамъ автора записки, малороссійскіе чиновники всегда были уравниваемы съ великорусскими лучше, чѣмъ въ мнѣніи 1733 г. Многіе, напр., полковники (Стародубовскій, Миклашевскій) еще въ изданіи табели о рангахъ имѣли чины стольниковъ, „который чинъ былъ по тогдашнему 4-го класса". Въ 1701 и 1702 г. г. малороссійскихъ полковниковъ, бывшихъ въ Лифляндіи, Петръ Великій велѣлъ „наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы, полковниковъ компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ—противъ подполковниковъ, сотниковъ—противъ капитановъ, прочую жъ старшину—соотвѣтственно тому. При учрежденіи малороссійской коллегіи въ 1764 году „генеральной старшинѣ даны великороссійскіе чины гораздо съ повышеніемъ и одобреніемъ малороссійскихъ чиновъ въ урав-

написано". При реформѣ козацкихъ полковъ Румянцевъ „переименовывалъ почти всѣхъ бунчуковыхъ товарищей и полковыхъ старшинъ въ штабъ, а войсковыхъ и значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, мало чѣмъ не соотвѣтственно табели 1756 г., награждалъ оберъ-офицерскими чинами", такъ что безъ переименованія остались только куренные и сельскіе атаманы и городничіе, коихъ чины по табели 1756 года поставлены во II классѣ по генеральномъ обозномъ, а генеральный обозный имѣлъ при Румянцевѣ генералъ-маіорскій чинъ. Малороссійскіе полковники Забѣла и Миклашевскій выпущены въ отставку бригадирами, а при Петрѣ Великомъ Танскій и Жураховскій пожалованы въ полковники по высочайшимъ грамотамъ. Что касается нижнихъ чиновъ козацкой іерархіи, то и они уравнивались съ великорусскими безобиднѣе, чѣмъ въ мнѣніи 1733 года: возныхъ, напр., и сотенныхъ писарей Румянцевъ выпускалъ въ отставку полковыми писарями, многіе изъ нихъ переименованы секундъ-маіорами и коллежскими ассесорами, а между тѣмъ въ „мнѣніи" 1733 года объ этихъ чинахъ не упомянуто ни словомъ. Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто и о войсковыхъ канцеляристахъ, а между тѣмъ по табели 1756 г. они считались выше сотниковъ; изъ предложенія президента генеральной канцеляріи А. Румянцева отъ 16 декабря 1738 года видно, что по коммиссіямъ они находились всегда въ равенствѣ съ капитанами, а въ Екатерининское и послѣдующее время сенатъ производилъ ихъ въ титулярные совѣтники, какъ напр.—Чернацкаго въ 1801 г.

Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто не только значковыхъ, но и войсковыхъ товарищей, а между тѣмъ они ничуть не ниже оберъ-офицеровъ, ибо по именному повелѣнію 1733 года ихъ велѣно опредѣлять изъ дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и заслуженныхъ людей; они присутствовали въ полковой канцеляріи, въ походахъ занимали мѣста сотниковъ, а по земству выбирались въ подсудки, которыхъ сенатъ производилъ въ коллежскіе ассесоры, какъ напр.—Грищенка. О сотенной старшинѣ Калинскій думалъ, что и она должна считаться въ офицерскомъ рангѣ: это тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, справедливо, что даже относительно старшинъ Донского войска былъ указъ

(въ 1775 году на имя Оренбургскаго губернатора Френздорфа), чтобы съ ними поступать, какъ съ оберъ-офицерами. Вообще Калинскій очень высокаго мнѣнія о малороссійскихъ чинахъ и думаетъ, что всѣхъ дворянъ, доказывающихъ свое благородство малороссійскими чинами, слѣдуетъ вносить въ 6 часть дворянской книги, въ число тѣхъ древнихъ родовъ, благородное начало коихъ покрыто неизвѣстностью; демократическія вторая и третья части—не для малороссійскаго дворянства, а для тѣхъ parvenus, которые выслужились въ армейскихъ полкахъ или канцеляріяхъ. Калинскій позмущался до глубины души тѣмъ обстоятельствомъ, что въ мнѣніи 1733 года козакъ приравненъ къ рядовому солдату. „Козакъ имѣлъ въ семъ краю отъ россійскихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ князей утвержденный чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій, въ коемъ онъ титуловался и призчавался, а потому во всякихъ случахъ и въ выборахъ, даже и въ избраніи самихъ гетмановъ имѣлъ онъ голосъ и потому всякій заслуженный козакъ былъ въ выборахъ на какую либо старшину или какой урядъ, такожъ и къ полученію шляхетскаго имѣнія право имѣлъ, а кто въ Малой Россіи хотя бы изъ шляхетства былъ, но въ войскѣ запорожскомъ не служилъ, яко сего края въ сословіи дворянскомъ, то тотъ не имѣлъ сего преимущества и для того то въ компутѣ или спискѣ 1751 года, въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ нынѣ хранящемся, и знатнѣйшія фамиліи не изъ шляхетскаго достоинства, а изъ козачьяго званія написаны, яко то Борковскіе, Лизогубы и прочія симъ подобныя фамиліи, а по сему стало быть, что знатный козакъ, какъ въ грамотѣ дворянской, по 91 статьѣ написано, имѣлъ дѣйствительно верстанье по дворянской службѣ и при томъ была его благородная жизнь и отправленіе его службы было сходственное съ дворянскимъ названіемъ.. словомъ, владѣлъ и пользовался онъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ уже помѣщики пользуются“. „Въ Малой Россіи есть и теперь много такихъ козаковъ, которые дѣйствительно изъ польскаго шляхетства, а въ Зборовскихъ пунктахъ заключено, чтобъ козаки не инако въ Польшѣ признавались, какъ и самое шляхетство, тѣ самые, которыхъ гетманъ въ компутѣ своего регимента будетъ имѣть,

а потому то и до поддачи Хмельницкаго, а за владѣніе польское бѣдные шляхтичи уже именовались землянами, для того что изъ одной земли служили, а людей за собой не имѣли, которые за гетмановъ малороссійскихъ стали уже называться козаками, и таковыхъ въ Польшѣ и Бѣлороссіи столь много есть, что даже цѣлыми селеніями или околицами живутъ, а особливо Овруцкій и Луцкій почти весь повѣтъ изъ нихъ состоитъ; однако какъ ни велико оныхъ тамо число, но только изъ нихъ рекрутчины и государственныхъ податей и общественныхъ повинностей никто не несетъ, хотя и чиновъ они не имѣютъ, а напротиву того малороссійскіе полковые и сотенные старшины обложены окладомъ и изъ онаго не изъемлются да и рекрутскія повинности несутъ и всѣ вообще подати плотятъ"... „Бѣдственное положеніе" козацкихъ старшинъ, попавшихъ въ окладъ, вызываетъ у Калинскаго рядъ восклицаній соболѣзнованія и укоризны.

Если козачество съ точки зрѣнія Калинскаго было „чиномъ рыцарскимъ и станомъ шляхетскимъ", то и козацкіе начальники, предводительствовавшіе этимъ малороссійскимъ рыцарствомъ, должны были имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ офицеры регулярныхъ полковъ. Сотниковъ Калинскій приравнивалъ къ великорусскимъ воеводамъ, а сотенную старшину—къ воеводскимъ товарищамъ. Гетманъ—не только генералъ-фельдмаршалъ, но „какъ бы какой владѣтельный принцъ, и имя гетмановъ какъ существуетъ, то болѣе тысячи лѣтъ будетъ: гетманы Дулебъ и Вятко на свои имена цѣлыя области имѣли и къ коронѣ ближае другихъ были"; что гетманскій санъ очень высокъ,—доказывается уже тѣмъ, что Потемкинъ послѣ всѣхъ чиновъ и отличій былъ пожалованъ въ великіе гетманы. Генеральный бунчучный, по мнѣнію Калинскаго, „тоже значилъ, что въ Россіи передовой воевода, т. е. генералъ-порутчицкаго чина". Войсковые канцеляристы—это тоже, что въ Россіи авдиторы или и того больше—военные секретари. Генеральная старшина—это тѣже русскіе вотчинники и думные бояре, а войсковые товарищи—дѣти боярскіе [1]).

[1]) Книга о дворянахъ, лл. 140—158.

Рѣзкимъ диссонансомъ этому патріотическому самообольщенію звучитъ желчная рѣчь анонимнаго автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“. Патріотизма тутъ нѣтъ и слѣда, да и сама записка писалась не для дворянства, а для властей предержащихъ, а потому и выводы изъ историческихъ справокъ получились другіе. Вопреки патріотамъ, считавшимъ даже рядовыхъ козаковъ за „чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій“, авторъ „Замѣчаній“ доказывалъ, что дворянства, какъ сословія, надѣленнаго особыми, ему одному свойственными, правами и преимуществами, въ гетманской Малороссіи совсѣмъ не было: истинное начало малороссійскаго дворянства—только въ пожалованіи русскихъ государей. Послѣ революціи 1648 г. въ гетманщинѣ остались только самые бѣдные дворяне, но и тѣ поступили въ козаки, а козаки были тѣже мужики.

Учрежденные Хмельницкимъ козачьи начальники „были сначала неграмотные и по подлой природѣ своей—безъ всякаго воспитанія. Отъ времени до времени стали они своихъ дѣтей воспитывать и многіе получа отъ щедротъ россійскихъ государей деревни, а другіе проворствомъ, начальствомъ и хозяйствомъ сами ихъ наживши, здѣлались уже господами такими, какими изгнанные ими ихъ польскіе владѣльцы до того были. Въ позднѣйшія времена россійскіе государи отличали гетмановъ орденами и тѣмъ самымъ сравнивали ихъ съ знатными великороссійскими особами, а полковниковъ и генеральныхъ старшинъ сами стали въ сіи чины жаловать, нѣкоторымъ же и россійское дворянство пожаловали. Вотъ начало малороссійскаго настоящаго дворянства“. Само русское правительство до Екатерины II не считало малороссійскихъ старшинъ за дворянъ: оно не хотѣло сравнять козацкіе чины съ табельными и даже при Елисаветѣ запретило принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ. „Россійское правительство знало, что и сами гетманы не что иное были, какъ выбранные самими козаками изъ себя козацкіе начальники, происхожденія большею частію подлаго, и что выдуманные ими самими чины не могли того имѣть сравненія и той степени, какую вездѣ въ Европѣ у коронованныхъ владѣтелей они

имѣютъ. Во всѣхъ посылаемыхъ къ гетманамъ отъ россійскихъ государей грамотахъ одно войско Запорожское и ихъ старшины или вообще малороссійскій народъ духовнаго и мірскаго званія упоминался, а о малороссійскомъ шляхетствѣ или дворянствѣ ничего не говорено. Въ такомъ презрительномъ положеніи малороссійскіе чиновники до царствованія Екатерины Великой пребывали. Сія премудрая и человѣколюбивая самодержица осчастливила ихъ дворянскимъ достоинствомъ".

Развѣнчивая малороссійское шляхетство, авторъ „Замѣчаній" подвергалъ безпощадному осужденію и дѣйствія дворянскихъ депутатовъ, обвиняя ихъ въ продажности и злоупотребленіяхъ, результатомъ коихъ явилось непомѣрное перепроизводство дворянскаго сословія. „Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи 100 тысячъ дворянъ нынѣ щитается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ во время Хмельницкаго и сотой доли не было и быть не могло: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ 164 сотни, положа на каждую сотню по 30 такихъ чиновниковъ, которые нынѣ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ почитаются, яко то: сотниковъ, войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, асауловъ, хорунжихъ, обозныхъ полковниковъ, генеральныхъ старшинъ, то выходитъ около 5 тысячъ, какого числа до 1780 г. не было, а хотя и было, то не всѣ изъ природныхъ малороссіянъ, но многіе изъ жидовъ, волохъ, молдаванъ, поляковъ, татаръ, турокъ, грековъ и цыганъ произошли. Умножа сіе число и въ двое, то только десятая часть противъ теперешняго количества дворянъ выйдетъ, но при законномъ и вѣрномъ переборѣ не уповательно, чтобы и сіе число настоящихъ дворянъ набралось". Для водворенія порядка въ разборѣ малороссійскаго дворянства авторъ „Замѣчаній" требовалъ призванія великороссійскихъ чиновниковъ. „Двадцать уже одинъ годъ проходитъ, какъ разборъ дворянскимъ родамъ продолжается, но и по сіе время оный не конченъ, и по сіе время родословныхъ книгъ нѣтъ. Естьли онъ тѣмъ же порядкомъ и такими же людьми будетъ производимъ, какими нынѣ производится, то онъ и никогда не получитъ конца, и Правительствующій Сенатъ, требующій того, чтобы у неимѣ-

ющихъ права владѣть людьми оныхъ отобрать, никогда онаго не дождется. Малороссіяне къ такимъ важнымъ должностямъ и къ прилежному исправленію порученной на нихъ должности еще не созрѣли. Они, по прежней козацкой службѣ, привыкли служить въ своихъ домахъ и заниматься своимъ хозяйствомъ. Отъ сего то происходитъ, что многіе маршалы отказываются жить въ губернскомъ городѣ, а депутаты никогда въ полномъ числѣ въ собраніи не бываютъ и пріѣхавшіе отлучаются по своей волѣ. Для прекращенія таковаго неустройства и для окончанія сего важнаго и для самихъ ихъ полезнаго дѣла нужно сдѣлать изъятіе и на время учредить, на коштъ бывшихъ нерадивыхъ губернскихъ предводителей и депутатовъ, одну особую для разбора цѣлой Малой Россіи коммиссію, въ которой, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, предсѣдать особо отъ короны опредѣленной особѣ и засѣдать нѣсколькимъ изъ великороссіянъ почетнымъ людямъ, отъ Сената опредѣленнымъ, а при нихъ губернскому предводителю и депутатамъ прежде одной губерніи, изъ такихъ людей выбраннымъ, которыхъ дворянское достоинство природою или знатными чинами сумнѣнію не подвержено. Не меньше нуженъ тутъ секретарь и канцелярскіе служители изъ великороссіянъ же, которые канцелярскій порядокъ знаютъ и къ которому малороссіяне и по сю пору не привыкли. Сія Коммиссія должна о поданныхъ польскихъ свидѣтельствахъ изъ всѣхъ польскихъ губерній требовать отъ самыхъ тамошнихъ губернаторовъ точныхъ увѣреній, по коимъ откроется, что большая часть ихъ подложны. Всякое окончательное о фамиліи опредѣленіе посылать для утвержденія въ Сенатъ, чѣмъ скорѣе конецъ быть можетъ. Въ случаѣ недостаточныхъ доказательствъ нужно отъ дворянина потребовать дополненія, но когда уже онъ письменно отъ онаго откажется, то рѣшить дѣло такъ, чтобы оно ему было, до утвержденія Сената, закрыто, дабы всякому беззаконію пресѣчь путь". Сверхъ правилъ, означенныхъ въ дворянской грамотѣ, авторъ „Замѣчаній" предлагалъ еще особыя правила спеціально для разбора малороссійскаго дворянства. По его мнѣнію, всѣ малороссійскіе чины, отъ гетмана до сотника, могутъ служить доказательствами

дворянскаго достоинства, но только въ томъ случаѣ, если они получены на дѣйствительной службѣ, а не внѣ службы, какъ это не рѣдко случалось, особенно въ Румянцевское время. Затѣмъ, конечно, дворянами должны быть признаны и всѣ тѣ малороссійскіе старшины, которые получили табельные чины, если только они несли дѣйствительную службу. „Всѣ бунчуковые и войсковые товарищи, сотники и полковые старшины, которые не отъ вышепоименованныхъ чиновниковъ произошли, а неслужа изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ и разныхъ ремесленниковъ въ сіи чины поступили, сами и ихъ дѣти, не выслужившіе дворянскихъ чиновъ, не могутъ быть настоящими дворянами, а должны въ числѣ разночинцевъ остаться". „Всѣ не изъ дворянъ, имѣющіе чины коллежскихъ регистраторовъ, секретарей такихъ, которые не служили секретарями, и титулярныхъ совѣтниковъ, должны быть личными дворянами и не пользоваться дворянскимъ правомъ и выгодами". „Всѣ попы, протопопы, діаконы и всѣ духовные, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монахи, хотя бы они изъ дворянъ происходили, не могутъ считаться дворянами, а должны быть довольны своимъ званіемъ, ибо быть попомъ и дворяниномъ не вмѣстно и нигдѣ въ Статутѣ попамъ дворянское званіе не дозволено, а напротивъ того, есть запретительные указы, чтобы попамъ отнюдь не имѣть земель и людей. Всѣ малороссійскіе попы, называющіе себя дворянами, есть бѣглецы изъ козаковъ или чиновниковъ: они, убѣгая службы, тайно постригались въ попы"...[1]).

---

[1]) Чт. Общ. исторіи и древн., 1848, къ I, отд. II, стр. 11—24. Приведенная выдержка изъ „Замѣчаній" заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться. Лица, занимавшіяся судьбой малорусскаго дворянства, ссылаясь на указаніе автора „Замѣчаній", винятъ малороссійскихъ депутатовъ за то, что они пустили въ дворянство цѣлыхъ 100 тысячъ, какъ и за то, что они умышленно тянули составленіе родословныхъ книгъ. Что касается перваго обвиненія, то оно возникло вслѣдствіе умышленной, на нашъ взглядъ, подтасовки фактовъ, допущенной авторомъ „Замѣчаній", очевидно, съ цѣлью „сгустить краски" для произведенія вящшаго эффекта. Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти 100 тысячъ дѣйствительно были признанными дворянами, внесенными въ родословныя книги. Въ составъ этой цифры входила цѣлая масса такъ называемыхъ личныхъ дворянъ: коллежскихъ регистраторовъ, губернскихъ секретарей etc., „Въ то время—разсказываетъ авторъ „Воспоминаній изданныхъ не для публики"—многіе зажиточныя козаки и другіи податныхъ со-

Какъ ни строго относился авторъ „Замѣчаній“ къ дворянскому вопросу, но и онъ не рѣшался отрицать дворянскія права козацкихъ старшинъ, требуя только, чтобы полученные ими чины были пріобрѣтены на дѣйствительной службѣ; его проектъ перебора дворянства былъ опасенъ преимущественно только для тѣхъ, которые выводили свои фамиліи отъ польскаго и вообще иноземнаго шляхетства. Герольдія поступала какъ разъ на оборотъ: безпрепятственно принимая королевскіе дипломы и польскія свидѣтельства, иногда, можетъ быть, и очень сомнительнаго происхожденія, она отвергала доказательства, основанныя на чинахъ малороссійской службы только потому, что эти чины не показаны ни въ табели о рангахъ, ни въ дворянской грамотѣ. Малороссійскому дворянству оставалось только

словій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сына мужичка въ дьячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже на всегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значительнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ („Кіев. Стар.“ 1895, № 5, стр. 232). Какъ много фабриковалось каждогодно такихъ дворянъ,— видно уже изъ того, что въ малороссійскихъ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло по 30—60 канцелярскихъ служителей, попадавшихъ современемъ въ регистраторы и секретари. Всѣ эти лица назывались дворянами, потому что таковыми считалъ ихъ самъ законъ, и депутатскія собранія были тутъ ровно не при чемъ. Въ томъ, что личные дворяне пользовались въ Малороссіи тѣми же правами, какъ и потомственные, депутаты, конечно, не виноваты, ибо слѣдить за тѣмъ, кто имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было не ихъ дѣло. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ то время Малороссія все еще управлялась „слабымъ и конфузнымъ“ Статутомъ, который не зналъ раздѣленія шляхетства на потомственное и личное. Порядки, установленные при Павлѣ и существовавшіе въ то время, когда писались „Замѣчанія“, были почти тѣ самые порядки, которые существовали въ краѣ до 1782 г., а при нихъ, какъ извѣстно, права чиновниковъ нисколько не разнились отъ правъ родоваго шляхетства. Что касается медленности въ составленіи родословныхъ книгъ, то и въ этомъ депутатовъ трудно винить безусловно. Родословныя книги первоначально составлены были въ малороссійскихъ губерніяхъ около 1790 г., а затѣмъ ихъ пришлось передѣлывать въ силу сенатскаго указа 18 декабря 1791 г. Затѣмъ приходилось передѣлывать ихъ въ виду неоднократныхъ измѣненій территорій губерній, на которыя была раздѣлена бывшая гетманщина. Такъ, въ 1791 г. Зеньковскій и Гадячскій уѣзды отошли отъ Черниговской губерніи къ Кіевской, а вмѣсто этого присоединенъ отъ Новгородъ-Сѣверской губерніи уѣздъ

внять совѣту Калинскаго и обратиться къ центральному правительству съ формальной жалобой на униженіе національныхъ чиновъ. Такъ оно и сдѣлало.

Въ январѣ 1806 г. дворянство съѣхалось на выборы въ Черниговъ. Здѣсь то и поднятъ былъ вопросъ о дѣйствіяхъ герольдіи. Былъ прочитанъ цѣлый рядъ указовъ, изъ коихъ явствовало, что съ точки зрѣнія герольдіи чины прежней малороссійской службы—вовсе не чины, а только козачьи званія. Прочитаны, конечно, и записки патріотовъ, и въ концѣ концовъ постановлено поручить губернскому предводителю ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ генералъ-губернатора объ отмѣнѣ заключеній герольдіи.

Конотопскій. Въ 1795 г. Гадячскій уѣздъ съ Зеньковскимъ снова возвращены къ Черниговской губерніи. Указомъ императора Павла изъ трехъ малороссійскихъ губерній составлена одна съ присоединеніемъ отъ Екатеринославской губ. бывшаго Полтавскаго полка и гор. Кременчуга, который нѣкогда принадлежалъ Миргородскому полку. По мѣрѣ этихъ измѣненій, дѣла о тѣхъ или другихъ дворянскихъ родахъ отсылались въ тѣ депутатскія собранія, вѣдомству коихъ принадлежали дворяне присоединенныхъ уѣздовъ. Въ 1800 г. (25 августа) велѣно было передѣлать родословныя книги по новой формѣ; затѣмъ послѣдовало новое раздѣленіе Малороссіи на двѣ губерніи и т. д. Въ чемъ дѣйствительно можно корить депутатовъ,—такъ это въ легкомысленномъ отношеніи къ формальной сторонѣ дѣла. Когда въ 1797 г. герольдія потребовала отъ дворянскихъ собраній присылки родословныхъ книгъ, предводитель бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества заявилъ, между прочимъ, что „оныя книги предмѣстниками его не подписаны и не по правиламъ высочайшей грамоты составлены". Въ Кіевскомъ намѣстничествѣ не доставало „алфавитныхъ списковъ" нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, съ присылкою коихъ медлили уѣздные предводители. Въ Черниговскомъ намѣстничествѣ „хотя оная родословная книга по формѣ, предписанной въ высочайшей грамотѣ, дворянству пожалованной, сочинена, но за неприсылкою отъ уѣздныхъ предводителей дворянскихъ списковъ многихъ дворянскихъ родовъ пропущено запискою, гдѣ жительствуютъ и о прочемъ, касательномъ до формы списковъ; по учиненнымъ протоколамъ нѣкоторые роды остались въ книгу не внесены, а другіе ненадлежаще и вдвойнѣ показаны, и оная книга подписана только губернскимъ предводителемъ и пятью депутатами, по каковымъ обстоятельствамъ, требующимъ дополненій или вновь сочиненія родословной книги вынѣшнее собраніе той сочиненной книги приступить къ отправленію въ герольдію не смѣетъ". (Арх. Малороссійской Коллегіи, № 1734). Къ изложенному не мѣшаетъ прибавить, что и въ остальныхъ губерніяхъ родословныя книги составлялись не быстро: въ ноябрѣ 1790 г. въ герольдію были доставлены копіи родословныхъ книгъ только отъ „Рѣжскаго" и Курскаго намѣстничествъ (Собраніе рѣдкостей, стр. 277—278).

Дворянское ходатайство немногимъ разнится отъ „замѣчаній“ Марковича, въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно повторяетъ ихъ отъ слова до слова. Подобно Марковичу, авторъ дворянскаго ходатайства, черниговскій маршалъ ссылается на „рѣшительные пункты“ и на указъ 1764 г., коимъ присутствующіе въ генеральной канцеляріи старшины сравнены въ классахъ съ великорусскими ея членами. Какъ и Марковичъ, онъ указываетъ на производство полковниковъ Забѣлы и Миклашевскаго въ бригадиры, а относительно полковой старшины и сотниковъ почти буквально повторяетъ слова Марковича. Для доказательства дворянскихъ правъ подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ, писарей, коморниковъ и возныхъ, Черниговскій маршалъ ссылался на статутъ, согласно коему „подкоморые, судьи, подсудки и писари земскіе поставлены въ такомъ достоинствѣ, что на чины ихъ узаконено давать патенты самому Государю, да и при возстановленіи въ Малороссіи правленія и судоустройства сообразно тому, какъ оныя въ семъ краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовали, именнымъ высочайшимъ указомъ 1796 г. ноября 30-го судьи генеральные поставлены въ 4-омъ, судьи земскіи въ 7-омъ, подсудки въ 8-мъ, подкоморьи въ 6-мъ классѣ, прочіе жъ чиновники по штату, высочайше конфирмованному, положены; какъ то: земскіе писари въ 10-омъ коморники въ 12-омъ, а возные въ 14-омъ классѣ, при всемъ томъ хотя они повиду кажутся и статскими, но въ Малой Россіи не было раздѣленія между военными и статскими чинами, а всѣ они были военные и во время войны по арт. 7 розд. 2-го всѣ безъ всякаго изъятія обязаны становиться лично подъ знамена подъ потеряніемъ имѣнія, для какого бытія въ войскѣ судей и писарей дѣйствіе судовъ по артикулу 46 пункту 3 розд. 4-го оставлялось до окончанія войны.“ Черниговскій маршалъ не рѣшился умолчать о мнѣніи иностранной коллегіи 1733 г., какъ это совѣтовалъ сдѣлать Калинскій, но за то успѣлъ воспользоваться его указаніями о достоинствахъ табели 1756 г. Удачно воспользовался онъ и указомъ 23 іюля 1783 г. „Въ высоч. 1783 г. іюля 23 дня указѣ, военной коллегіи при реформѣ малороссійскихъ полковъ данномъ, находящихся въ ма-

лороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ... Изъ сего высоч. указа ясно видѣть можно, что чины малороссійскіе почитаемы быть должны какъ дѣйствительно офицерскіе, ибо когда повелѣвается ихъ *опредѣлять* и *переименовывать*, а не *производить* въ штабъ и оберъ-офицеры, смотря по степенямъ, то явственно утверждаются имъ ранги, поелику извѣстно, что по порядку службы никто безъ степени изъ ничего, особливо еще въ штабъ офицеры, не переименовывается"...

Послѣднимъ аргументомъ въ боевомъ арсеналѣ Черниговскаго маршала является ссылка на владѣльческія права малороссійскихъ старшинъ. „Гетманъ Хмельницкій при поддачѣ Малой Россіи, а по немъ и всѣ другіе гетманы всегда просили государей утвержденія своему краю права литовскаго статута, который всѣми государями и утвержденъ. Въ семъ самомъ статутѣ въ разд. 3 арт. 26 строго запрещено простолюдинамъ владѣть деревнями, а гетманы всегда чиновникамъ малороссійскимъ оныя давали, изъ коихъ весьма многимъ таковы гетманскія надачи, и государственными грамотами подтверждены, почему и доказательно, что чиновники малороссійскіе дѣйствительно признаваемы были за шляхту, инакожъ бы гетманы, вопреки непрошенному самими ими праву, и раздавать деревень неимѣющимъ право оными владѣть не могли. Въ сенатскомъ архивѣ всѣ акты находятся о раздачѣ деревень симъ самымъ чинамъ, которыхъ нынѣ геральдія не признаетъ дворянства и которыхъ, однако жъ, многихъ потомки и теперь владѣютъ оными; сверхъ того, и по государственному положенію гетманы, генеральные старшины, полковники, полковая старшина и сотники вмѣсто жалованья имѣли всегда раньше свои деревни съ крестьянами, владѣніе жъ деревнями по высоч. о дворянствѣ грамотѣ есть полное доказательство дворянства". О томъ, какъ на дѣлѣ исполнялось въ гетманщинѣ статутовое запрещеніе раздачи маетностей

людямъ не шляхетскаго происхожденія Черниговскій маршалъ, конечно, не говоритъ ни слова [1]).

Черниговское ходатайство, какъ видно изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, было отправлено къ кн. Куракину 3 марта 1806 г. По видимому, оно было не послѣднимъ. По словамъ А. Марковича, Черниговскому дворянству неоднократно приходилось утруждать правительство просьбами объ отмѣнѣ заключеній герольдіи; изъ одного частнаго письма отъ того времени мы знаемъ, что для составленія ходатайства по этому вопросу въ Черниговѣ была выбрана дворянствомъ особая коммиссія, которая тоже составила какую-то записку касательно малороссійскихъ чиновъ [2]); а изъ письма генералъ-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго къ Черниговскому маршалу Стороженку видно, что и въ 1808 г. Куракину подавалось какое-то прошеніе Черниговскаго дворянства объ уравненіи всероссійскихъ чиновъ съ табельными [3]). Какъ бы то ни было, Черниговскому ходатайству еще не скоро былъ данъ ходъ: въ Петербургъ оно попало вмѣстѣ съ другими представленіями, касающимися малороссійскихъ дѣлъ, только въ 1809 г., какъ это явствуетъ изъ журнала комитета министровъ за этотъ годъ.

А пока Черниговское ходатайство лежало въ генералъ-губернаторской канцеляріи, вопросъ, какъ быть съ герольдіей, былъ поднятъ и въ другой малороссійской губерніи—Полтавской. Толки о необходимости что-нибудь предпринять для выхода изъ тяжелаго положенія начались здѣсь еще въ маршальство Кочубея; при Милорадовичѣ дѣло сильно подвинулось впередъ, а при Чарнышѣ (1809—1812 г.) было наконецъ составлено и подано начальству ходатайство объ отмѣнѣ заключеній герольдіи. Главными дѣйствующими лицами выступаютъ здѣсь: Роменскій маршалъ В. Полетика, извѣстный знатокъ старой Малороссіи А. Чепа, знакомый уже намъ Т. Калинскій и полтавскіе маршалы Милорадовичъ и Чарнышъ. Вопросъ о правахъ малороссійскихъ чиновъ вызываетъ среди полтавскихъ дворянъ нѣ-

[1]) Книга о дворянахъ, лл. 199—208.

[2]) Ibid Л. 236.

[3]) Книга о дворянахъ, л. 306.

сколько записокъ. Конечно, полтавцы могли и не трудиться, а просто переписать черниговское ходатайство и подать, куда слѣдуетъ. Не сдѣлали они такъ потому, что ни представленіе Черниговскаго маршала, ни записка Черниговской коммиссіи не казались имъ достаточно сильными: по мнѣнію полтавскихъ юристовъ, черниговская коммисія въ запискѣ своей пропустила „самые главные пункты и фундаментальное оныхъ основаніе, а особливо привилегіи, грамоты, гетманскія статьи и приличные указы", а Черниговское собраніе „самое первоначальное основаніе обойшло и проходженія службы малороссійскихъ чиновъ не объяснило, что весьма для многихъ есть и будетъ обидно, а особенно для войсковыхъ канцеляристовъ и значковыхъ товарищей". Были такіе пропуски „главныхъ пунктовъ", которые были замѣчены даже „самимъ княземъ" (Куракинымъ), не смотря на то, что онъ въ Малороссіи былъ человѣкъ чужой. Кромѣ того, были погрѣшности и въ самой редакціи: такъ напр., черниговцы написали, что малороссійскіе чиновники всегда почитались за шляхту; по мнѣнію полтавцевъ это неловкое выраженіе могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, ибо за шляхту почитались въ Малороссіи даже простые козаки, а чиновники непремѣнно были шляхтичами. Для того, чтобы не пропустить какихъ либо „фундаментальныхъ основаній", полтавскому маршалу Милорадовичу нужно было принять въ соображеніе всѣ мнѣнія свѣдущихъ по сему предмету лицъ, были ли они полтавскими дворянами, или иногубернскими. Милорадовичъ искалъ такихъ свѣдущихъ людей вездѣ. Знакомъ онъ былъ и съ генеральнымъ судьей Р. И. Марковичемъ, тѣмъ самымъ, который писалъ для Куракина записку о малороссійскихъ чинахъ. Черезъ Марковича Милорадовичъ познакомился и съ другимъ черниговскимъ дѣятелемъ, Т. Калинскимъ, котораго Марковичъ рекомендовалъ какъ полезнаго человѣка. „Дабы оправдать рекомендацію Романа Ивановича", Калинскій усердно занялся собираніемъ для Милородовича свѣдѣній о малороссійскихъ чинахъ. Кромѣ сырого матеріала, Калинскій доставилъ Милорадовичу и собственное свое сочиненіе по этому вопросу, такъ наз." примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ". Къ

этому же времени относится и любопытная, „переписка между патріотами сего края для общей пользы“—это письма Калинскаго къ Милорадовичу все по тому же вопросу о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское достоинство.

Обстоятельства заставили Калинскаго, какъ онъ самъ выражался, „пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду“, вслѣдствіе чего онъ очень опасался, дабы въ его „примѣчаніяхъ“ не было усмотрѣно нѣкое вольнодумство. „Милостивому государю имѣю честь донести, что какъ я въ оныхъ (примѣчаніяхъ), можетъ быть, и слишкомъ откровенно писалъ и особливо въ надеждѣ къ нашему краю вашего патріотизма, оныя мои тетради не всякому давать читать, а паче списывать и по сочиненіи вашего представленія мнѣ сіи тетради мои возвратить“. Опасенія Калинскаго, однако, преувеличены, ибо онъ прекрасно умѣлъ говорить „пророческимъ и апостольскимъ духомъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ, „какъ требуетъ того нынѣшняя политика“. Оно и не удивительно: Калинскій былъ человѣкъ 18-го вѣка, а въ это время умѣли „истину царямъ съ улыбкой говорить“. Свои „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ“ Калинскій начинаетъ съ „фундаментальныхъ основаній“—съ королевскихъ привилегій и гетманскихъ статей, пропущенныхъ въ черниговскомъ ходатайствѣ. „Король польскій Сигизмундъ-Августъ 1563 года іюня 7 и 1569 года іюня 5 числъ двѣ привилегіи для русской кіевской земли издалъ и оными сей край пожаловалъ, которыя и въ вновь сочиненный законъ сего края и литовскаго княженія, книгу наз. Статутъ, внести на вѣчныя и потомственныя времена повелѣлъ, и въ оныхъ привилегіяхъ сказалъ, во первыхъ, что всѣ вообще и порознь обыватели отъ послушанія и владѣнія великаго княжества Литовскаго изъемлются и освобождаются, а присоединяются и присовокупляются къ Польскому королевству, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ и какъ собственные и истинные члены къ первому ея тѣлу и главѣ, а потому и имѣютъ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ и обычаяхъ, которые у нихъ изъ вѣковъ бывали, безъ всякой отмѣны и ни въ чемъ ненарушимо и владѣть вообще и всякому своимъ собственнымъ и наслѣдственнымъ

добромъ и по своей волѣ онымъ располагать и оборачивать и какъ чину рыцарскому, такъ и шляхетскому изъ между себя избирать въ воинскіе, гражданскіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою, наз. Статутъ, которую король польскій Владиславъ изданною отъ него на Варшавскомъ главномъ сеймѣ 1635 года конституціею и 28 оной статьею узаконилъ употреблять Черниговскому, Кіевскому, Волынскому и Брославскому воеводству, по которымъ привилегіямъ и Статуту русской земли какъ рыцарство военнаго служенія, такъ и шляхетство судились, равно и выборы изъ между себя производили въ полной ихъ волѣ и власти, безъ всякаго препятствія". Въ 1649 г. при договорѣ Богдана Хмельницкаго съ польскимъ королемъ подъ Зборовымъ „позволено было какъ рыцарству польскому, такъ и малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска Запорожскаго на равнѣ считаться съ шляхетствомъ, которые потому и равнялись съ шляхетствомъ, примѣрно сказать, какъ въ Россіи штабъ и оберъ-офицеры военнаго дворянства равняются съ дѣйствительнымъ и древнимъ дворянствомъ и онаго правомъ и преимуществомъ пользуются".

Указавъ затѣмъ на грамоты, данныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шляхетству и козакамъ „яко рыцарству", подтверждающія всѣ тѣ права, коими они пользовались за польское владѣніе, авторъ „примѣчаній" увѣряетъ, что „преемники Богдана Хмельницкаго содержали оныя права ненарушимо, такъ что никакой отмѣны онымъ не было, а потому то гетманъ И. Брюховецкій въ 8 статьѣ договорныхъ его пунктовъ называетъ козаковъ честными рыцарями, паче же ихъ чиновниковъ какъ иначе почесть можно и теперь, когда въ самой Польшѣ чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій за одно считался?". Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Калинскій ссылался на гетманскія статьи и царскія грамоты. Такъ, въ статьяхъ Многогрѣшнаго по 8 пункту сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честью шляхетскою или дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали". Въ статьяхъ Мазепы постановлено, чтобы никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ чиновъ гетманскаго

регименту не унижалъ и не укорялъ: яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властью пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи. Въ статьяхъ Самойловича написано, что малороссійскіе посланцы войска Запорожскаго при разграниченіи съ Польшею должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ за польское владѣніе бывали и равно съ ними сидѣли, а никогда не стояли. Подтвердительныя грамоты всѣхъ русскихъ государей до Александра I, по мнѣнію Калинскаго, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ тѣ права, коими пользовались малороссійскіе чиновники, и до сихъ поръ пребываютъ безъ отмѣны.

Таковы „фундаментальныя основанія“ дворянскихъ правъ козацкой старшины, впервые выставленныя Калинскимъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи его „примѣчанія“ часто повторяютъ то, что было высказано раньше его въ запискахъ черниговскихъ дворянъ, но кое гдѣ и разнятся.

Такъ, изъ рѣшительныхъ пунктовъ Калинскій дѣлаетъ тотъ же выводъ, что и черниговскій маршалъ, но при этомъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что „знатнымъ“ козакамъ сами государи жаловали хутора съ людьми, а изъ таковыхъ именно знатныхъ козаковъ только и могли выбираться малороссійскіе чиновники. Всѣ они, не исключая даже сотенныхъ старшинъ и атамановъ, были не только военачальники, но и градоначальники, а потому какъ же иначе можно почитать ихъ, какъ не дворянами, если по словамъ самой дворянской грамоты, дворяне суть „начальствовавшіе въ древности мужи?“ Переходя къ обсужденію дѣйствій герольдіи, авторъ „примѣчаній“ указываетъ на ихъ непослѣдовательность: прежде она признавала по однимъ малороссійскимъ чинамъ дворянами даже людей, выслужившихся изъ простыхъ козаковъ, а теперь не признаетъ и такихъ, коихъ предки занимали важныя должности, а потомки и по днесь владѣютъ жалованными имѣніями. По мнѣнію Калинскго, вся бѣда происходитъ отъ того, что герольдія лѣнится хорошенько вникнуть въ дѣло, познакомиться со всѣми привилегіями, грамотами и гетманскими пунктами, хранящимися въ военной коллегіи. Если стать на точку зрѣнія

петербургскаго начальства, то придется всѣхъ малороссійскихъ чиновниковъ признать недѣйствительно военнослужащими, т. е. личными дворянами, а между тѣмъ всякая малороссійская служба была только военною: всѣ гетманскія надачи даваемы были за „роненіе войску Запорозскому праци", да и сами гражданскіе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымм начальниками. Герольдія указывала, что малороссійскіе чиновники не имѣли чиновъ, а только козацкія званія. Калинскій опровергаетъ этотъ взглядъ ссылкой на переименованіе малороссійскихъ чиновъ въ 1783 году и на табель Разумовскаго, съ очевидностью доказывающую, что у малороссійскихъ чиновниковъ, какъ и у великорусскихъ, были свои степени. Въ табели 1756 г. перечислено, кромѣ рядовыхъ козаковъ, одиннадцать классовъ, но если къ ней прибавить, какъ и слѣдовало бы, должность гетмана, состоявшаго въ фельдмаршальскомъ чинѣ, затѣмъ наказнаго гетмана во 2 классѣ, а генеральнаго обознаго поставить въ 3-мъ, то получилось бы какъ разъ 14 классовъ—полная табель о рангахъ; тогда бы даже низшіе чины козацкой іерархіи попали въ 14-й классъ, т. е. дворянами оказались бы всѣ безъ исключенія малороссійскіе чины. Кромѣ того, и изъ болѣе старыхъ дѣлъ видѣть можно, что переходъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе совершался въ Малороссіи не случайно, а по степенямъ: изъ знатныхъ козаковъ въ сотники, изъ сотниковъ—въ полковники, изъ полковниковъ—въ гетманы.

Три года тому назадъ Калинскій предлагалъ черниговскому дворянству просить правительство объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г. Теперь онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на цѣль ходатайства. Переименованіе малороссійскихъ чиновниковъ и уравненія съ табельными происходили до сихъ поръ случайно, опредѣленныхъ правилъ для этого выработано не было, къ тому же и сама національная малороссійская служба теперь пресѣклась, а потому и уравненіе чиновъ будетъ теперь совершенно не нужнымъ. По мнѣнію Калинскаго, гораздо выгоднѣе просить, чтобы правительство не уравнивало чинъ чину, а просто признало всѣхъ безъ исключенія лицъ, носившихъ малороссійскіе чины,

дворянами съ таковымъ только различіемъ, чтобы всѣхъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ вносить въ 6-ю, полковую старшину—въ 3-ю, а сотниковъ и сотенныхъ старшинъ—во 2-ю часть дворянской родословной книги: „въ то время гетманы за уравненіе оспаривали, когда теперешняго о чинахъ постановленія и различія не было, а теперь объ уравненіи и думать не надобно, а домогаться дворянскаго достоинства и быть на равнѣ въ ономъ съ великороссійскими выслуженными чинами, какимъ присвоено восьми ранговъ и оберъ-офицерскихъ дѣйствительно военнослужащихъ чиновъ дворянское достоинство".

Съ ходатайствомъ Калинскій совѣтовалъ обратиться какъ можно скорѣе: нужно просить или личнаго заступничества генералъ-губернатора, или позволенія отправить особыхъ депутатовъ въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ ходатайствѣ ни въ коемъ родѣ не слѣдуетъ упоминать мнѣнія иностранной коллегіи, какъ это сдѣлали черниговцы [1]).

Послѣ того, что мы сказали о запискахъ по дворянскому вопросу, будетъ излишнимъ долго останавливаться надъ запиской Роменскаго маршала В. Г. Полетики, тѣмъ болѣе, что она уже и напечатана [2]). Мы только укажемъ на тѣ подробности, коими она дополняетъ предъидущія записки по дворянскому вопросу. Кромѣ привилегій 1563 и 1569 г. г. и Зборовскихъ пунктовъ, на которыя ссылался Калинскій, Полетика указываетъ еще на привилегіи королей Генриха, Стефана, Сигизмунда III, Владислава, на „премногія подтверждающія оныя конституціи сеймовыя" и статутовые артикулы. Цѣль всѣхъ этихъ ссылокъ—доказать, что „малороссійскіе гражданскіе и воинскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ тамошняго дворянства различія до высокихъ сенаторскихъ, придворныхъ и земскихъ достоинствъ, и что россійскіе государи по принятіи ихъ съ на-

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 239—246.

[2]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1 въ приложеніи. Кстати нахожу нужнымъ маленькое замѣчаніе. Напечатанная въ „Кіевск. Стар" записка Полетики отнесена къ 1809 г.; въ рукописной копіи, которою я пользовался, она помѣчена 1808 года. Послѣднее, по моему, вѣрнѣе: изъ напечатанной въ томъ же журналѣ переписки Чепы съ Полетикой видно, что въ мартѣ 1809 г. записка Полетики уже ходила по рукамъ, такъ что составленіе ея правдоподобнѣе отнести къ 1808 г.

чальствуемымъ ими народомъ въ свое подданство подтвердили имъ на всегда дворянскую въ чинахъ ихъ честь и избраніе во всѣ оные по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ". Затѣмъ Полетика указываетъ на „добровольное подданство" малороссіянъ, на ихъ вѣрность и заслуги передъ престоломъ, за которыя малороссійское дворянство не могло, конечно, ожидать „столь обиднаго для себя униженія". Изъ договорныхъ гетманскихъ статей, по мнѣнію Полетики, видно, что „малороссійское дворянство—не только тѣ, кои пришли съ достоинствомъ онаго въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи уже въ подданствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое же право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство, ибо не одно имя дворянина, но больше того помѣстья и вотчины, жалуемыя за службу отечеству, составляли въ прежнее время дворянское достоинство. Между малороссійскимъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, т. е.—что россійскіе заслуженные люди пожалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе — въ чиновники съ тѣмъ же".

По вопросу о доказательствахъ дворянства В. Полетика цѣликомъ повторяетъ мнѣніе своего отца, высказанное имъ нѣкогда въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ Малой Россіи, по его словамъ, должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ, кто только захочетъ, и дать имъ свободу, по силѣ статутоваго права раздѣла 3 арт. 19, доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ" [1]).

Въ январѣ 1809 г. Полтавское дворянство избрало своимъ маршаломъ В. И. Чарныша, которому и поручило просить пра-

[1]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1. Тоже въ „Книгѣ о дворян." л. л. 298—304.

вительство о признаніи чиновъ малороссійской службы доказательствами дворянскаго достоинства. Дворянское ходатайство составлялось, впрочемъ, не однимъ Чарнышемъ, а, такъ сказать, соборне. Прежде чѣмъ попасть къ генералъ-губернатору, дворянское прошеніе ходило по рукамъ. Для просмотра, дополненій и исправленій послано оно, между прочимъ, и Чепѣ, славившемуся среди дворянства въ качествѣ патріота и знатока мѣстной старины. „По усердію и любви къ націи“ Чепа дополнилъ ходатайство своими примѣчаніями о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ чиновъ. Въ такомъ видѣ ходатайство попало къ В. Г. Полетикѣ, который отозвался о примѣчаніяхъ Чепы самымъ лестнымъ образомъ и съ своей стороны послалъ къ Чепѣ свою собственную записку по тому же предмету [1]). Du choc des opinions получилось если не verité, до достаточно мотивированное ходатайство, котораго уже нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ „фундаментальныхъ основаній“.

Въ 1809 году вопросъ о дворянствѣ бывшихъ малороссійскихъ старшинъ попалъ, наконецъ, на разсмотрѣніе высшаго правительства. 2 ноября этого года комитетъ министровъ слушалъ представленное ему черезъ министра юстиціи отношеніе малороссійскаго генералъ-губернатора съ рядомъ проектовъ по разнымъ малороссійскимъ дѣламъ. Между прочимъ, генералъ-губернаторъ просилъ „объ исходатайствованіи малороссійскому дворянству высочайшаго соизволенія, чтобы прежніе малороссійскіе чины, по коимъ дворянскіе роды просили и будутъ просить о дворянствѣ, признаваемы были доказательствомъ сего достоинства“. Комитетъ постановилъ: „въ признаніи малороссійскаго дворянства и въ переименованіи чиновниковъ руководствоваться тѣми правилами, которыя наблюдаемы были покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ“ [2]).

Слухъ о благопріятномъ для малороссійскаго дворянства поворотѣ дѣла въ Петербургѣ возбудилъ въ сердцахъ патріотовъ великую радость, хоть и дошелъ до нихъ въ нѣсколько извра-

---

[1]) Журналы комитета министровъ, т. 1, стр. 379

[2]) „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 46—49.

щенной редакціи. „Недавно,—пишетъ В. Полетика къ Чепѣ,—насладился я пріятною вѣстью, что государь императоръ по докладу нашего генералъ-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрьте, что я люблю отечество, люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человѣкъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича (Лобанова-Ростовскаго) къ Семену Михайловичу Кочубею. Однакожъ я за точность еще не отвѣтствую. Если это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества. Собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества!“. Размечтавшемуся патріоту грезились уже заманчивыя картины, напоминавшія по сюжету опоэтизированное прошлое золотого вѣка шляхетской вольности. „Здѣсь носится слухъ, что передъ обнародованіемъ и введеніемъ въ употребленіе первой, уже вышедшей, части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ на конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія согласія своего на принятіе для себя сего уложенія. На семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ, незабвенныхъ во вѣки, нашихъ патріотовъ. Счастливые будемъ, если увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего, должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубостныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ“ [1]).

И радости, и мечты патріотовъ были, однако, преждевременны. Постановленіе комитета министровъ въ исполненіе приведено не было по высочайшему повелѣнію впредь до поступленія къ дѣлу другихъ бумагъ [2]). На вопросъ о дворянствѣ мало-

[1]) „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 56—57.

[2]) Чт. Общ. исторіи и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 93.

россійскихъ чиновъ въ Петербургѣ смотрѣли довольно равнодушно. Да и не до того тогда было: внѣшняя политика и широкіе планы либеральныхъ преобразованій способны были отодвинуть на второй планъ даже болѣе насущные вопросы, чѣмъ вопросъ о дворянскихъ привилегіяхъ какихъ-то сотниковъ и асауловъ; къ тому же и на дворянскія привилегіи стали въ то время посматривать неодобрительно. Насталъ 1812 годъ. Пришлось отражать двадесять языкъ, а потомъ усмирять гидру безначалія, грозившую престоламъ и алтарямъ далекаго Запада. Непризнанные въ благородномъ званіи, сыновья сотниковъ и возныхъ храбро дрались и подъ Малоярославцемъ, и подъ Лейпцигомъ. Для многихъ изъ нихъ офицерскіе эполеты дали то, чего не могъ дать ихъ отцамъ громадскій выборъ. А между тѣмъ, отношенія герольдіи къ ихъ братьямъ и родичамъ, доказывавшимъ свое дворянство только малороссійскими чинами предковъ, продолжало оставаться прежнимъ: ихъ по прежнему продолжали „неговать и турбовати". Особенно больно чувствовалось это, когда приходилось опредѣлять дворянскихъ дѣтей въ корпуса или въ военную службу. Тутъ уже предводительскія свидѣтельства не имѣли значенія, и приходилось по неволѣ обращаться къ герольдіи, а герольдія послѣ долгихъ проволочекъ и справокъ обыкновенно отказывала просителямъ все на томъ же основаніи, что въ законахъ нѣтъ указаній на дворянскія права малороссійскихъ старшинъ. Для юныхъ панычей, мечтавшихъ о генеральствѣ, такой отказъ велъ за собою разжалованіе изъ юнкеровъ въ рядовые со всѣми его послѣдствіями: палками, розгами, шпицрутенами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дисциплинировали въ то время русскую армію инструкторы изъ нѣмцевъ и доморощенныхъ бурбоновъ Аракчеевской школы.

Дѣло о дворянскихъ правахъ малороссійскихъ старшинъ продолжало между тѣмъ лежать въ Петербургѣ въ ожиданіи поступленія другихъ бумагъ. Въ 1809 году полтавское дворянство рѣшилось послать туда новое челобитье, въ надеждѣ, что оно, авось, и будетъ тою бумагой, которой до сихъ поръ не доставало. 15 октября 1819 г. полтавское дворянство постановило ходатайствовать предъ правительствомъ черезъ генералъ-

губернатора о признаніи малороссійскихъ чиновъ доказательствомъ дворянства. Въ ходатайствѣ этомъ новаго для насъ очень мало. Дворяне жалуются, что „отриновеніе малороссійскихъ чиновъ отъ дворянства дѣлаетъ уничтоженіе имъ и ихъ заслугамъ, умаляетъ личную честь ихъ и потомства и колеблетъ права и привилегіи сей націи, отъ прежнихъ польскихъ королей, а потомъ и отъ самодержцевъ всероссійскихъ наданныя и на разныхъ мѣстахъ въ договорныхъ гетманскихъ пунктахъ изъясненныя". Доказательства дворянскаго достоинства малороссійскихъ чиновниковъ—тѣ же, что и въ предъидущихъ запискахъ и ходатайствахъ по этому предмету. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же ссылки на королевскія привилегіи, Статутъ, Зборовскій договоръ и гетманскія статьи. На основаніи ихъ полтавское дворянство заключало, что „не только тѣ чины, которыхъ геральдія не признаетъ въ дворянствѣ, какъ то: полковые обозные, полковые асаулы и хорунжіе, сотники, войсковые товарищи и пр., но и вообще всѣ малороссійскіе чиновники, въ военной службѣ обрѣтавшіеся, или же гражданскими дѣлами управлявшіе, имѣли равное право на шляхетство, поелику они по вышесказаннымъ привилегіямъ и постановленіямъ признаны таковыми изстари и поелику чины ихъ зависѣли большею частью отъ выборовъ и утвержденій, по тогдашнему времени сему краю присвоенныхъ, и всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ купно съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ, невозможно было никому ни быть избираему, ни чинъ имѣть, въ разсужденіи, что простого стану людямъ и тогда давать достоинствъ и урядовъ запрещалось". Ссылалось дворянство и на „новѣйшія узаконенія, повелѣнія и образъ службы", которые де „доказываютъ, что отъ малороссійскихъ чиновниковъ достоинство дворянское никогда отъемлемо не было", а для выясненія „значительности и важности" этихъ чиновниковъ подробно описывало ихъ права и обязанности.

Дворянское ходатайство попало въ хорошія руки. Въ лицѣ военнаго губернатора кн. Репнина дворянство нашло себѣ энергичнаго ходатая и заступника. Князь Репнинъ, женатый на одной изъ Разумовскихъ и самъ малороссійскій помѣщикъ, отнесся

къ дворянскимъ невзгодамъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ его предмѣстники. Посылая дворянское ходатайство въ Петербургъ, онъ присоединилъ къ нему и свое собственное представленіе, въ которомъ рѣшительно высказывался въ пользу удовлетворенія просьбы дворянства.

У министра юстиціи, куда по первому разу попало дворянское ходатайство, оно встрѣчено было очень благосклонно. Докладывая дѣло въ комитетѣ министровъ, онъ высказался за удовлетвореніе дворянской просьбы. Дѣло пришлось, однако, рѣшать не комитету министровъ, а Сенату, куда оно и было передано по высочайшему повелѣнію. Здѣсь притязанія малороссійскаго дворянства были выслушаны не такъ уже милостиво. Сенатъ находилъ, что во время изданія дворянской грамоты Малороссія уже болѣе 100 лѣтъ стояла въ подданствѣ русскихъ государей, а между тѣмъ чины малороссійской службы оказались не включенными въ число тѣхъ доказательствъ дворянскаго достоинства, которыя перечислены въ грамотѣ. Изъ этого Сенатъ, повидимому, склоненъ былъ заключать, что при изданіи дворянской грамоты вовсе не имѣлось въ виду распространять дарованныя ею права и на малороссійскихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ навесть справки какъ относительно тѣхъ привилегій и правъ, на которыя ссылалось полтавское дворянство, такъ и относительно чиновъ прежней малороссійской службы.

Справки наводились не спѣшно. Прошло восемь лѣтъ послѣ подачи ходатайства, а дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ. За эти восемь лѣтъ Репнинъ окончательно освоился съ Малороссіей и близко принялъ къ сердцу дворянскія печали. Въ іюнѣ 1827 г. онъ обратился къ правительству съ новымъ, еще болѣе энергичнымъ представленіемъ по тому же вопросу, на этотъ разъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Репнинъ усердно отстаивалъ права малороссійскихъ чиновниковъ, доказывая, что дѣйствіями герольдіи, которыя онъ, не обинуясь, называлъ произволомъ, потрясается благородство малороссійскихъ фамилій. По его мнѣнію, уже однѣхъ королевскихъ привилегій, а особенно Зборовскихъ пунктовъ и гетманскихъ статей, вполнѣ достаточно,

чтобы дворянскія права этихъ чиновниковъ не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. „Источникъ правъ сихъ есть воинская доблесть, толико уважаемая во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, и отрицать оныя не иначе можно, какъ доказавъ, что Малороссія не имѣла своего управленія, своихъ предводителей, старшинъ и чиновниковъ и не составляла особой области, пользовавшейся иными законами и разными преимуществами". Репнинъ старался подкрѣпить дворянское ходатайство такими доводами, какіе до сихъ поръ упускались даже самимъ дворянствомъ. Онъ первый сослался на табель малороссійскихъ чиновъ, сочиненную въ 1743 г. коммиссіей для перевода и свода книгъ правныхъ; онъ указалъ на занятія малороссійскихъ старшинъ по „части законодательной", на пріемъ ихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса при Екатеринѣ и послѣ нея; такъ, въ 1807 году по Высочайшему повелѣнію поступило въ кадетскіе корпуса болѣе 200 малороссіянъ, изъ коихъ недостаточнымъ были отпущены прогонныя деньги. „Каждая страна,—писалъ малороссійскій военный губернаторъ,—имѣла и имѣетъ свои чины подъ именами, соотвѣтственными образу правленія, положенію государства, языку народа, обычаямъ и пр.; слѣдственно отвергать благородство потому только, что названіе чиновъ, показанное въ табели о рангахъ, не было употребляемо въ малороссійскомъ краѣ, было бы весьма несправедливо, ибо до реформы 1783 г. чиновники малороссійскіе служили въ войскѣ подъ именами издревле существовавшими, давали судъ и расправу народу, начальству ихъ ввѣренному, были вѣрны и преданы своимъ государямъ и сражались съ честью и мужествомъ за отечество, пользовались особенными правами, преимуществами и щедротами государей, и имъ не настояло никакой надобности искать переименованія себя въ великороссійскіе чины, доколѣ само правительство не признало сіе нужнымъ". „Чиновники малороссійскіе, признанные по разбору губернскихъ дворянскихъ собраній, на основаніи Высочайше жалованной дворянству грамоты, въ дѣйствительномъ дворянствѣ, какъ прежде, такъ и нынѣ, были допускаемы къ дворянскимъ выборамъ и служатъ въ должностяхъ, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію назначенныхъ, и другихъ, мало-

россійскому краю присвоенныхъ, они суть полные владѣльцы крестьянъ и помѣстьевъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ, въ числѣ коихъ находятся жалованныя отъ государей и данныя отъ гетмановъ предкамъ ихъ. Потрясаемое нынѣ благородство малороссійскихъ фамилій укоренилось изъ вѣковъ образомъ жизни, родомъ службы, просвѣщеніемъ и семейными связями съ дворянскими поколѣніями. Наконецъ, въ тѣхъ случахъ, когда потребна жертва для пользы отечества, ревность сего благороднаго сословія, неизъемлемаго отъ новинностей дворянскихъ, равняется ихъ вѣрности и преданности престолу всероссійскому. Стоитъ вспомнить бѣдственный, но славный 1812 годъ, чтобы удостовѣриться, сколь мало сіи потомки храбрыхъ рыцарей дорожатъ своею собственностью, своею жизнью тамъ, гдѣ отечество требуетъ ихъ помощи". Репнинъ находилъ, что чиновники малороссійскіе, начиная съ войсковыхъ товарищей, равно какъ и потомство ихъ, должны быть дѣйствительными дворянами и принадлежать къ военному дворянству. Думая иначе, онъ, Репнинъ, дерзнулъ бы мечтать въ противность высочайшей волѣ и посягнулъ бы къ ниспроверженію благоденствія малороссійскаго дворянства, которымъ оное близъ двухъ вѣковъ уже неизмѣнно наслаждается подъ благословеннымъ скипетромъ россійскихъ вѣнценосцевъ, служа имъ и государству съ пользою и честью, свойственною тому сословію, которое составляетъ опору престола.

Не знаемъ, ускорило ли вмѣшательство Репнина наведеніе тѣхъ справокъ о малороссійскихъ чинахъ, которое было поручено министру внутреннихъ дѣлъ Сенатомъ. Полагать надо, что да, потому что вскорѣ послѣ представленія малороссійскаго военнаго губернатора справки были готовы. Дѣломъ этимъ занимался совѣтъ министра. Приняты были, конечно, прежде всего въ соображеніе свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ печатныхъ источниковъ—„Краткой лѣтописи М. Россіи" Рубана, „Исторіи М. Россіи" Бантыша-Каменскаго и извѣстнаго въ свое время труда Правикова „Памятникъ изъ законовъ Россійской имперіи" [1]); не были, конечно, забыты и свѣдѣнія, сообщенныя

[1]) Здѣсь между прочимъ, имѣется „Историческое обозрѣніе Россійскаго законодательства съ присовокупленіемъ свѣдѣній о бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ".

Репнинымъ, а также справки по герольдіи. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ возможнымъ признать доказательствами дворянскаго званія чины: гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, полковыхъ старшинъ, сотниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ и возныхъ, асауловъ, хорунжихъ, писарей и атамановъ генеральной артиллеріи, компанейскихъ полковниковъ, обозныхъ, писарей, асауловъ и хорунжихъ, переводчиковъ генеральной канцеляріи и войсковыхъ канцеляристовъ. Всѣ остальные чины (а ихъ, по счету министерства, оказалось еще 21) не могли, по мнѣнію министра, служить доказательствами дворянства.

12 февраля 1828 г. при Сенатѣ былъ учрежденъ особый „комитетъ о прожектированіи правилъ, какимъ бы образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды". Этому то комитету и пришлось окончательно рѣшать участь потомства сотниковъ и возныхъ. Уже одна передача дѣла учрежденію, призванному бороться съ злоупотребленіями дворянскихъ собраній, выражавшимися въ перепроизводствѣ привилегированнаго сословія, не могла обѣщать украинскимъ панамъ ничего добраго: И дѣйствительно, добра не вышло. Всѣ труды составителей дворянскихъ ходатайствъ пошли прахомъ; ихъ искусная аргументація оказалась безполезной. Жалоба Репнина на то, что дѣйствіями герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства, была признана неосновательной. Съ точки зрѣнія комитета, герольдія поступала вполнѣ законно: дѣйствіями ея не только не потрясалось дворянское достоинство дѣйствительнаго малороссійскаго шляхества, а наоборотъ, охранялись и возвышались права его. Благодаря доставленнымъ герольдіей свѣдѣніямъ, комитетъ выставилъ на видъ цѣлый рядъ неправильныхъ дѣйствій малороссійскихъ депутатовъ: они, принимая не въ настоящемъ смыслѣ 12 пунктъ 92 статьи дворянской грамоты, признавали достаточнымъ и неопровергаемымъ доказательствомъ дворянства одно свидѣтельство 12 благородныхъ и на семъ основаніи сопричисляли къ дворянскому сословію

всякаго состоянія и званія людей. Со времени открытія депутатскихъ коммиссій и до 1790 г. дворянскія собранія трехъ малороссійскихъ губерній причислили къ дворянству 22,702 ревизскихъ души, да и послѣ, не смотря на указъ 1791 г., продолжали принимать въ дворянское сословіе лицъ податного состоянія и разночинцевъ: такъ, въ 1828 г. изъ 4269 дворянскихъ фамилій полтавской губерніи податныхъ и разночинцевъ числилось 2095. Депутатскія собранія малороссійскихъ губерній принимали въ доказательство дворянства выписки изъ повѣтовыхъ судовъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ: въ сихъ выпискахъ не заключались грамоты царей и великихъ князей или универсалы гетмановъ на пожалованныя имѣнія, но объяснялось только, что въ старинной книгѣ, въ семъ судѣ хранящейся, написанъ такой то сотникомъ, войсковымъ товарищемъ или тому подобнымъ. А чтобы придать сему показанію вѣроятіе, то всегда представлялось свидѣтельство 12 дворянъ, которые удостовѣряли, что показанный въ выписи чиновникъ есть предокъ настоящаго просителя. Таковыя доказательства признаваемы были дѣйствительными и на основаніи оныхъ сопричисляемы были къ дворянскому сословію люди всякаго званія".

При такихъ условіяхъ заключеніе комитета оказалось гораздо строже, чѣмъ можно было предполагать a priori. Дворянами, имѣющими дѣйствительное и потомственное дворянство, были признаны только тѣ изъ козацкихъ старшинъ, которые изъ сихъ чиновъ были россійскимъ правительствомъ произведены за службу въ генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, какъ военной, такъ и гражданской службы, чины. Что касается остальныхъ малороссійскихъ чиновъ, то одни изъ нихъ были признаны дающими только личное дворянство, а другіе причислены къ классу разночинцевъ [1]).

Докладъ Сената былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ. Здѣсь строгій приговоръ особаго комитета подвергся значительному смягченію. 20 марта 1835 г. состоялся наконецъ Высочайшій указъ, согласно коему изъ чиновъ старой малорос-

[1]) Чт. Общ. истор. и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 80 – 139.

сійской службы потомственное дворянство было признано за генеральными старшинами, полковниками, полковыми обозными, асаулами, хорунжими и писарями, сотниками и войсковыми и бунчуковыми товарищами; изъ чиновъ генеральной артиллеріи потомственное дворянство признано за асаулами, хорунжими и атаманами, а изъ чиновъ „статскаго правленія"—за подкоморными и земскими судьями и подсусидками, но только за тѣми, которые „жалованы были во время существовавшаго въ Малороссіи гетманскаго правленія". Всѣхъ тѣхъ, кои не представятъ по 1 января 1839 г. доказательствъ на потомственное дворянство и не будутъ имѣть по статскимъ оберъ-офицерскимъ чинамъ дворянства личнаго, велѣно обратить въ козачье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая, впрочемъ, права доказывать свое дворянство впослѣдствіи установленнымъ порядкомъ [1]).

Послѣдніе отголоски громкаго нѣкогда дѣла о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское званіе замолкли только въ 1855 году, съ изданіемъ закона, согласно коему непризнаннымъ дворянамъ, приписаннымъ къ козацкимъ обществамъ, предоставлены кое-какія временныя льготы по несенію государственныхъ налоговъ и повинностей [2]). Это уже было наканунѣ великой реформы, лишившей дворянство самой заманчивой изъ дворянскихъ привилегій. Потомкамъ значковыхъ товарищей и возныхъ жалѣть было уже не о чемъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и многое изъ того, что прежде было *привилегіей* одного высшаго класса, стало *правомъ* всѣхъ подданныхъ русскаго государства.

Д. Миллеръ.

---

[1]) II Полн. Собр. Зак. Росс. имп., т. X, отд. I, № 7976

[2]) Ibid., т. XXX, отд., I, № 29, 153.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XI.

Однажды, когда Богданъ, веселый и счастливый, возвращался изъ своего обычнаго объѣзда, Ахметка сообщилъ ему, принимая отъ него коня, что какой-то бандуристъ пришелъ во дворъ и дожидаетъ Богдана въ его покоѣ.

Непріятное, тупое предчувствіе шевельнулось въ его душѣ. Поспѣшно бросилъ онъ на руки Ахметки поводья и быстрыми шагами взошелъ на крыльцо.

Вошедши въ свою комнату, Богданъ замѣтилъ съ изумленіемъ бандуриста, сидѣвшаго къ нему въ полъ-оборота. Онъ былъ огромнаго роста, необычайно широкъ въ плечахъ, и не смотря на длинную, сѣдую бороду и изумительно-рваныя лохмотья, покрывавшія его тѣло и почти закрывавшія лицо, держался ровно и бодро.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ незнакомымъ старикомъ.

— Будь здоровъ, батьку Богдане, пошли тебѣ, Боже, вѣкъ долгій, много счастливыхъ дней!—заговорилъ тотъ нараспѣвъ старческимъ голосомъ, подымаясь къ нему на встрѣчу.

Непонятное смущеніе еще болѣе завладѣло Богдановой душой.

А старикъ, казалось, замѣтилъ это,— въ глазахъ его мелькнулъ веселый, насмѣшливый огонекъ и, не давши Богдану придти въ себя, онъ подошелъ къ двери быстрыми и твердыми шагами, заперъ замокъ и, повернувшись къ Богдану, крикнулъ весело:

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 3.

— Га, га, друже! Славно, значитъ, я одѣлся, когда и товарищи не узнаютъ! А я по тебя!...

— Нечай! — отступилъ Богданъ и сцѣпенѣлъ.

„Такъ значитъ снова, — горько мелькнуло у него въ головѣ — пускайся въ путь подъ бури, подъ грозы, подъ страшные буруны! И не вѣдать тебѣ, козаче, ни отдыха, ни покоя, не свить тебѣ до смерти родного, теплаго гнѣзда!“...

Какъ и куда исчезъ странный бандуристъ, не зналъ никто во дворѣ, но рѣзкую перемѣну, происшедшую въ Богданѣ послѣ его посѣщеній, замѣчали рѣшительно всѣ. Словно подъ тѣнью нависшей грозовой тучи, исчезла вдругъ вся его оживленность, вся энергія. Его уже не интересовали ни новые поселки, ни хозяйственныя заботы: онъ ходилъ сосредоточенный, молчаливый, почти мрачный. При каждомъ неожиданномъ посѣтителѣ или стукѣ, на лицѣ его появлялось выраженіе тревоги. Вечеромъ, у огня камелька, онъ уже не разсказывалъ о пережитыхъ бѣдствіяхъ и битвахъ, а сидѣлъ молча, сдвинувъ черныя брови, потупивъ глаза въ раскаленную груду пылающихъ углей. И въ эти минуты лицо его, красивое и гордое, казалось суровымъ и жестокимъ, а въ глазахъ вспыхивали зловѣщіе, мрачные огоньки. Да и сиживалъ теперь въ кругу семьи Богданъ рѣдко, большею частію онъ оставался на своей половинѣ одинъ, требуя къ себѣ большую фляжку и кубокъ; въ это время никто не рѣшался нарушить его покой.

Словно какое-то гнетущее предчувствіе нависло надъ всѣмъ домомъ. Не стало слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ; когда говорили, то старались говорить тихо, даже дѣти присмирѣли совсѣмъ. Ганна и ходила, и дѣлала все, какъ прежде, но душой ея овладѣвала властнѣй и властнѣй безотчетная, безъисходная тоска. Оставалась-ли она одна въ своей свѣтелкѣ, развертывала-ли пожелтѣвшую Библію, или Четьи-Минеи, — всюду передъ ней вставали картины ужасовъ, разливающихся по родной землѣ, и среди всѣхъ этихъ слезъ, и воплей, и стоновъ вставалъ какъ колоссъ, всегда одинъ неизмѣнный образъ, гордый, величавый и сильный. Ганнѣ казалось, что отъ одного его голоса разорвется нависшая тьма, отъ одного взмаха его могучей руки исчезнетъ вся нечисть, облѣпившая родной край... Ганна старалась уйти отъ него и не могла. Она искала людей, боялась оставаться одна, но и тамъ, и всюду стоялъ онъ передъ нею.

Однажды подъ вечеръ Богданъ велѣлъ позвать къ себѣ въ комнату Ганну. Затрепетала Ганна невольно и почувствовала, что ея сердце сжалось томительно тоской. Она вошла и тихо остановилась у дверей.

— Подойди сюда ближе, сядь подлѣ меня, Галю! — обратился къ ней мягко Богданъ.

Ганна вся вспыхнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась невдалекѣ отъ Богдана на низкій диванъ.

— Да какъ же ты „змарнила“, голубко!—произнесъ Богданъ, взглянулъ на ея измученное лицо.—Тяжело тебѣ, бѣдняжка, жить у насъ.

— Какъ можно,—хотѣла возразить Ганна, но оборвалась на словѣ и только низко опустила голову на грудь.

— Тяжело, сердце!—вздохнулъ Богданъ.—Все ты у насъ: и хозяйка, и мать моимъ дѣтямъ, и другъ мнѣ.

— Дядьку!—только могла выговорить Ганна въ порывѣ глубокаго чувства и, поднявши на него свои просвѣтлѣвшіе глаза, смутилась вся.

— Вотъ я для того и призвалъ тебя, чтобы поговорить о тебѣ,—началъ Богданъ тихо, беря ее за руку,—потому что ты мнѣ, Галя, все равно, что родная дочь.—Рука, которую онъ держалъ, слегка вздрогнула. Богданъ остановилъ на Ганнѣ испытующій взглядъ и продолжалъ дальше.—Скоро, видно, придется намъ разстаться, а увидимся-ли всѣ скоро, и какъ увидимся—вѣдаетъ одинъ Богъ.

— Какъ? Дядько хочетъ оставить насъ снова? - вскрикнула Ганна и подняла на Богдана испуганные, опечаленные глаза.

— Не хочетъ коза на торгъ, а ведутъ!—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвая собою.—Но дѣло теперь въ тебѣ, моя горличка. Въ наше бурное время тяжело жить дѣвушкѣ безъ крѣпкой и вѣрной опоры. А какая опора въ жизни можетъ быть крѣпче и надежнѣе любящаго мужа?

— Дядьку, дядьку, что вы?—перебила его Ганна, стараясь освободить свою руку.

— Нѣтъ, Галю,—продолжалъ Богданъ, удерживая ее,—такъ Богомъ создано, такъ и должно быть. „Не довлѣетъ человѣку единому быти“, говоритъ намъ Писаніе. Ты уже вошла въ лѣта, а, можетъ быть, черезъ затворничество у насъ не ищешь своей доли. Какъ это ни тяжко намъ, а тебѣ пора зажить своей семьей. И есть такой человѣкъ,—смущенно продолжалъ Богданъ, стараясь заглянуть Ганнѣ въ лицо,—я его знаю. И „лыцарь“ славный, и собою хорошъ, а ужъ какъ любитъ тебя!... Что-жъ молчишь, Галю?—продолжалъ онъ, наклоняясь къ ней и не замѣчая, какъ поблѣднѣло ея лицо, какъ губы ея задрожали, и крупныя слезы быстро закапали изъ глазъ.—Или застыдилась, квиточка? Скажи мнѣ только одно слово: вѣдь любъ онъ тебѣ?

— Не надо, не надо мнѣ никого, дядьку!— вскрикнула вдругъ Ганна съ рыданьемъ и, вырвавшись отъ него, быстро выбѣжала за дверь.

Богданъ хотѣлъ было броситься за нею и остановился въ изумленіи, не понимая, что въ его словахъ могло такъ обидѣть и огорчить это тихое, кроткое существо.

Настала ночь, а Ганна все еще не могла успокоиться. Она сидѣла на своей постели, заломивши руки, то вглядываясь въ свѣтлый сумракъ горящими глазами, то снова захлебываясь въ слезахъ. Да что же, что же могло въ словахъ Богдана такъ невыносимо тяжко обидѣть ее?—предлагала она себѣ въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ.—Что? что?—и возмущенные отвѣты бурно лились изъ души: „Въ такую минуту, когда смерть грозитъ тысячамъ, говорить мнѣ о мужѣ? Мнѣ говорить? Могу-ли я о томъ думать? Ахъ, такъ оскорбить меня! За что, за что? Чѣмъ заслужила я?— И при одномъ воспоминаніи о словахъ Богдана, горькая обида съ новой силой вставала въ ея душѣ.—Да, но почему-же, когда другіе говорили ей то же, почему же не оскорблялась она? Потому, что они ей чужіе, потому что они не знаютъ ее! Но братъ вѣдь ей тоже не чужой, вѣдь онъ ей самый близкій...—съ какой-то рѣзкой, раздражающей болью допытывала сама себя Ганна:—почему же ему могла она отвѣтить коротко и просто, что не любитъ никого и замужъ не пойдетъ никогда? Не любитъ никого,—медленно, вслушиваясь въ слова, произнесла Ганна и отбросила съ лица опустившіеся на лобъ волосы.—Да, да! И онъ долженъ былъ знать это лучше всѣхъ! Почему? Потому-что онъ знаетъ ее, знаетъ, чѣмъ занята ея душа, знаетъ, что для любви въ ней мѣста нѣтъ!—Ганна невольно поднялась съ постели. Что-то мучительно глубоко шевельнулось въ ея сердцѣ при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—тряхнула она съ усиліемъ головою, и лихорадочныя мысли понеслись въ ея головѣ, стараясь заглушить проснувшуюся боль,—онъ не долженъ былъ говорить этого! Какъ къ отцу, какъ къ матери привязалась она къ нему, а онъ,—губы Ганны снова задрожали,—такъ легко, такъ спокойно хотѣлъ устранить ее! Да неужели-же сожалѣнія и жалости не было въ его сердцѣ? Нѣтъ, онъ... кажется говорилъ... что тяжко... но все же, все-же сваталъ.. Ложь! Ложь!—вскрикнула Ганна, перебивая сама свои мысли и сжимая горящую голову.—Да вѣдь и отецъ, и мать больше любятъ своихъ дѣтей, а думаютъ объ ихъ судьбѣ, и дочери безъ обиды уходятъ изъ отцовскаго дома и строютъ свое молодое гнѣздо! Почему-же ее обидѣло это такъ тяжко? Почему? Почему?—съ нетерпѣніемъ допрашивала себя Ганна, закусывая губы и сжимая до боли руки.— И снова мысли ея возвращались къ словамъ Богдана и описывали тотъ-же кругъ. Уже передъ свѣтомъ заснула она, измученная, взволнованная какимъ-то страннымъ чувствомъ до глубины души. Рано

утромъ ее разбудила старуха нянька и сообщила, что изъ Золоторева прискакалъ гонецъ и принесъ извѣстіе о томъ, что пану Золотаренку кабанъ повредилъ ногу на охотѣ, и хотя рана неопасная, но панъ проситъ Ганну навѣстить его.

Ганна до чрезвычайности обрадовалась этой возможности выѣхать изъ Субботова и стряхнуть съ себя всѣ эти чувства, мысли и сомнѣнія, которыя опутали ее здѣсь, какъ муху паутина. Наскоро одѣвшись, она отправилась къ Богдану.

Она вошла въ его комнату, блѣдная, съ отѣненными еще болѣзненною тѣнью глазами.

— Ну, какъ тебѣ, моя „горличко“?

— Спасибо, уже совсѣмъ хорошо,—отвѣтила, опустивъ глаза, Ганна.—Я къ брату поѣхать хочу.

— Къ брату? Зачѣмъ?—изумился Богданъ.

— Такъ,—и по лицу Ганны разлился слабый румянецъ.—Извѣстіе получила, на охотѣ кабанъ ему ногу порвалъ.

— Пустякъ! Царапина, я слыхалъ. Развѣ у него безъ тебя не найдется кому перевязать? Заживетъ! Черезъ два дня козака у насъ откалывать будетъ.

— Нѣтъ, дядьку,—тихо, но твердо отвѣтила Ганна,—мнѣ нужно поѣхать: я бабу съ собой повезу.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь! Только дай я посмотрю на тебя!—Богданъ взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.—Съ чего ты, голубко, такая печальная стала? Не обидѣлъ-ли тебя кто?

— Нѣтъ, никто... За братомъ соскучилась,—проговорила Ганна и, чувствуя, какъ задрожали губы, быстро отвернулась.

— Ну, коли соскучилась, неволить не буду,—погладилъ ее Богданъ по темной головкѣ и съ недоумѣніемъ покачалъ головой.—Поѣзжай. Я самъ навѣдаюсь скоро, нужно кое о чемъ съ Иваномъ переговорить.

— Такъ я велю лошадей закладывать,—перебила его Ганна, все еще не поворачивая головы.

— А можетъ послѣ обѣда?—остановилъ ее Богданъ; но Ганна молчала.—Такъ торопишься насъ покинуть?—грустно замѣтилъ онъ.—Ну, дѣлай, какъ знаешь сама. Да вели взять мой старый „байбаракъ“ (особаго покроя шуба, родъ бекеши) на ноги—холодно.

Ганна хотѣла что-то отвѣтить, но вдругъ плечи ея задрожали, и, быстро повернувшись, она вышла за дверь.

Въ сѣняхъ она встрѣтилась съ Ахметкой. Хлопчикъ былъ одѣтъ уже по дорожному и засунулъ за кушакъ пару пистолетовъ.

— А ты куда собрался, Ахметка? —удивилась Ганна, окидывая его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Какъ куда? —изумился въ свою очередь мальчикъ.—Панну поѣду провожать.

— Такъ боишься за меня?—улыбнулась Ганна.—Ну, поѣзжай, тамъ и дьякова хата близехонько.

Ахметка немного смутился, но, тряхнувши весело головой, замѣтилъ:—А я ужъ велѣлъ и лошадей подавать.

Ганна отворила дверь и, войдя на женскую половину, прошла прямо къ больной.

— Кидать насъ собралась, Галочко, на долго-ли?—жалобно заговорила больная, приподымаясь на постели.—Охъ, какъ мы тутъ безъ тебя останемся? Дѣтки плачутъ за тобой.

И въ самомъ дѣлѣ, дѣти, собравшіяся подлѣ матери, казалось, только и ждали этого слова. Съ громкимъ рыданіемъ уцѣпились они со всѣхъ сторонъ за Ганну, повторяя всѣ, какъ одинъ: „Ганнусю, не уѣзжай, не кидай насъ!“

— Видишь, они къ тебѣ, какъ къ матери родной,—горько усмѣхнулась больная, и Ганнѣ показалось, что по лицу ея скользнула печальная тѣнь.—Не оставляй ихъ, Галочко!

— Титочко, да вѣдь я не надолго, я вѣдь вернусь,—старалась Ганна успокоить дѣтей.

Но больная подняла на нее грустные и какіе-то необычайно проницательные глаза и промолвила тихо:—Вернешься? Когда? Быть можетъ, уже не застанешь меня.

— Что вы, что вы, титочко?—наклонилась Ганна къ ея рукѣ,—поздоровѣетъ братъ, я сейчасъ и назадъ вернусь.

Больная обняла ее за голову и, прижавши къ своей груди, тихо шепнула.—Бѣдная моя, хорошая моя!

Ганна чувствовала, что еще нѣсколько мгновеній, и она потеряетъ присутствіе духа. Она перецѣловала поспѣшно всѣхъ дѣтей, быстро одѣлась, вышла на дворъ и сѣла въ сани вмѣстѣ со старухой-знахаркой.

Сильно рванули лошади и быстро понеслись впередъ. За ними двинулись два всадника: Ахметка еще съ другимъ козакомъ.

Мелькнули первыя ворота, вторыя—и сани вынеслись на необозримое пространство, покрытое сверкающею, какъ сахаръ, бѣлою пеленой.

Ганна взглянула въ ту сторону, гдѣ остался хуторъ и поселки Они стояли, всѣ осыпанные блестящимъ снѣгомъ съ объиндѣвѣвшими словно сказочными деревьями; легкій дымокъ изъ трубъ подымался молочными полосами къ ярко-ярко-синему небу. Все это имѣло празд-

ничный, торжествующій видъ; но отъ этого блеска красные круги заходили у Ганны въ глазахъ. Ганна закрыла глаза и прижалась къ деревянной спинкѣ саней. Лошади несли дружно; комки мягкаго снѣга, вырываясь изъ-подъ копытъ, осыпали снѣжною пылью сидящихъ въ саняхъ. Изрѣдка только въ балкахъ виднѣлись признаки хуторовъ, но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ безлюднѣе разливалась кругомъ безбрежная степь. Тупое, гнетущее чувство овладѣвало Ганной все властнѣй и властнѣй. Съ каждымъ шагомъ лошади уносили ее отъ того мѣста, въ которомъ сосредоточилась вся ея жизнь.... Зачѣмъ-же она покинула Субботовъ? Зачѣмъ? Ганна сжала свои тонкія руки и съ тоской оглянулась назадъ. Но тамъ уже ничего не было видно, кромѣ яркаго неба и сверкающаго снѣга...

Время шло; сани плавно неслись впередъ и ихъ мѣрное покачиванье начинало мало-по-малу убаюкивать Ганну; она закрыла глаза и сама того не замѣчая, погрузилась въ воспоминанія всей своей протекшей жизни.

Вотъ уже пять лѣтъ, какъ поселилась она въ Субботовѣ. Какая она была тогда еще маленькая дѣвочка! Было-ли ей и четырнадцать лѣтъ? Въ дѣтствѣ своемъ Ганна видѣла мало веселаго. Отецъ рѣдко бывалъ дома, козаковалъ все больше, а мать томилась безъ него, боялась, плакала. И Ганнѣ не хотѣлось идти ни къ подругамъ, ни на улицу; она все сидѣла подлѣ матери, прижимая ея худую руку къ своимъ губамъ. Въ церковь онѣ ходили постоянно и постоянно служили молебны о рабѣ Божіемъ Николаѣ до тѣхъ поръ, покуда во время возстанія Сулимы не принесли матери печальную вѣсть. Что-жъ, громко мать не тужила! Она всю жизнь жила, ожидая того...

Молебны замѣнились панихидами; но бѣдная женщина тихо и безропотно таяла день за днемъ. Гдѣ же былъ братъ? Онъ учился на Сѣчи „войсковой справѣ“ (военному искусству). Ганна одна ходила за больной матерью, считала ея послѣдніе дни, но считать ей пришлось ихъ недолго. Вскорѣ мать умерла на ея рукахъ.

Дѣвочку взялъ дальній родичъ и закадычный другъ ея отца, Хмельницкій.

Сначала Ганна дичилась въ ихъ домѣ... О, какъ это давно уже было! Жена Богдана не лежала тогда, какъ теперь. Она была бойкая, и веселая, и радушная хозяйка; все у ней въ домѣ кипѣло, все въ хозяйствѣ шло своимъ чередомъ. Дядько рѣдко когда бывалъ дома, разъѣзжая все по „войсковымъ справамъ“, а когда возвращался домой, то очень ласкалъ сиротку. Богдану понравилась маленькая, серьезная дѣвочка съ большими, печальными глазами; онъ часто разговаривалъ съ ней, научилъ ее читать, и дѣвочка оказа-

лась и умной, и сообразительной. Богданъ часто говорилъ съ ней, и она поражала его своими серьезными, не по дѣтски вдумчивыми отвѣтами. А она? Боже мой, Боже мой, какъ она привязалась къ доброму дядьку! Для нея онъ казался Богомъ, и, слушая его, она отъ дорогого дядька не могла глазъ оторвать. Да и „титка“ полюбила ее. Какое это было тихое и услужливое существо! Вездѣ она старалась помочь кому-нибудь въ домѣ, и когда „титка“ начала прихварывать, все хозяйство перешло къ ней въ руки. Такъ пролетѣло два года, и Ганна сдѣлалась взрослой „дивчыной“; но дѣвичьи грезы ее не тревожили. Ни на „вечерницы“, ни на „улицу“ она не ходила, и изъ козаковъ, посѣщавшихъ постоянно домъ Богдана, ни одинъ не затронулъ ея души. Она любила ихъ всѣхъ, а особенно Богуна—потому что видѣла въ нихъ защитниковъ родины, а положеніе края было извѣстно ей съ юныхъ лѣтъ. Когда они собирались у Богдана, она прислушивалась къ ихъ разговорамъ съ замирающимъ сердцемъ, съ потрясенной душой, и никто не обращалъ вниманія на худенькую дѣвочку, забившуюся въ уголокъ, а у этой невзрачной дѣвочки цѣлый героическій міръ разростался въ душѣ. То ей казалось, что она летитъ въ битвѣ вмѣстѣ съ этими козаками, то ей казалось, что она стоитъ въ Варшавѣ передъ самимъ королемъ и какія горячія рѣчи говоритъ она ему! Боже, она видитъ, какъ слезы выступаютъ на его добрые глаза! Онъ тронутъ, онъ вѣритъ ей, онъ понимаетъ положеніе ея родины, и онъ измѣнитъ все и спасетъ всѣхъ. Но чѣмъ старше дѣлалась дѣвочка, тѣмъ рѣже освѣщали ея головку такія пылкія мечты, а задумчивая грусть навѣщала ее все чаще, пока не подружилась съ нею совсѣмъ. Въ церкви, стоя передъ образами, Ганна молилась Богу о ниспосланіи спасителя ея странѣ, и чѣмъ мрачнѣе становилось кругомъ, тѣмъ яснѣе вставала въ душѣ ея мысль, что „спаситель“ есть, что онъ недалеко. И, наконецъ, Ганна узнала его! Это случилось съ нею тогда, въ тотъ вечеръ, когда она сидѣла съ Богданомъ, когда онъ говорилъ ей о будущности страны: словно Божія молнія освѣтила эта мысль ея душу, да и сожгла навсегда.

Ганна прижала къ груди руки и оглянулась кругомъ: короткій зимній день уже близился къ вечеру. На западѣ тянулась нѣжная розовая полоса, но солнце еще не опускалось.

— Уже и до Золотарева осталось немного!—обернулся къ ней Ахметка, указывая нагайкой впередъ.—Верстъ пять, не больше!

— Какъ скоро!—вырвалось у Ганны, но радости не было въ этомъ восклицаніи.

А Ахметка, между тѣмъ, нетерпѣливо вглядывался въ бѣлую линію горизонта, стараясь различить поскорѣе „дымари“ золотарев-

скихъ хатъ. За пазухой у него лежалъ тщательно завернутый свертокъ, и въ немъ заключалась пара хорошенькихъ „червоныхъ черевичекъ“ (красныхъ башмачковъ) съ мѣдными подковками, которыя онъ купилъ въ Чигиринѣ. Черевички были маленькія и аккуратненькія, какъ и ножка, для которой предназначались онѣ. Со времени послѣдняго разговора съ Оксаной, Ахметка сталъ какъ-то серьезнѣе относиться ко всему. По отношенію къ дѣвочкѣ онъ чувствовалъ на себѣ словно отцовскія обязательства. Каждый разъ, какъ онъ бывалъ въ Чигиринѣ, онъ непремѣнно покупалъ что-нибудь Оксанѣ: то плахточку, то платокъ, то „черевики“. И дѣвочка принимала все это съ восторгомъ и, цѣпляясь Ахметкѣ за шею, повторяла по нѣскольку разъ:

— Ахметка, ты и когда женишься на мнѣ, то также все „куповать“ мнѣ будешь?

— Ну, а кто-жъ тебѣ купитъ, „дытынко“, если не я?—улыбался маленькій козачекъ, чувствуя самъ, какъ отъ этихъ заботъ онъ растетъ и мужаетъ съ каждымъ днемъ.

— Ну да, конечно!—отвѣчала Оксана, дѣлая серьезную мину,—а „баба“ говоритъ, что „чоловикъ“ (мужъ) только бить долженъ жену, и говоритъ, что боится умереть, потому что и на томъ свѣтѣ встрѣтится съ „чоловикомъ“ и что онъ и тамъ начнетъ ее „товкты“.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубко!—успокаивалъ ее Ахметка.—Богъ на томъ свѣтѣ не позволяетъ драться. Вотъ, если кто въ „пекло“ попадаетъ... тамъ... ну, тамъ черти бьютъ...

— Брр!... Ахметка, я боюсь попасть туда!—прижималась къ нему Оксана.—А скажи, куда ляхи послѣ смерти попадутъ?—съ любопытствомъ вскидывала она на него свои темненькіе глазки.

— Въ пекло!—отвѣчалъ рѣшительно Ахметка, нахмуривая при этомъ брови.

— А если тамъ будетъ тѣсно? - допрашивала Оксана.—Ляховъ, Ахметка, много,—покачивала она съ сожалѣніемъ головой.

— Хватитъ мѣста на всѣхъ! Мы имъ дорогу прочистимъ!—сурово отвѣчалъ молодой козачекъ.

— Дай-то Богъ,—вздыхала Оксана, складывая на колѣняхъ руки,—потому что, если ихъ тамъ всѣхъ не примутъ, то они опять на Украйну вернутся,—„погано“ будетъ тогда!

Между тѣмъ, на горизонтѣ начали смутно обрисовываться снѣжныя кровли и вершины деревъ. Кучеръ подобралъ возжи, размахнулся рукой, гикнулъ, и лошади понеслись вскачь.

— Золотарево!—крикнулъ громко Ахметка, оборачиваясь къ Ганнѣ; но Ганна не слыхала его крика. Она сидѣла, укрывшись, въ саняхъ.

Солнце склонялось къ закату; легкія тѣни спускались кругомъ. Ганна глядѣла передъ собою тусклыми глазами и не видѣла ничего. Ей казалось, что нѣтъ у ней въ груди ни души, ни сердца. Смертельная, безъисходная тоска мертвымъ саваномъ облекала ее.

Ворота при въѣздѣ были раскрыты настежь. Лошади понеслись по узенькимъ уличкамъ, разбрасывая пушистый снѣгъ по сторонамъ. Но, къ удивленію своему, путники не замѣтили ни любопытныхъ бабьихъ лицъ у окошечекъ, ни дѣтскихъ фигурокъ, повисшихъ на плетняхъ, только дружный лай остервенившихся собакъ встрѣчалъ ихъ отовсюду. Казалось, вся деревня вымерла. Однако, странный шумъ, доносившійся издали, не подтверждалъ этого предположенія.

Завернувши въ нѣсколько узенькихъ и кривыхъ уличекъ, сани выскочили на обширную площадь и остановились сразу.

— Отчего стали?—спросила Ганна, приподымаясь: но не нужно было отвѣта, чтобъ понять все.

Вся широкая площадь была сплошь занята шумящимъ народомъ, преимущественно бабами, стариками и дѣтьми. Возлѣ старенькой деревянной церкви и деревянной колоколенки стояла кучка польскихъ всадниковъ. На колокольнѣ, широко упершись ногами въ помостъ, стоялъ красный отъ гнѣва дьякъ. Его рыжіе, всклокоченные волосы разметались кругомъ, голова съ низкимъ лбомъ, налитыми кровью глазами и раздувшимися ноздрями была нагнута впередъ, широкіе кулаки сжаты, и весь онъ напоминалъ остервенившагося быка, готоваго ринуться впередъ. За нимъ, вся дрожа отъ холода и страха, стояла босоногая Оксана, съ громкими слезами цѣпляясь за рясу отца.

— Пропустите! Пропустите! — крикнула громкимъ голосомъ Ганна, подымаясь во весь ростъ въ саняхъ.

Громкій ли, повелительный голосъ Ганны, или видъ разгорячившихся лошадей повліялъ на толпу, но только она шарахнулась, и лошади вынесли къ колокольнѣ. Подлѣ нея стояли простыя сани, запряженныя двумя парами воловъ; небольшой отрядъ изъ восемнадцати вооруженныхъ всадниковъ съ толстымъ паномъ-экономомъ во главѣ окружалъ колокольню. Толпа здѣсь казалась еще болѣе разсвирѣпѣвшей. Крики и угрозы оглашали воздухъ, сжатые кулаки и палки подымались вверхъ. Всадники стояли еще въ нерѣшительности.

— Да бейте ихъ, песьихъ сыновъ!—кричалъ побагровѣвшій панъ-экономъ.—Чего стали? А того схизматскаго пса прогнать съ колокольни канчуками!

— Не подходи! —кричалъ дьякъ.—Не тронь звона, я его сторожъ! Головы вамъ всѣмъ размозжу, а звона не дамъ!

Двое изъ всадниковъ спѣшились и полѣзли было на колокольню, но дьякъ съ такой силой оттолкнулъ ихъ, что жолнеры покатились кубаремъ; одинъ изъ нихъ ударился головой о выступъ, и густая струя крови залила ему все лицо.

— А, такъ вотъ ты какъ, пся кревь, лайдакъ, гевалъ, схизматъ проклятый! —весь вспыхнулъ панъ-экономъ, сжимая кулаки.— Попробуешь же ты у меня „кошекъ“ и „дыбъ“! Достать его оттуда пиками! Связать пса и вмѣстѣ съ звономъ бросить сюда!

Шесть всадниковъ спѣшились снова и уже готовились было взлѣзть на звонницу, когда раздался громкій, взволнованный крикъ Ганны:

— На Бога, стойте! Стойте, говорю!

Появленіе ея было столь неожиданно, что и всадники, и панъ-экономъ на мгновеніе опѣшили.

— Стойте! —крикнула Ганна, стоя во весь ростъ въ саняхъ.— Я сестра Золотаренка! Скажите, въ чемъ дѣло? Онъ уладитъ все.

Но первое впечатлѣніе прошло: панъ-экономъ оглянулся на дѣвушку и, замѣтивши, что ее сопровождаютъ всего только два козака, отвѣтилъ съ наглымъ смѣхомъ:

— А мнѣ что до того, хотя бы панна была не только его сестрой, но и маменькой? Я пріѣхалъ взять то, что принадлежитъ пану Дембовичу, и съ этою наглою сволочью съумѣю распорядиться и безъ панской руки!

— Не отдадимъ звона! Не допустимъ! Церковь наша! —раздались угрожающіе крики, и толпа прихлынула еще ближе.

— Пусть только сунется! —рявкнулъ дьякъ, засучивая рукава и обнажая красныя, мускулистыя руки.

— Остановитесь, стойте, слушайте! —кричала Ганна, простирая руки то ко всадникамъ, то къ толпѣ.—Земля принадлежитъ пану Дембовичу, но не колоколъ: колоколъ принадлежитъ церкви, а теперешній панъ Дембовичъ—католикъ.

— Да ужъ, конечно, плюнулъ на хлопскую вѣру! —подбоченился панъ-экономъ, глядя на Ганну наглыми, презрительными глазами.—И безъ права могъ бы онъ взять все, что стоитъ на его землѣ. Но если панна хлопочетъ о правѣ, то тѣмъ болѣе звонъ принадлежитъ ему. Отецъ его мосци построилъ эту церковь и звонъ повѣсилъ; теперь же сынъ его, панъ Дембовичъ, поставилъ въ Глинскѣ костелъ и звонъ велѣлъ туда перевѣсить, а хлопство,— разразился онъ громкимъ смѣхомъ,—можетъ сзывать въ свою церковь, лупя въ котлы!

— Молчи, ляше! Наша церковь! Не отдадимъ звона!—раздались еще грознѣе крики въ толпѣ.

— Постойте, панове! Не можетъ этого быть! Не можетъ!—говорила Ганна взволнованнымъ голосомъ, стараясь заглушить крики толпы.—Если покойный благочестный панъ Дембовичъ далъ колоколъ церкви, то далъ его навсегда. Но если его наслѣдникъ, забывая всѣ божескіе законы, хочетъ отобрать его, то стой, пане! Мы отдадимъ ему деньги, а колокола не тронь! Ты видишь, какъ горячится толпа? Оставь, не возбуждай бунта! Поѣдемъ къ брату; онъ...

— Гей, панно,—крикнулъ экономъ, сжимая нагайку,—проѣзжай своею дорогой, не мѣшайся въ мои дѣла! Вывозти сани отсюда!—крикнулъ онъ одному изъ всадниковъ.

Подскочилъ было тотъ къ лошадямъ, но въ то же мгновеніе получилъ такой ударъ кнутовищемъ по лицу, что съ громкимъ крикомъ отскочилъ въ сторону.

— Такъ вотъ какъ?!—заревѣлъ экономъ.—Связать бунтарьку и собакъ!

Нѣсколько человѣкъ бросились и окружили сани, но козакъ и Ахметка обнажили сабли.

— Заходи изъ-за спины! Вали ихъ!—кричалъ экономъ, размахивая нагайкой.—А вы достаньте того схизматскаго пса, свяжите его по рукамъ и по ногамъ!

У саней завязалась борьба; толпа крестьянъ съ вилами и цѣпами отбивались отъ жолнеровъ. Но скоро нѣкоторые изъ нихъ повалились, получивъ сабельные удары. За то козакъ и Ахметка дѣйствовали такъ ловко карабелами, стоя на возвышеніи саней, что два смѣлѣйшихъ жолнера, приблизившихся къ санямъ, упали безъ словъ.

Баба-знахарка, соскочивши съ саней, юркнула куда то въ толпу. Одна Ганна стояла во весь ростъ съ руками, протянутыми впередъ, какъ бы не замѣчая окружающей ее опасности. Грудь ея высоко подымалась, глаза не отрывались отъ колокольни. А атака тамъ усиливалась все больше. Первый жолнеръ, взобравшійся на колокольню, получилъ такой ударъ кулакомъ по головѣ, что тутъ же упалъ замертво, другой схватилъ было звонаря за руки, но тотъ оттолкнулъ его и ударилъ ногой; жолнеръ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ по ступенямъ.

— Собака!—зарычалъ экономъ.—Зажигайте звонницу со всѣхъ сторонъ!

Часть жолнеровъ съ огнивомъ и съ трутомъ бросилась было къ колокольнѣ, но бабы и старики съ дрекольями и цѣпами оттѣснили ихъ.

— Слѣзай, собака! Стрѣлять буду!—задыхаясь отъ злобы, кричалъ экономъ.

— Стрѣляй, песъ,—зарычалъ сверху дьякъ,—а отъ звона не отступлюсь!

Панъ-экономъ поднялъ пистолетъ и прицѣлился. Дьякъ стоялъ неподвижно, ухватившись рукой за языкъ колокола и заступая собою Оксану.

Панъ экономъ спустилъ курокъ, но въ это мгновеніе Ахметка, прорвавшійся сквозь толпу, наотмашь ударилъ его кулакомъ по плечу; вздрогнула у пана рука, пуля взвизгнула и, не попавъ въ дьяка, ударилась въ колоколъ... Жалобно зазвучалъ колоколъ и больно задребежжалъ его тихій, печальный звонъ.

— Плачетъ! Плачетъ!—зарыдала навзрыдъ Оксана.

— Стонетъ, братцы! Помощи проситъ?—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Ганна поблѣднѣла еще больше и занѣмѣла.

— Всѣ на звонницу!—скомандовалъ экономъ.

Осаждавшіе сани бросились къ колокольнѣ; со всѣхъ четырехъ сторонъ поползли на нее вооруженные люди.

Между толпой и осаждавшими завязалась борьба.

Однако, какъ ни храбро сражались козакъ и Ахметка, перевѣсъ былъ на сторонѣ жолнеровъ. Уже двое изъ нихъ достигли колокольни. Сильны были кулаки дьяка, но противъ сабель трудно было имъ устоять. Еще одного удалось ему спихнуть съ колокольни, но двое уже подымались наверхъ. Тогда въ одно мгновеніе вырвалъ дьякъ изъ-за пояса ножъ и, схвативъ одной рукой за языкъ, поднялся на мускулахъ, перерѣзалъ другой веревку, на которой былъ подвѣшенъ языкъ, и съ этою двухъ-пудовою „мащугой“ бросился на осаждающихъ сверху. Попятились жолнеры и одинъ изъ нихъ упалъ съ раздробленною головой.

— Не подходи!—рычалъ осатанѣвшій дьякъ, размахивая своей двухъ-пудовой гирей.—Всѣмъ головы раздроблю!

Снова зарядилъ панъ-экономъ пистолетъ, но Ахметка, слѣдившій за нимъ, подкрался сзади, и ударъ въ этотъ разъ былъ удачнѣе. Правда, теплая шапка предохранила черепъ пана, но онъ, ошеломленный, опрокинулся въ сѣдлѣ; выстрѣлъ грянулъ и пуля попала лошади въ шею... рванулась лошадь и понесла. Тучное тѣло пана скользнуло и грянулось на землю, но нога осталась въ стремени. Какъ обезумѣвшая, неслась лошадь впередъ, увлекая за собою тѣло своего господина. Нѣсколько жолнеровъ бросились перехватить коня, другіе же, не замѣтившіе этого происшествія, продолжали осаждать колокольню. Но страшенъ былъ теперь дьякъ, размахивавшій своей

гирей, да къ тому же изъ деревни подоспѣло еще нѣсколько козаковъ.

Послѣ недолгой борьбы жолнеры бросились въ бѣгство. Шести изъ нихъ, уложенныхъ гирей дьяка, уже не было видно нигдѣ.

— Панове братья!—говорила Ганна, дрожа отъ волненія и съ ужасомъ оглядывая трупы, лежащіе кругомъ.—Это такъ не пройдетъ вамъ: Дембовичъ отомститъ за все. Приходите во дворъ на раду къ брату, я къ пану-писарю за совѣтомъ пошлю. Тутъ затѣвается что-то страшное, не то не посмѣлъ бы онъ такое святотатство затѣять!

Побѣдившіе крестьяне стояли теперь молчаливо и угрюмо, образуя возлѣ саней тѣсный кругъ.

— А раненныхъ ко мнѣ во дворъ всѣхъ несите,—продолжала съ тѣмъ же горячечнымъ волненіемъ Ганна.

Знахарка, замѣтивши благопріятный исходъ дѣла, также вернулась и уже спокойно сидѣла въ саняхъ. Между тѣмъ, Оксана продолжала все еще жалобно плакать.

— Дѣвочка! Бѣдная! Снимите ее, принесите сюда!—обратилась Ганна къ одному изъ окружающихъ; но Ахметка уже предупредилъ ея желаніе. Перевязавши наскоро полученную имъ при сраженіи рану, онъ бросился на колокольню.

— Ахметка, Ахметка!—закричала дѣвочка, бросаясь къ нему и обвивая его шею красными замерзшими рученками.

— Голубка, ты босая!—вскрикнулъ Ахметка, замѣтивши ея посинѣвшія ножки.—Что ты сдѣлала, бѣдная „дытына“! Да вѣдь теперь на тебя „пропасница“, а то и „огневица“ можетъ напасть! Идемъ, идемъ!—говорилъ онъ торопливо, беря ее на лѣвую руку и завертывая ножки въ полу своего жупана.

— Нельзя, нельзя, Ахметка,—со слезами говорила Оксана,—протягивая къ колоколу руки.—Мы защищать его должны. Батько сказалъ, что Богъ намъ поручилъ его, а они придутъ и опять стрѣлять въ него будутъ, а онъ снова будетъ стонать и плакать.

— Не бойся, не бойся! —успокоилъ ее Ахметка.—Теперь они не скоро вернутся. Да мы оставимъ подлѣ церкви „вартовыхъ“. Въ случаѣ чего, они сейчасъ намъ дадутъ знать.

Осторожно спустился Ахметка со своею ношей по ветхимъ и скользкимъ отъ крови ступенькамъ звонницы и подошелъ къ санямъ.

— Бѣдняжечка!—вскрикнула Ганна, забывая совсѣмъ свое личное горе при видѣ бѣдной дѣвочки: дѣйствительно, видъ послѣдней былъ до чрезвычайности жалокъ. Маленькая, худенькая, она вся дрожала отъ холода и страха; по лицу ея одна за другой ка-

тились слезинки и застывали на промерзшихъ щечкахъ; съ головы скатился платочекъ, и растрепанные волосики разметались кругомъ. Со страхомъ прижималась она къ Ахметкѣ, повторяя:

— Ахметка, Ахметка, не оставляй меня!

— Бѣдняжка, бѣдняжка!—говорила Ганна.—Заверните ее въ этотъ „байбаракъ“, положите сюда! Да поѣдемте скорѣе: ее надо отогрѣть, она замерзла совсѣмъ.

Оксану завернули въ просторную шубу Богдана. Такъ какъ у кучера оказалось сильно поврежденнымъ плечо, то одинъ изъ крестьянъ сѣлъ на козлы, и путешественники шажкомъ двинулись впередъ.

Вскорѣ дворъ пана Золоторенка наполнился раненными. Рана у самаго пана оказалась весьма ничтожной, но все-же онъ не могъ встать съ постели. Ганна со знахаркой перебѣгала отъ одного раненнаго къ другому: тому давала горячую пищу, тому перевязывала рану. Лицо ея совершенно измѣнилось и преобразилось; ни тѣни грусти не было на немъ; щеки ея покрылъ легкій румянецъ, глаза горѣли отъ прилива энергіи и силы, движенія были легки, ловки и нѣжны. Казалось, Ганна не ощущала никакой усталости, и къ кому бы она ни подходила, всякій чувствовалъ облегченіе отъ ея умѣлой и нѣжной руки.

Болѣе тяжело раненные были оставлены здѣсь же въ теплой хатѣ, болѣе легкихъ отправили по домамъ. Оксану отогрѣли и оттерли. Червонные „черевички“, купленные Ахметкой, пришлись, чрезвычайно кстати и привели дѣвочку въ такой восторгъ, что она на нѣкоторое время совершенно забыла о своемъ горѣ. Она то и дѣло разсматривала свои красныя ножки и, налюбовавшись „черевичками“, бросилась Ахметкѣ на шею.

Однако, беззаботная радость ея продолжалась недолго.

— Ахметка, а гдѣ же тато?—спросила Оксана, и голосъ ея задрожалъ.—Они хотѣли пиками убить его... Можетъ, уже и убили?

— Не безпокойся, дѣточка, не такой тато, чтобы ляхамъ въ руки дался... Онъ спрятался гдѣ-нибудь въ яру, чтобъ имъ на глаза не показываться. А вотъ какъ настанетъ темная ночь, онъ и вернется назадъ.

Но темная ночь настала, а дьякъ не вернулся, и никто даже не могъ сказать, куда и какъ скрылся онъ. Долго поджидала Оксана „батька“, но усталость взяла свое: дѣвочка заснула у окошка съ безмятежною улыбкой на лицѣ.

Только поздно вечеромъ, покончивши со всѣми хлопотами и оставшись одна въ свѣтлицѣ, почувствовала Ганна, какъ она страшно

устала. Но это была физическая усталость, за то на душѣ ея было легко и свѣтло. Она сама не знала, что совершило въ ней такой переворотъ, но только чудо это она чувствовала въ себѣ, и оно-то разливало въ ея душѣ тихій, божественный миръ. Съ той минуты, когда Ганна услыхала тоскливый призывный стонъ колокола, она ни разу не вспомнила о своемъ личномъ горѣ. Вся эта ужасная сцена, эти стоны, крики, кровь раненныхъ и угрозы—потрясли ее до глубины души, и страшное горе охватило ее всю. Зная хорошо положеніе края, Ганна предчувствовала въ этой наглой, своевольной продѣлкѣ предвѣстіе грядущихъ бѣдъ... И передъ этимъ грознымъ, неотвратимымъ горемъ, какими ничтожными казались ей личныя боли ея души!

На утро Ганна отправила гонца къ Богдану, сообщая ему о случившемся и прося поскорѣе прибыть на совѣтъ. Гонцу было также поручено развѣдать стороной, не извѣстно-ли кому, куда скрылся панъ-дьякъ? Ахметка съ своей стороны бѣгалъ уже два раза на село, узнавалъ у дьяковой бабы, не приходилъ-ли ночью дьякъ? Но перепуганная на смерть старуха не видала никого.

Оксана плакала, закрывая лицо красными рученками, и вздрагивала узкими плечиками. Странное дѣло, дѣвочка, почти никогда не видавшая ласки отъ грубаго и часто пьянаго отца, чувствовала теперь къ нему такую дѣтскую нѣжность и жалость, и такъ хотѣлось ей увидѣть снова это красное, поросшее рыжеватыми волосами лицо и услыхать знакомый, рокочущій голосъ.

— Оксаночко, не плачь!—утѣшалъ дѣвочку Ахметка.—Покуда батько вернется, я попрошу панну Ганну, чтобъ она взяла тебя, и ты будешь съ нами жить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Ахметка!—говорила Оксана, отнимая руки отъ лица и смотря на него серьезными глазами.—Тато говорилъ, что Богъ намъ поручилъ звонъ, что мы должны сторожить его... Я не могу оставить его...

Нѣсколько разъ проходила черезъ хату къ раненнымъ Ганна, и видъ дѣтей, сидѣвшихъ въ углу, взявшись за руки, навѣвалъ тихое чувство на ея душу.

Къ вечеру прибылъ гонецъ изъ Субботова и сообщилъ, что панъ-писарь „вельми“ встревоженъ и на завтра прибудетъ въ Золотарево.

Прибудетъ... Встревоженъ... Спаситель нашъ!—прошептала Ганна, сжавъ руки, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо.—Обо всѣхъ насъ печется, для всѣхъ находитъ слово и совѣтъ!

Тщетно ожидая второй день возвращенія батька, уснула маленькая Оксана; утѣшились раненные; уснулъ и самъ господарь.

Тихо стало въ угрюмомъ золотаревскомъ домѣ. А на сердцѣ Ганны становилось все яснѣй и яснѣй. Восковая свѣча въ низенькомъ шандальчикѣ нагорѣла. Ганна сидѣла у стола, склонивши голову на руку... Вдругъ скрипнула дверь.

— Панно Ганна! — раздался робкій голосъ Ахметки.

— Что тебѣ, милый?—ласково спросила Ганна, подымая голову.

— Дѣло плохо выходитъ, панно: дьяка-то нигдѣ нѣтъ,— тихо заговорилъ Ахметка, приближаясь къ столу.—Нашъ гонецъ, которому вы наказывали разузнать стороной о дьякѣ, говорилъ, что нигдѣ никто ничего о немъ не слыхалъ. Я самъ вотъ отыскалъ въ байракѣ Ивана Цвяха и Гудзя, вотъ которые первые-то сопротивляться начали... такъ они говорятъ, что дьякъ съ ними не былъ... словомъ, никто его не видалъ... Должно быть, его прикончили ляхи.

— Царство небесное, вѣчный покой!—перекрестилась набожно Ганна, подымая къ образу глаза. И тутъ же ей представилась маленькая фигурка дѣвочки, мерзлыя ножки и заплаканные глаза.

Ахметка замигалъ вѣками и продолжалъ нерѣшительно:

— Оно правда, что отецъ немного печалился о дѣвочкѣ, да все-же отецъ былъ... Мнѣ завтра чуть свѣтъ въ Субботово скакать надо, я и то просрочилъ цѣлый день... То хоть хатка у бѣдняжки была, а теперь вотъ...—Ахметка неожиданно остановился и угрюмо уставился глазами въ противоположный уголъ.

— Ахметка, милый, какой ты славный хлопецъ!—подошла къ нему Ганна и ласково положила ему руки на плечи.—Не бойся. Развѣ я могу оставить дѣвочку?—говорила она задушевнымъ голосомъ, любовно глядя ему въ глаза. Она сестрой мнѣ будетъ и останется у насъ.

— Панно Ганна! До вѣку... всю жизнь... никогда не забуду!—вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ весь вспыхнувшій хлопчикъ и бросился къ Ганниной рукѣ.

— Хорошій ты, Ахметка!—подняла Ганна обѣими руками голову хлопца и, взглянувъ ему долгимъ взглядомъ въ глаза, тихо сказала:—Оставайся всю жизнь такимъ!

Настало утро, сѣренькое, зимнее утро. Все небо затянулось ровнымъ, бѣлесоватымъ облакомъ. Вновь подпавшій снѣгъ покрывалъ всю землю свѣтлою пеленой. Бѣлый матовый отблескъ наполнялъ комнаты. Въ печахъ трещала солома. Все было тихо и спокойно. Казалось, насталъ какой-то праздникъ. Ганна чувствовала этотъ

тихій праздникъ и въ своей душѣ. Она сидѣла у небольшого оконца въ свѣтлицѣ. Въ глубинѣ комнаты на обитомъ ковромъ топчанчикѣ сидѣла и Оксана. На ней была темно-синяя корсетка, головка была тщательно причесана, но личико дѣвочки выглядѣло серьезно и печально: нижняя губка была оттопырена, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ея груди. Маленькіе пальчики неумѣло держали иголку съ красною ниткой, которая то и дѣло непослушно вырывалась изъ рукъ. У ней была работа: она вышивала.

Вотъ уже съ обѣдней поры сидитъ у своего окошечка Ганна: ей не работается; она ждетъ Богдана.

Бѣлый пухлый снѣжокъ леталъ въ воздухѣ и падалъ на бѣлую землю тихо и безшумно... И печальное, тихое чувство наполняло все сердце Ганны.

Раздался тупой стукъ копытъ о замерзлую землю. Ганна вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у ней отъ сердца. Всадникъ подскакалъ къ крыльцу.

— Что это? Богданъ? Одинъ? Безъ козаковъ?—почти вскрикнула Ганна и ея сердце забилось мучительно-торопливо въ груди.—Да нѣтъ же, нѣтъ, это не онъ! Это гонецъ! Несчастье? Случилось что?

Какъ вихрь, какъ буря пронеслись и сожалѣніе, и ужасъ въ ея голосѣ.

Ганна выбѣжала изъ комнаты и бросилась въ сѣни. Двери распахнулись. Весь осыпанный бѣлымъ снѣгомъ, скользя на снѣжномъ полу кованными сапогами, вошелъ молодецкій козакъ.

— „Листъ“ (письмо) паннѣ отъ пана писаря!—произнесъ онъ звонкимъ, молодымъ голосомъ.

Прислонилась Ганна къ дверямъ; желтая бумага задрожала у ней въ рукахъ.

„Любая нашему сердцу, горлычко!—писалъ ей Богданъ.—Не привелъ меня Богъ повидаться съ тобой и съ неменьше дорогимъ нашему сердцу братомъ твоимъ. Панъ коронный гетманъ требуетъ всѣхъ на „Масловъ Ставъ“, на „раду“, а оттуда, куда придется; объ этомъ вѣдаетъ одинъ Богъ. Прошу тебя, „не гаючи часу“ возвращайся въ хуторъ нашъ: оставляю жену и дѣтей безъ единаго призора. За симъ препоручаю васъ всѣхъ Господу нашему Богу и всѣхъ святыхъ ласкѣ. Писано въ Субботовѣ. Року Божого 1539. Децембрія 1-го. Писарь его крулевской милости войска козацкаго реестрового, „рукою власною“.

— Уѣхалъ... куда, насколько—самъ не знаетъ... Она не увидитъ его! О Господи!—простонала Ганна, и вдругъ, словно яркая молнія прорѣзала всѣ ея мысли: въ одно мгновенье ей стало ясно

и то, отчего такъ обидѣли ея слова Богдана и отчего ее охватила теперь такая смертельная тоска.

Дикій, смертельный ужасъ наполнилъ все ея сердце... Ганна пошатнулась и поблѣднѣла... желтая бумага выкатилась изъ ея рукъ. „Да будетъ такъ!— пронеслось въ ея головѣ, и лицо ея стало неподвижно и мертво.—Твою, Господи, руку вижу во всемъ!“

М. Старицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ.

(П. Г. В — ову).

Посѣтивъ лѣтомъ 1896 г. Полтаву, мы увидали тотъ же тихій, патріархальный „губернскій городъ“, какимъ онъ былъ и 25-ть лѣтъ назадъ, когда мы въ послѣдній разъ тамъ были: ничего въ Полтавѣ, за этотъ промежутокъ, не прибавилось, ничего и не убавилось... Тѣ же живописные виды на Заворсклье, тѣ же заросшіе садами домá и домики, тѣ же плохіе пѣшеходы... Однѣ лишь обширныя лавки своимъ полуразрушеннымъ видомъ непріятно бросаются въ глаза, напоминая о нѣкогда бурлившей здѣсь Ильинской ярмаркѣ.

Пріютились мы на „Кобыщанахъ“, среди садовъ, и послѣ первыхъ привѣтствій съ нашими амфитріонами, стали ихъ распрашивать о полтавскихъ новостяхъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что полтавскіе обыватели живутъ „помаленьку“, какъ жили и прежде... Впрочемъ, въ это время въ Полтавѣ еще не забылся „инцидентъ“, имѣвшій мѣсто въ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 г. Надолго памятный самъ по себѣ, этотъ инцидентъ увѣковѣченъ еще и мѣстными поэтами. „Произведеніе“ одного изъ нихъ газеты разнесли по всѣмъ земскимъ и неземскимъ губерніямъ. Несомнѣнно, что внуки теперешнихъ полтавцевъ будутъ комментировать эти стихи, доискиваясь—

Кто розгу отстоять съумѣлъ,
Кто былъ и мудръ, и прямъ, и смѣлъ,
Благословлять кого намъ надо—
Учить и взрослыхъ, и дѣтей...

И будутъ при этомъ внуки дивиться суровости нравовъ своихъ дѣдовъ...

Другое произведеніе, воспѣвшее полтавское событіе, въ печати не появлялось и врядъ ли скоро и появится... Принадлежитъ оно мѣстному поэту и называется „*Розмова двохъ кумивъ про земськи дила*“. Поэтъ, нарисовавъ картину земскаго собранія и портреты главныхъ его дѣятелей (конечно, безъ именъ), приводитъ затѣмъ рѣчи гласныхъ по вопросу—чтобы „не шмагать ризками того, хто школу покинчить“ въ томъ соображеніи, что „якъ будуть знать про те селяне, то будуть бильшъ дитей учить“... Одинъ изъ гласныхъ на вопросъ: „чи вартъ то ризгу скасувать“? доказывалъ, что „вона для темного народу—маты...“. Другой гласный, поддерживая перваго („и справди, мати имъ вона!“), распространился на тему, что если розга будетъ уничтожена, то взамѣнъ должна явиться тюрьма, но тюрьма погубитъ де „селянскую“ душу навѣки.

Послѣ рѣчей, вопросъ балотировали, и результатъ оказался въ пользу „розги“.

Такой результатъ вызываетъ у одного изъ кумовьевъ замѣчаніе, что „одна душа имъ (защитникамъ розги) наша мыла... Про шкуру жъ байдуже воны!“.

Ѣхали мы въ Полтаву, между прочимъ, и съ цѣлію поискать тамъ всяческихъ свѣдѣній о Котляревскомъ въ виду приближенія юбилейнаго 1898 года.—При разговорахъ на эту тему, намъ напомнили о полтавскомъ старожилѣ Степанѣ Павловичѣ Стеблинѣ-Каменскомъ, умершемъ лѣтъ десять назадъ и оставившемъ де послѣ себя многолѣтній дневникъ[1]). Отецъ Ст. П—ча Ст.-К—аго служилъ, въ тридцатыхъ годахъ, непремѣннымъ чле-

[1]) Ст. Павл. Ст.-К—кій былъ въ Полтавѣ очень популярнымъ человѣкомъ. Онъ былъ стародавній тамъ учитель, обучившій чуть не два поколѣнія полтавцевъ и, кромѣ того, постоянно писавшій стихи на разные „случаи“.

номъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ то время, когда Котляревскій былъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ и попечителемъ тамошняго богоугоднаго заведенія, — учрежденій подвѣдомственныхъ приказу. Быть можетъ, совмѣстная служба была причиною сближенія Ст.-К—аго съ Котляревскимъ, но во всякомъ случаѣ у Котляревскаго, въ его старости, не было болѣе близкаго человѣка, какъ Ст.-Каменскій. Въ виду этого пріятельства являлась надежда найти что нибудь о Котляревскомъ въ дневникѣ Ст.-Каменскаго-сына, начатомъ еще за жизни автора украинской Энеиды.

Добыть этотъ дневникъ казалось нелегко въ виду тяжкой въ то время болѣзни его владѣльца Ег. Ст. Стеблина-Каменскаго. Но нашъ амфитріонъ попытался и попытка удалась: нѣсколько тетрадокъ онъ успѣлъ получить отъ больного, который черезъ три дня послѣ того скончался...

Начинается дневникъ Ст. П—ча, въ добытыхъ тетрадкахъ, съ 1838 г., т. е. съ того года, въ который Котляревскій умеръ. Въ тетрадкѣ за этотъ годъ мы нашли и о немъ свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, лишь за время, слѣдовавшее уже за его смертью. Всѣ эти свѣдѣнія не лишены интереса для біографіи Котляревскаго и мы ихъ приводимъ здѣсь въ буквальныхъ выпискахъ.

1838 г., 29 окт. Утромъ, возвратясь изъ классовъ, узналъ, что за папенькою присылали отъ Котляревскаго съ вѣстью, что онъ умираетъ. Послѣ обѣда, по возвращеніи моемъ, я узналъ, что и маменька туда уже поѣхала и что Ивана Петровича уже не стало. Вѣсть эта, хотя ожиданная, тронула меня сильно. Папенька въ Котляревскомъ лишился послѣдняго своего пріятеля и друга, да и вообще какъ то горько было помыслить, что у насъ нѣтъ уже Котляревскаго. Онъ прожилъ 69 лѣтъ, родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ, 1769 г. Разсказываютъ, что не задолго до кончины, приказалъ подать себѣ колокольчикъ, а другой—слугѣ, и звонилъ, воображая вѣроятно звонъ, какой будетъ по его кончинѣ. Онъ умеръ въ памяти, но безъ словъ, ибо за три дня почти не могъ уже говорить.. И. Петр. скончался послѣ обѣда, въ 2 ч. 35 мин., послѣ четырехнедѣльной болѣзни. За недѣлю онъ пріобщился св. тайнъ.

30 окт. Зашелъ поклониться праху И. Петр., котораго вечеромъ вынесутъ въ соборъ, а завтра похоронятъ. Возвратясь домой, надумалъ и написалъ надгробную рѣчь Котляр., которую, кажется, не рѣшусь привести въ дѣйство, да и нельзя отлучиться изъ гимназіи завтра.

31 окт. Утромъ пошелъ къ Неводовскому просить за воспитанниковъ, чтобы они были при погребеніи Котляревскаго, на что Павелъ Титовичъ изъявилъ свое согласіе. Отпросился у директора не быть въ классахъ. Въ $9^1/_2$ час.. отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ рѣчь надъ гробомъ И. П., многимъ понравившуюся. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ до кладбища. Музыка военная играла всю дорогу. Я былъ тронутъ глубоко потерею Котл., незамѣнимою для Малороссіи. Обѣдалъ у хозяйки Котл., за поминальнымъ столомъ.

1 нояб. Получилъ двѣ записки отъ Буткова [1]) на счетъ некрологіи Котляревскаго, которую онъ меня проситъ написать. Однако не смотря на собственное желаніе, этого сдѣлать скоро нельзя по той причинѣ, что еще неизвѣстны разные нужные къ тому матеріалы. Впрочемъ, я просилъ папеньку, и онъ ѣздилъ нарочно, взялъ бумаги И. П. и завтра разберетъ, также самъ напишетъ что нужно. Между тѣмъ и я, оставивъ свои занятія, большую половину вечера просидѣлъ, бросая наскоро замѣтки и мысли, кои послѣ войдутъ, можетъ быть, въ составъ некрологіи.

2 нояб. Сидѣлъ за некрологіей Котл., которой все еще не привелъ къ концу. Между тѣмъ прислалъ папенька свою записку и она такъ хорошо написана, что измѣнивъ и прибавивъ немногое, завтра можно будетъ кончить.

3 нояб. Кончилъ и переписалъ, послѣ поправокъ Буткова, некрологію И. П. Котляревскаго, для отпечатанія въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

5 нояб. Прочиталъ вслухъ (въ семьѣ) малороссійскій водевиль покойнаго Котляревскаго «Солдатъ Чарывнякъ» (sic.). Сюжетъ взятъ изъ извѣстной сказки народной, по разсказамъ хорошо, съ приложеніемъ приличныхъ пѣсень.

13 нояб. Цѣлый день былъ занятъ составленіемъ подробнѣйшей некрологіи Котл. для *Сѣверной Пчелы*, для чего взялъ у папеньки нѣкоторыя бумаги покойнаго и письма къ нему литераторовъ.

---

[1]) Кажется, инспекторъ гимназіи. А. Л.

18 ноябр. По желанію Софьи (жены), прочелъ вслухъ у маменьки Энеиду Котл., 4 части печатныхъ и нѣсколько отрывковъ, писанныхъ рукою покойнаго.

11 дек. Софья ѣздила къ хозяйкѣ Котляревскаго и привезла французскую библію (стереотипное изданіе въ Лондонѣ), которую намѣренъ оставить въ память Котляревскаго.

Изъ записанныхъ здѣсь подробностей, между прочимъ, видимъ, что тотъ біографическій очеркъ Котляревскаго, который напечатанъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1839 г. (№ 146), составленъ С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ *по бумагамъ умершаго и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ біографу его отцемъ, ближайшимъ пріятелемъ Котляревскаго.* Свѣдѣніе это важно въ томъ отношеніи, что эта коротенькая біографія Котляревскаго и до сихъ поръ служитъ единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Пользуясь случаемъ, выписываемъ изъ статьи Стеблинъ-Каменскаго существенныя для знакомства съ личностью Котляревскаго мѣста. Эти выписки особенно могутъ пригодиться теперь, въ виду возбужденнаго интереса къ литературной дѣятельности автора украинской Энеиды.

„По окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ воспитаніемъ дѣтей. Въ этотъ періодъ жизни своей, по словамъ современниковъ, бывалъ онъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ. Время показало, что это было слѣдствіе поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой на родномъ нарѣчіи Котляревскій избралъ поэму Виргилія... По долгомъ обдуманномъ приготовленіи, онъ рѣшился переложить Энеиду Виргилія на малороссійское нарѣчіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны безъ вѣдома автора [1]), съ боль-

[1]) Въ двухъ изданіяхъ, 1798 и 1808 г. г., описаніе которыхъ см. въ „Основѣ“ 1861 г., февр., 173. Изданіе 1808 г. очень рѣдко и, повидимому, даже рѣже, чѣмъ первое изданіе. Въ Кіевѣ оно есть у В. П. Науменка.

шими ошибками и опущеніями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, Котляревскій посвятилъ (свою поэму) помѣщику полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году... [1]). Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени. Обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ, но написавъ впослѣдствіи 5 и 6-ю части, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 г., надв. сов. Волохинову... Въ 1819 г., для существовавшаго въ Полтавѣ театра, которымъ управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чаривныкъ*... Передавъ обѣ піесы для напечатанія г. Срезневскому (Изм. Ив.), авторъ незадолго до смерти видѣлъ уже *Полтавку* напечатанною въ „Украинскомъ сборникѣ“ г. Срезневскаго“...

„Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій занимаясь собраніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, помѣщалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ повременныхъ изданіяхъ... Знанія его въ исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся до народнаго быта Украины, были весьма обширны... Котляревскій любилъ бывать въ обществахъ... Былъ душою всякой компаніи... Обладалъ прекраснымъ даромъ разсказывать умно и весело, при чемъ употреблялъ аллегорически пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію священнаго писанія. Разговоръ его оттѣнялся природнымъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ...“ [2]).

Вотъ короткія, но, повидимому, вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о Котляревскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ, исходящія отъ

---

[1]) Сем. Мих. Кочубей, (внукъ генер. обознаго, а потомъ члена малороссійской коллегіи), былъ извѣстный полтавскій богачъ, занимавшій одно время (1805—1808) должность полтавскаго губ. предводителя. Одинъ изъ его родичей разсказываетъ, что С. М. К—бей „пышно и роскошно жилъ въ Полтавѣ, пока не промоталъ 7000 душъ крестьянъ, послѣ чего умеръ въ бѣдности... „Записки Арк. Вас. Кочубея (Спб., 1890), стр. 13—14.

[2]) Выписка сдѣлана по рукописи, найденной въ бумагахъ Ст. П. Стеблинъ-Каменскаго. Приведенныя здѣсь подробности служили основаніемъ и для біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Основѣ“ 1861 г., февраль, хотя авторъ очерка говоритъ, что эти свѣдѣнія онъ получилъ де отъ А. В. Терещенка.

близкаго къ нему человѣка—Ст.-Каменскаго-отца. Послѣдній свидѣтельствуетъ, что Котляревскій хорошо былъ знакомъ съ исторіей Малороссіи и съ ея народнымъ бытомъ. Слѣдуетъ думать, что эти знанія обусловливались особою любовью поэта къ своей родинѣ, но какихъ либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ не имѣется. Нѣтъ у насъ ни мемуаровъ, въ которыхъ современникъ поэта знакомилъ бы насъ со степенью его родинолюбія, ни писемъ самого поэта, которыя сказали бы что нибудь о его субъективныхъ отношеніяхъ къ родинѣ. И, повидимому, трудно надѣяться, чтобы такого рода свѣдѣнія когда либо и явились уже... Имѣется, впрочемъ, одно такое свѣдѣніе о Котляревскомъ, исходящее будто бы отъ его современника, при чемъ современникомъ этимъ является извѣстный полякъ Падурра, сочинявшій малорусскія пѣсни... Въ его біографіи, написанной не извѣстно кѣмъ, но человѣкомъ, имѣвшимъ въ рукахъ бумаги Падурры[1]), имѣется извѣстіе, что послѣдній въ 1826 году странствовалъ по Полтавской губерніи, „w ubogim kozaczym stroju, jako wędrowny lirnyk“, при чемъ онъ побывалъ и въ самой Полтавѣ. Объ этомъ его посѣщеніи сообщается, что „бродячій лирникъ“, прибывъ въ этотъ городъ, прежде всего сталъ знакомиться съ народомъ; заходилъ для этого въ бѣдныя хаты (do ubogich domków), игралъ тамъ на своемъ инструментѣ, пѣлъ пѣсни, разсказывалъ сказки, и такимъ образомъ сблизился съ народомъ и заинтересовалъ его собою... Это было де лѣтомъ, когда шли въ школѣ (гимназіи?) экзамены. По окончаніи экзаменовъ, былъ назначенъ день для раздачи наградъ. Въ этотъ день Падурра явился де въ университетскомъ (?) зданіи (zbliżył się do uniwersyteckiego gmachu) и, выбравъ удобный моментъ, запѣлъ сначала своего „lirnika“, а потомъ „zaporożca“... Молодежь заволновалась, поднялся шумъ—и пѣвецъ былъ вынесенъ изъ залы уже на рукахъ этой самой молодежи... Пробылъ Падурра въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ и при этомъ будто бы познакомился съ Котляревскимъ, поэтомъ и тамошнимъ жителемъ,

[1]) Prawdziwy życiorys Tomasza Padurry, skreślony przez*** *****. Poznań 1875. 8 д. л., 95 стр. Повидимому, настоящій очеркъ не имѣетъ ничего общаго со статьею о Падуррѣ Пржиборовскаго. Bibliot. Warsz., 1872 г., IV).

(poetą i obywatelem swojego kraju). При одной изъ бесѣдъ съ Падуррою, Котляревскій сказалъ де ему: „Cheruwimy twij hłas! dii naszy w twoich piśniach zahomoniat ta ne woskresnut!.. Skazawszy twoim słowom: proszłyst, w slozach—z pamiatok, prach—a dii snom!... Anafima! bud proklat, chto ich hnojom prysypaje“!!! !). Прощаясь съ Падуррою, Котляревскій собственноручно написалъ ему, на память, вступленіе къ своей Энеидѣ, начинающееся такъ: „Buw sobi Enej kozak motorny“... (Стр. 46—47).

Весь ли этотъ разсказъ, цѣликомъ, представляетъ небылицу или тутъ есть и капля правды?... Повѣствованіе о посѣщеніи Падуррою полтавской гимназіи (полагаемъ, что о ней хотѣли говорить) и о пѣніи тамъ имъ своихъ пѣсенъ—разумѣется, есть чистая небылица... Нельзя допустить также, чтобы Падурра и могъ быть на лѣвомъ берегу Днѣпра въ той обстановкѣ, о какой говоритъ его біографъ... Повидимому, весь этотъ разсказъ есть *позднѣйшаго* сочиненія басня [2]).

---

[1]) Приводимъ эту тираду въ подлинникѣ, такъ какъ осмысленный ея переводъ едва ли возможенъ..

[2]) Есть и другая біографія Падурры, помѣщенная при посмертномъ изданіи его сочиненій (Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtografiw. Lwiw. 1874. 8 д. л. LXVI+420 стр.). И здѣсь есть разсказъ о посѣщеніи Падуррою лѣвобережной Малороссіи. Но здѣсь ужъ прямо говорится, что Падурра отправился туда въ 1828 г., въ виду готовившагося польскаго возстанія, послѣ совѣщанія съ своимъ патрономъ гр. Вацл. Ржевусскимъ („Эмиръ“, „Золотая Борода“), съ цѣлью—„przygotować tych ukraińców do tego“, т. е. *къ совмѣстному возстанію*. При этомъ де Падурра не сомнѣвался, что „kozaczyzna musi powstać razem z lachami, a jej atamanem i przewódcą w boju będzie Złota Broda“... Тутъ же говорится: „Zimę z r. 1828 po 1829 przebył Padurra w okolicach między Baturynem, Konotopem i Hadziaczem, *i gdy mu się zdało, że po całorocznych trudach śpiewanem i opowiadanem przygotował już dostatecznie wnuków wolnych niegdyś przodków do wspólnej sprawy z Polską*, puścił się z powrotem na Podole i Wołyń“. (Стр. XXXVIII). Трудно объяснить происхожденіе этой небылицы... Остается допустить, что она основана на разсказахъ самого Падурры, который въ позднѣйшіе годы своей жизни († 1871 г.) могъ выдумывать неподобныя басни, какъ извѣстный Чайковскій (Садыкъ Паша) назвавъ себя правнукомъ гетмана Брюховецкаго, выдумалъ и его *мемуары*, состоявшіе де „изъ семи огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ и исписанныхъ

Послѣ дневниковъ Ст.-Каменскаго, намъ указанъ былъ Полтавскій земскій музей, о которомъ мы знали и прежде изъ коротенькой о немъ замѣтки, напечатанной когда-то въ „Кіевской Старинѣ.“ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ музеѣ имѣются въ отчетахъ полтавской губернской земской управы за 1891 и 1892 г. г. Были напечатаны и отдѣльныя брошюрки съ указаніемъ на содержаніе музея. Музей полтавскаго земства пока заключаетъ въ себѣ предметы „трехъ царствъ природы“ и частью издѣлія гончарной кустарной промышленности. Но, какъ слышно, земство не отказывается и отъ мысли—ввести въ свой музей отдѣлъ историческій. Какъ бы для начала его, въ музей прислана кѣмъ то изъ уѣздныхъ обывателей козацкая пика (*списъ*), на *ратищѣ* которой, вбитыми въ дерево гвоздиками, *написано*: „1709 года.“ Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и у кого нашелся этотъ списъ—въ музеѣ не имѣется.

Осмотрѣвъ музей при помощи предупредительнѣйшаго его хранителя Н. М. О—аго, мы остановились на гончарныхъ издѣліяхъ м. Опошни, и особенно на издѣліяхъ одного изъ ея кустарей *Ивана Гладыревскаго*, обращающихъ на себя особое вниманіе своимъ разнообразіемъ. Отъ Н. М. О—аго получили мы свѣдѣніе о давно уже изданномъ полтавскою губернскою земскою управою альбомѣ гончарныхъ издѣлій, о которомъ не приходилось и слыхать. Изданіе это заслуживаетъ подробнаго упоминанія. Заголовокъ его такой: *Мотивы малороссійскаго орнамента гончарныхъ издѣлій. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. 1883 г.* Рисункамъ предшествуетъ коротенькое поясненіе: „Изслѣдованіе гончарнаго промысла въ полтавской губерніи, произведенное профессоромъ г. Зайкевичемъ [1]), имѣло результатомъ собраніе образцовъ этого производства съ ихъ оригинальными рисунками и украшеніями. Собравъ изъ нихъ наи-

---

имъ (Брюховецкимъ) собственноручно, прозой и стихами, по польски, по русски и по латыни“... „Кіев. Стар.“ 1890 г., январь, стр. 46.—О посѣщеніи Падуррою Полтавы—біографія 1874 года не упоминаетъ.

[1]) Тутъ же, въ примѣчаніи, добавлено: „Къ сожалѣнію многосложныя занятія автора не дали до сихъ поръ ему возможности приготовить описаніе этого изслѣдованія“. Послѣднее, сколько знаемъ, и до сихъ поръ не появлялось въ печати.

болѣе типичные, полтавская губернская управа, независимо значенія ихъ, какъ иллюстраціи къ имѣющему выйти изслѣдованію объ этомъ промыслѣ[1]), полагала, что изданіемъ рисунковъ гончарнаго орнамента она окажетъ несомнѣнную услугу какъ художественной промышленности, такъ и знатокамъ и любителямъ мѣстнаго народнаго творчества въ той или другой области".—Альбомъ заключаетъ въ себѣ 21 таблицу. Первыя 15-ть таблицъ представляютъ рисунки разнаго рода „мисокъ, мисочокъ и талѣрокъ". На слѣдующихъ трехъ таблицахъ помѣщены изображенія разнаго рода горшковъ, преимущественно „варильниковъ," т. е. горшковъ, въ которыхъ варятъ „борщи," „юшки," „кулиши..." На 19-й таблицѣ помѣщены „глечики" (кушины) и „тыквы," т. е. сосуды для жидкостей (молока, воды...). На этой таблицѣ интересны не только рисунки, но и самая форма сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ форму античныхъ сосудовъ... На 20-й таблицѣ видимъ сосуды фантастическихъ формъ, напр.—кушинъ въ формѣ *барана*. Сосуды эти выкрашены преимущественно красною краскою и затѣмъ разрисованы узорами зеленаго цвѣта. Два кушина—на этой таблицѣ—съ зелеными узорами сильно напоминаютъ востокъ... Послѣдняя таблица занята рисунками „кафель", т. е. изразцовъ, шесть видовъ которыхъ имѣютъ всѣ—различные узоры.

Очень жаль, что альбомъ не имѣетъ поясненій—изъ какихъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, взяты изданные орнаменты и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ старымъ типамъ, а какіе представляютъ собою плодъ уже новѣйшаго сочиненія. Особенно интересны были бы этого рода свѣдѣнія относительно рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицѣ 20-й. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время гончарныя издѣлія м. Опошни положительно входятъ въ моду, особенно издѣлія гончара Гладыревскаго, причемъ мода эта вызываетъ *новѣйшія варіаціи* въ издѣліяхъ... Запросъ на опошнянскія издѣлія породилъ уже, напр., „талѣрки"

---

[1]) Разумѣется изслѣдованіе г. Зарѣцкаго. См. „Кіевск. Стар." 1894 года, декабрь, стр. 507.

съ рельефами полногрудыхъ нимфъ... Какъ-то странно видѣть на оборотѣ такихъ „талѣрокъ“ клеймо—„*Федоръ Чирвенко. м. Опош.*“.

Почти одновременно съ альбомомъ полтавскаго земства вышло подобное изданіе и въ Львовѣ. Въ 80-хъ годахъ тамъ начата была печатаніемъ цѣлая серія такихъ альбомовъ подъ заглавіемъ—*Wzory przemysłu domowego na Rusi, wydane przez museum przemysłowe lwowskie. Zebrał i zestawił Ludwik Wierzbicki.*—Въ 5-й серіи этого изданія заключаются *Wyroby gliniane włościan na Rusi.* (*Kossow*). Въ рецензіи объ этихъ изданіяхъ, напечатанной во львовской газетѣ *Зоря* (1882 г., № 18, стр. 288) говорится, что изданные г. Вержбицкимъ орнаменты гончарныхъ издѣлій взяты преимущественно съ работъ умершаго коссовскаго гончара Бахминскаго, очень распространенныхъ, такъ какъ работы его, по словамъ газеты, находятся во многихъ музеяхъ, начиная съ вѣнскаго. Интересно было бы сравнить издѣлія полтавскихъ гончаровъ съ коссовскими... Какъ уже сказано, опошнянскіе гончары въ послѣднее время стали замѣнять старые орнаменты на своихъ издѣліяхъ—новыми, и поэтому теперь слѣдуетъ привести въ извѣстность, по возможности, всѣ старые здѣшніе орнаменты, которые когда то и откуда то принесены въ Полтавщину и которые рано или поздно дождутся своего изслѣдователя... А для облегченія работы послѣднему было бы къ мѣсту пріобрѣсти полтавскому музею и альбомъ Вержбицкаго—*глиняныхъ издѣлій*, тѣмъ болѣе, что этихъ альбомовъ, сколько знаемъ, нѣтъ, напр., даже и въ Кіевѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ развитія историческому отдѣлу полтавскаго музея. А до какого развитія могутъ достигать такіе музеи и въ небольшихъ центрахъ—указываетъ тверской музей, созданный притомъ энергіей одного человѣка!

А. Л.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ.

Историчня драма, въ V-ты дiяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДIЄВИ ЛЮДЕ ДО ПЕРШОИ ДIИ.

Зиновiй-Богданъ Хмельныцькый — сотныкъ Чыгырынськый.
Тымко — его сынъ, козакъ 20 литъ.
Андрiй — } тежъ сыны 12 и 8 литъ.
Юрась — }
Катря — дочка Богдана, 16 литъ.
Ганна Золотаренко — выхованка, небога 23 литъ.
Елена — литъ 18, полячка, выхованка Богдана.
Богунъ — молодый, завзятый козарлюга.
Чарнота — за 40 литъ, зъ сичовыкивъ.
Бандурыста — сывый дидъ, старець.
Глоба — изъ козачои старшыны
Барабашъ — старый, похылый, полковникъ.
Чаплинський — пидстароста Чыгырынськый.
Пробощъ — iезуитська фигура.
Домаха — господыня стара пры будынку.
Джура — козачокъ, литъ 12.
Юзя — служныця у Елены.

Наймычкы, козакы и козачкы, гайдукы, музыка.

Дiется 1647 року, въ новимъ будынку Богдановимъ, пры Чыгырыни.

ПЕРША ДІЯ.

Роскишный садокъ. Зліва на переднимъ кону альтанка; одъ неи иде въ глыбыню тиныста тополёва вулычка. Праворучъ широка луговына, обсажена геть бузкомъ; за нею навдали ставъ зъ млыномъ на тимъ боци; дали выдко Чыгырынъ. Межъ тополями и луговыною тече струмочокъ, черезъ якый перекынуто мостыкъ. На луговыни зправа фасадъ будынку зъ кружганкомъ. Внизу шырочезный рундукъ.

Выходъ I.

(*Домаха, джура, килько дивчатъ и козакивъ*).

Домаха (*до дивчатъ, що накрываютъ на рундуци столы*). Пересунь скатертыну ривнище! такъ!

1-й козакъ. А ци жбаны и кубкы куды?

Домаха. Сюды, сюды на стилъ—посередыни; а кубкы розставляйте биля мысокъ.

Джура. Панъ господарь казалы, щобъ выйняли срибни полумыскы й талиркы.

Домаха. Этъ! Вытребенькуе!

Джура. Та щобъ уточылы найкращого венгерського, та запиканокъ, налывокъ,—щобъ усего було вволю, бо ждуть якыхсь поважныхъ гостей... лыбонь чи й самъ прыбуде ясновельможный панъ полковныкъ.

Домаха. Якъ разъ у пору! Хиба може по покійній жинци обидъ справля? Царство ій небесне, голубочци!

(*Прыслуга те друге вносыть, прыбира*).

Джура. Такъ титочко, щобъ все гаразды було; перекажить и панни...

Домаха. Якій?

Джура. Панни Катерыни.

Домаха. Я думала Елени...

Джура. То панія...

Домаха. Щось мовъ на те... Охъ, просты, Господы, согришенія наши!

Джура. Хи, що се я балакаю, а мени загадано ще по бандурысту бигты, та по спивакивъ...

Домаха (*бье объ полы рукамы*). Свите-Боже! Царыця небесна! Що-жъ се винъ здуривъ, чи що? Сороковустъ ще не выйшовъ, а винъ и спивы, и танци! Тутъ що дня тилькы и чуешь про грабежи та про гвалты... церквы замыкають... нещасный людъ то по лисахъ ховается, то по шыбыныцяхъ гойдается... а старшына бенькетуе! Охъ, матинко! Чи не пошывся винъ у кателыка?... Черезъ ту панію... Теперъ про всихъ така чутка иде... Пропащи мы, пропащи! Наступа певно страшный судъ!

Выходъ 2.

(*Тижъ и Тымко; мижъ тополямы Богунъ и Ганна*).

Тымко (*хутко*). Панны Елены не бачылы?

Домаха (*грубо*). Тамъ шпацируе десь зъ своею варшавянкою...

Тымко. Де-жъ саме?

Домаха. Та до ставку повіялась... (*Выходытъ*).

Тымко. Ага! (*До Джуры*). Скажы стаенному, щобъ сывого огыря осидлавъ; нехай готовый у стайни стоитъ.

Джура. Отъ тоби й положы ногы на плечи: мовъ шалени сёгодня—то туды, то сюды, то онъ-куды! (*Побигъ*).

Андрій (*выскакуе на ганокъ*). Тымко! Тымко! Визьмы й мене зъ собою!

Тымко (*йдучи до ставка*). Одчепысь!

Андрій. А въ мене сагайдакъ е! Я й до тебе стрилкою докыну! (*Стриля и ховается*).

Тымко. Отъ я тоби! (*Заходытъ*).

Богунъ и Ганна наблыжаются до альтанкы),

Богунъ. Дывуешся, моя кохана панно,
Що тягне все мене сюды?

ГАННА. Нема
Для лыцаря-славуты въ насъ прыманы...
БОГУНЪ. Чому нема? Хто зна...
ГАННА. Тутъ монастырь...
И похоронный дзвинъ ище не змовкнувъ;
Не мае въ насъ ни герцивъ запальныхъ,
Ни бенькетивъ...
БОГУНЪ. За те тутъ любый спокій...
И въ серци зновъ такъ лагидно стае,
Якъ писля бури въ ясный, тыхый вечиръ...
Отъ и теперъ, якъ зъ панною иду—
Мени ввыжается, мовъ у тумани сызимъ,
Моя матуся; чеше гребинцемъ
Головку сынови, та слёзы роныть:
Все плакала, голубыла мене...
А то писень журлывыхъ ще спивала,
И хороше ставало такъ мени...
ГАННА. Давно було?
БОГУНЪ. Давно... а все той голосъ
Оттутъ дзвеныть... (*Показуе на серце*)
ГАННА. Любыла васъ вона!
БОГУНЪ. Лыбонь... Забувъ... Чи то пакъ и не знаю,
Що е воно... якъ матиръ, чи сестра,
Чи дивчына?... Зоставсь я сыротою—
И матирью вже стала мени Сичъ:
Пестывъ мене у поли буйный витеръ,
Мывъ дрибенъ дощъ, чесалы лышъ терны...
А доброму учыла шабля гостра...
ГАННА. А братчыкы?
БОГУНЪ. О, ихъ я полюбывъ,
Та и воны мене, якъ брата, друга!
ГАННА. Що дывного? Не мавъ бы той души,
Хто-бъ не злюбывъ завзятого юнака,
Покрытого вже славою...
БОГУНЪ. Не вси
Такъ думають... а панна?

Ганна. Эхъ, козаче,
Що варта я для вояка-орла,
Та ще въ таку злетяжкую годыну?
Тоби святый Вкраины заповитъ
И любая лышень вояцька втиха!

Богунъ. Такъ, панно, такъ! Я геть жену нудьгу
И радисно цымъ серцемъ розцвитаю,
Колы зачую гоминъ сичовый:
У куряви летышъ конемъ, якъ выхоръ,—
Напружени и серце, и рука,
А у грудяхъ кыпыть окропомъ сыла...
И весело-жъ кырпату дратовать!
Або на мори, якъ бува скажене
Звирюкою застогне, зареве:
То здіймешся, злетышъ на чайци вгору,
То въ прорву зновъ пекельну упадешъ,
А буря знай на клочча рве витрыла,
Та щоглу гне, ажъ ралыть по води...
И любо-жъ такъ!

Ганна. Отъ бачышъ, мій козаче,
Душею ты въ завзятти потонувъ,
Нищо друге не вдоволныть...

Богунъ. Одначе...

Ганна. Украини належыть серце се!

(*Богунъ шановно цилуе ій руку*).

Выходъ 3.

(*Тижъ и Андрій*).

Андрій (*выбига*). Галю, Галю! Я горобця влучывъ!

Галя. Не стриляй, голубчыку, по пташечкахъ: воны-жъ
тоби ничого злого не чынють?

Андрій. Э! Горобчыкы крычалы „жывъ, жывъ!“, якъ жыды
Хрыста мучылы!

Галя. То выгадкы!

Андрій. Та воны й злодіи: сояшныкы пьють...
Галя. Усякому йисткы хочется...
Богунъ. Ты отъ краще стриляй вепривъ, вовкивъ.
Андрій. Я и ведмедю стрельну у воко! Ось подывысь, якъ я влучаю...
Богунъ. Ходимъ, ходимъ! Похвалысь!!

(*Заходять зъ Богуномъ въ садокъ за будынокъ*)

Выходъ 4.

(*Ганна и Катря*).

Катря (*выходыть назустричъ*). Голубочко, Ганнусю, розскажы,
Що сталося тепера зъ нашымъ татомъ?
Зовсимъ не той...
Ганна. Его грызе нудьга,
Що повстае съ усихъ-усюдъ недоля...
Катря. Се знаю я, и про Варшаву ще...
Тамъ про якусь зневагу... але, рыбко,
До насъ винъ ставъ не той... та и вона,
Елена-бъ то...
Гана. Про цее, зирко, годи!
Хто его зна... лыхе пануе скризь...
Катря. Ты на здогадъ... Мени-бъ хотилось знаты...
Ганна. Охъ, серденька жывого не вражай:
Ты первый цвитъ прыбыть морозомъ хочешъ!
Катря. Ты щось таишъ?
Ганна. Ни!
Катря. А чого-жъ сама
Сумна, блидна, немовъ зъ хреста изнята
Зъ того часу, якъ тато повернувсь?
Я бачу все... Ачъ, онъ бренить слёзына
На віяхъ въ тебе...
Ганна (*змахуе*). Этъ, ничого... такъ...
Журюся я, що звидсиля пойиду...

Катря. Куды? Куды?
Ганна. До брата.
Катря. Охъ, не йидь!
Не кыдай насъ! Ты намъ якъ ридна ненька!
Ганна. Вы вси мени... а зоставатысь тутъ
Не сыла бильшъ... Такъ важко, такъ нудливо...
Ты видпросысь до насъ...
Катря. А якъ браты?
Ганна. Заберемо; тамъ буде безпечнише.
Катря. Андрійка-ни, не пустять...
Ганна. Ну, Юрка...
Ходимъ, ходимъ! Ще пакуватысь треба!
(*Идуть у будынокъ*)

(*Дивчата тымъ часомъ прыбралы и стелютъ кылымы*).

Выходъ 5.

Елена (*иде мижъ тополямы й зупыняется край альтанкы*).
Ахъ, нудно якъ въ симъ хутори самотнимъ,
Писля осель Варшавськыхъ, чаривныхъ,
Де, мовъ въ раю, я розцвила душею...
Не до смаку тутъ все... и цей садокъ
Мени теперъ здается дыкымъ гаемъ...
Черемуха, а чи канупиръ тхне?
Та медомъ ще одгоныть... Душно! Скучно!
Невже мои тутъ лита пропадуть
Дурнисенько? Невже я свій виночокъ
За марево Богдану виддала?
Невже жага пидтоптаного дида
Задовольныть мое серденько вкрай?
Я важыла, що розумомъ и статкомъ
Винъ осягне и владу, и почотъ,
Та зробытся ясновельможнымъ паномъ,
А винъ зовсимъ не те на думци ма,—
Шепочется зъ голотою, зъ попамы,

Та молится все нышкомъ по церквахъ...
Не прыятель винъ Речи-Посполытій,
А ворогъ злый! Такъ и жалкуй же самъ:
Чого мени морочатыся зъ дидомъ?...
Тымко—юнакъ завзятый, запальный...
Якъ неукъ той, що выкохавсь на воли—
И молодый, и першый хорошунъ...
А все жъ ему далеко до шляхетныхъ!...
Чаплинськый панъ напрыкладъ... Ни, красы
Не потоплю я марно въ цимъ болоти!

Выходъ 6.

(*Тижъ и Юзя, а потимъ—бандурыста, Богунъ и Галя*).

Юзя. У насъ сегодня старшына: когось-то
До себе ждуть...
Елена. Мени обрыдлы страхъ
Ци бенькеты и буйни, й небезпечни,
Де заразъ гвалтъ и спивы, за ковшемъ.
Юзя. Та тутъ гуляють по-мужычи, грубо...
Елена. Запевне. Ахъ, моя Варшава! Тамъ
Все чаривне, и деликатне й пышне!
Магнацькый смакъ! Якъ злотосяйный сонъ,
Мене все те проминнямы окрыло!
Юзя. А панія якъ сяла тамъ...
Елена. Мовчы!
Не говоры, бо далеби заплачу!

(*Зза рундука выходыть Богунъ зъ бандурыстою. Розмова ведется у чотырехъ разомъ, тилькы ризною мирою*).

Богунъ. (*Край рундука*). Такъ нема радосты, старче Божый?

Бандурыста. Бида! Бида! Такый скрутъ, таки злыгодни скризь, що останни часы настають... Нема просвитку!

Богунъ. Що жъ тутъ коится? У насъ на Запорожжи щось непевне гудуть...

Бандуриста. Що коится? Грабижъ иде, гвалтъ реве, стогинъ по лугахъ розлягается... Нема вже у хрыстіянына—ни жинкы, ни сестры, ни дочкы! Налита зъ ватагою панъ...—и тилькы попилъ та кривъяни калюжи зостаются видъ людськои осели!

(*Заходятъ дали*).

Юзя (*край альтанкы*). А якъ впадавъ за кымсь вельможный панъ
И якъ дывывсь у вичи моій пани...

Елена. Охъ, не дратуй!

Юзя. А панъ той блызько... тутъ...

Елена. Въ Чыгырыни?

Юзя. Лыбонь що...

Елена. Годи, годи!
Я збожеволію...

Юзя (*крадькома*). До пани ось де лыстъ.

Елена. Одъ пана?

Юзя. Такъ!

Елена. Чого-жъ ты затаила?

Юзя. Забулася...

Елена. У, вредна! Нужъ; давай!

Юзя (*дае*). До горныць ще панъ клыкавъ паню...

Елена. Дали!
Я хочу тутъ помарыты сама.

(*Чита лыстъ, а Юзя видходыть*).

Галя (*выходыть на ганокъ, зажурена*).
Прощай, прощай! Садочку мій роскишный,
И квиточкы, що я садыла, й гай,
Де я гулять любыла въ самотыни...
Якъ все вросло у мою душу тутъ!
Яки ясни, щаслыви дни снувалысь
Недавно ще! Якъ титочка мене,
Хрещеныцю, любыла, пестувала,
Якъ дядько мій, дорожчый надъ усе,
Мене кохавъ, дылывсь думкамы навить...
А отъ теперъ... якась слипа жага

Велычвій духъ и розумъ опъяныла,
И серце те украла хыжо въ насъ! (*Пауза*).
Але мене пече... невже бъ то рвія
И заздристь до панянкы?... Боже! Грихъ
Якый тяжкый! И я его зигрила?!
Тикать, тикать... Царыце, сылы дай!
Охъ, важко жъ якъ, зъ гниздечкомъ цымъ розстатысь,
Але ще тяжче зоставатысь тутъ!

Елена (*дочытавшы лыста, цилуе его*).

Мене коха... и вызволыть зъ темныци
На пышный свитъ!... Винъ буде, буде мій!

Выходъ 7.

(*Тымко, Елена, Богданъ и Галя*).

Знова ведется разомъ дви сцены: одна—край альтанкы, а друга—край рундука).

Тымко. Скризь выганявъ... Насылу-сылу пташку
Піймавъ...

Елена. Тымко? (*ховае, змишавшысь, лыстъ*)

Тымко. Я, зирко, я!

Елена. Пидкравсь!

Богданъ (*выходыть смутный*).

На терезы сегодня свою долю
Я кыну... Охъ, куды нагне вага?

Тымко. Ты лыстъ, чи що тутъ цмокала?

Елена. Цикавый!

Тымко. Ты вся, якъ жаръ... тремтышъ...

Елена (*заграючы*). А выненъ хто?

Богданъ. А ще й теперъ далы бъ мени магнаты
Высокый почтъ, щобъ ставъ на ихню ручъ...

Тымко. Дай руку!

Елена. На!

Тымко. Не ту!

Елена. Щей вередуе...
Тымко. Голубочко!
Елена. И жоднои не дамъ! (*насупылась*).
Богданъ. Невже про свій жывитъ я тилькы й дбаю?
Невже засивъ у серце сатана?

(*Галя, запрымитывшы Богдана, зходытъ зъ ганку и тыхо до его наблыжается*).

Тымко. Дратуешъ?
Елена. Я ненавыжу цикавыхъ...
Тымко. Такъ тутъ кыпыть!
Елена. Окропу жъ я й боюсь!
Ганна (*Богдану*). Я, таточко, прыйшла прощатысь...
Богданъ. Якъ то?
Ганна. До брата йиду...
Богданъ. Галочко! Чого-жъ?
Ганна. Такъ... часъ..
Богданъ. Тебе чи не образывъ, доню,
Хто тутъ?
Ганна. Ни, ни!
Богданъ. А ну, у вичи глянь!

(*Дывытся, гладытъ по голови; Галя прыпада до его*).

Елена. Ну, годи! Ну-жъ! (*сипа*) У шыйку мене цёмъ!
Тымко. Отрута!
Елена. У! сердытый! Не люблю,
Якъ хмурышся! Рыднесенькый, коханый!
Хлопчынонько! Ну, цёмъ ище!
Тымко (*цилуе*). Не мучъ!
Скажы, що тамъ?
Елена (*розсердылась*). Э, це уже занадто!

(*Пишла. Тымко ій у слидъ*)

Богданъ. Побудь ще въ насъ... Ты найридныша тутъ...
Ганна. Вы вси мени... (*втерла слезу*).
Богданъ. Безъ тебе диты гынуть...
Ганна. Пустить до насъ.

Богданъ. Та се гараздъ; але
Чого ты насъ, лебидко, кынуть маешъ?
Ганна. Тутъ тяжко... ще не заросла... сыра
Могыла неньки нашои...
Богданъ. Несчасна,
Вона страждала довго...
Ганна (*плаче*)... А теперъ...
Простить слёзамъ, шо самохить...

Выходъ 8.

(*Тижъ и Домаха*).

Домаха (*выходыть на рундукъ*). Тамъ люде
Ограблени прыйшлы... безъ хлиба й свытъ—
Забралы все харцызы!
Богданъ (*до Ганны*). Отъ-де горе...
Въ викно скака, а я вагаюсь ще!
(*Домаси*) Звелы бидахъ нагодувать, зодить...
Та запросы на трапезу сегодни
Усихъ старцивъ незрячыхъ и каликъ,
Та обдилы ихъ щедро... Хай благаютъ
Творця за насъ, бо слушный часъ наставъ!
(*Домаха пишла*).
Ганна. Сподіется на батька, на Богдана
Весь людъ...
Богданъ. А я достоинъ зняты мечъ?
Чи по руци мени винъ? О, страшенна
То боротьба!
Ганна. Але безъ неи годи
И жыты намъ!
Богданъ. Безъ неи намъ повикъ
Рабамы буть...
Ганна. Охъ, мылосердный Боже!
Невже така намъ доля? Краще смерть!
Богданъ. Такъ рыбко, такъ! Не згыне наша нення,
Колы такыхъ дочокъ-лыцарёкъ мае!

Ховай тебе видъ лыха мылый Боже!

Ганна. Ни, тату! Хай Богдана крые Богъ!

(*Богданъ обнима ïи*).

Выходъ 9.

Тижъ и Елена.

Богданъ. Насъ Ганна кыда... (*До Елены*).

Елена. (*пидходючы, заздро*). Що-жъ? Не викъ тутъ жыть:
За панною въ тривози братъ...

Ганна. Винъ зна,
Що я въ симьи, де наша друга мама...

Елена. Де тато вашъ другый...

Ганна. Такъ, пани, такъ!
Намъ дядько бувъ не другымъ—риднымъ батькомъ.
Изъ-малку ще зи мною бавывсь винъ,
Учывъ спивать про панськи здырства думы,
Учывъ любыть осыротилый край...
И та любовъ злылась зъ Богданомъ въ серци,
Якъ пахощи циновни та святи;
Не соромъ ій себе зъявыты мыру,
Бо не лукавство, не корысть, не лжа
Ïи зростылы... прощавайте, пани!

(*Выходыть*).

Елена. Мене у васъ всякъ обража...

Богданъ. Сама
Вразыла ты ïи, Олесю, й дарма...

Елена. За неи панъ... я знаю...

Богданъ. Не гараздъ,
Моя красо! У неи щыре серце...
Свята душа!..

Елена. А въ мене лядська... такъ?

Богданъ. О, ясочко! Хиба ще ты не знаешъ,
Якъ заздрисно, шалене й боляче

Тебе люблю, кохаю страшнымъ паломъ
Остатнёи, пекучои жагы...

ЕЛЕНА. Не выдко щось... а шлюбъ?

БОГДАНЪ. Не часъ...

ЕЛЕНА. Ба, пизно!

БОГДАНЪ. Олесечко!

ЕЛЕНА (*пестуючысь*). Пробачъ мени, просты,
Мій таточку, мій любый, мій коханый!
Ревныва я... а ты ще, мовъ на злисть,
Ганнусю все голубышъ, хвалышъ... Орле!
Я-бъ пидъ крыломъ твоимъ и день, и ничъ
Сыдила все... (*лащыться*) О, вусы мои люби!
Ну-жъ, не журысь! (*Цилуе руку*).

БОГДАНЪ (*обнима*). Зозулечко моя!
Багато думъ и горя за плечыма...

ЕЛЕНА. Ты подилысь...

БОГДАНЪ. Нащо тебе вражать?

ЕЛЕНА. Не вирышъ все... не любышъ ты полякивъ...

БОГДАНЪ. Суды ихъ Богъ!.. А, ось и старшына!
Попорядкуй! (*Елена выходыть*).

Выходъ 10.

(*Тижъ и Чарнота, Глоба, Богунъ та бандурыста й Тымошъ*).

ЧАРНОТА. Панъ-сотныку чоломъ! (*Богданъ обнима*).

БОГУНЪ. И наши головы!

БОГДАНЪ (*обнима*). Богуне! Брате!

ГЛОБА. Господарю мыръ въ хату и шаноба!

БОГДАНЪ. Подай Господь! Але не ти часы! (*Обнима*).

ЧАРНОТА. Та черезъ те-жъ не выпьешъ швыдко й чарку...

БОГУНЪ. А нахыльцемъ? (*Обнима его*) Ну, друже, будь здоровъ!

ЧАРНОТА. Бувай! бувай!!

БОГДАНЪ (*до бандурысты*). А, въ насъ и старець Божый?

БАНДУРИСТА. Зъ недилею святою!

БОГДАНЪ (*обнима*). Якъ жывешъ?

Бандурыста. Та налыхо ще дыбаю, а очи,
Спасыби Богу, слипнуть вже...
Богданъ. Чого-жъ
Ты радъ тому?
Бандурыста. Того, що зрить не будуть
Нещасноі Украины...
Богунъ. Теперъ
Усимъ бы слидъ повыпикаты очи!
Чарнота. Щобъ ослипъ пыть?
Глоба. Чи въ опанаса грать?
Богунъ. Ни, щобъ не маты сорому, панове,
Дывытыся у вичи тымъ братамъ,
Якыхъ до рукъ катюгамъ мы пустылы.
Глоба. Хто попускавъ?
Богунъ. А хто-жъ? Лыбонь уси!
Якъ-бы не такъ,—коверзувать не сталы-бъ
Надъ намы тутъ ляхове та жыды!
Бандурыста. Вже наступа кинець Вкраини нашій!
Чарнота. Щожъ мы згорнулы рукы? Та давай,
Хочъ у горильци потопляты горе!
Глоба. Пипъ про свое!
Богданъ. Прошу васъ за столы!
За чаркою й стогнаты легше... Джуро!
Хрещеноі!
Чарнота. И плакать веселишъ...
(*Прыносять. Богданъ налыва кубкы*).
Богданъ. О, Господы! Пошлы вдови нещасній,
Украіни, не розгубыть дитей!
Богунъ и Глоба. И ворогивъ позбутыся навикы!
Чарнота. И процвисты на славу всимъ!
Богданъ. Амінь!

(*Пьють и мовчкы сидають за стилъ*).

Глоба. Ну, що въ Варшави?
Богунъ. Якъ тамъ наша справа?

Богданъ. Пропаща ричъ! Нема тамъ ни суда,
Ни зàхысту, ни правды намъ, братове!
Чарнота. Не я казавъ?
Богданъ. Я й въ голову не клавъ,
Щобъ сеймъ зъ такымъ прызырствомъ на насъ плюнувъ!
Богунъ. О, диждутся!
Богданъ. На скаргы вси мои
Воны сміялысь прыкро и крычалы,
Що у рабы повернуть козакивъ!
Богунъ. Козакъ рабомъ не бувъ ще зъ покôнъ вику!
Тымко. Й не зигнется, ажъ покы свитъ!
Бандурыста. Охъ, охъ!
Хызуемось, а гнуть насъ у тры вырвы:
Скризь плачъ стоитъ и лементъ...
Чарнота. А король!
Богданъ. Та що король? Слуга покирный сейму,
Безъ голосу, безъ влады... Що хотять,
Те й чынють зъ нымъ... Въ яснійшого я бувъ
И говорывъ про все: винъ щыро слухавъ
И прызнававсь,—що сылъ ему дасть-би
Поставыты въ своимъ крулевстви правду,
Що любыть винъ, шануе козакивъ,
Сподіется и самъ на ихню помичъ...
Богунъ. Та що й казать,—король вважа законъ,
А королята...
Чарнота. Топчуть все пидъ ногы...
Тымко. А шабли де?
Глова. Хочъ молодъ, а козакъ!
Богунъ. Лыцарськый духъ!
Бандурыста. По батькови!
Богданъ. Въ Варшави
Ограбылы... Я тамъ благавъ, щобъ намъ
Хочъ предкивськи вже закрепылы земли,
Такъ сеймъ мене пиднявъ ище на глумъ,
И староста наддавъ собаци владу,—

Чаплинському, що нищыть, грабыть людъ,
Що видтягавъ у мене хутиръ, земли,
Що нашыхъ донь безчестыть и ганьбыть...
Такъ отъ яка разбійныку видплата!

Чарнота. Такъ що-жъ намъ дальшъ терпиты?
Богунъ. Геть ляхивъ.
Богданъ. Тай самъ король мени казавъ ласкаво,
Що прывелеи суть въ Барабаша,
Та винъ ховае ихъ въ догоду сейму!
Одни. Недоляшокъ и злодій!
Други. Зрадныкъ! Катъ!
Бандуриста. О, Господы!
Вси. Смерть Иродову сыну!
Богданъ. Браты мои! Вгамуйте серця палъ,
А розуму наддайте волю: вбыты
Смердючого пса буде часъ, а тра
Намъ першъ дистать одъ его прывелея,
Тоди-то зъ нымъ пиднимемо меча!
Глоба. А якъ дизнать, де сховано?
Чарнота. Попарыть
Окропамы, або нагрить вогнемъ...
Богданъ. Тортуры? Ни! Мы гвалту тилькы счынымъ
И до часу покажемъ зубы; я
Прыдумавъ инше: Барабашъ сегодни
До мене въ гости буде; мы его
Напоимо...
Чарнота. До помочи я стану:
Хочъ зъ шельмакомъ и пыты не впада,
Та для Украины...
Глоба (*кепливо*). Поступышся?
Чарнота. Та мушу-жъ!
Богданъ. Такъ помагайте-жъ, братци; языка
Замкнить въ зубахъ, а думку въ серци, друзи,
Щобъ за ковшемъ не розгубыть...
Вси. Гаразд!

Выходъ 11.

(*Елена, Барабашъ, Чаплинськый, джура, пробощъ и перши*).

Елена (*выходыть зъ дверей на рундукъ*).
Шановному лыцарству! (*кланяется*).
Вси (*кланяются*). Пышній крали
Чоломъ даемъ!
Богданъ. А ты насъ почастуй!

(*Елена налыва кубкы, частуе; злива на тополеву доризку до альтанкы выходять—Барабашъ, Чаплинськый, пробощъ*).

Барабашъ. Чудовый садъ! Роскоши!
Чаплинськый. А Хмельныцькый
Ще скаржыться!
Барабашъ. Та краще-бъ жывъ въ ладу
Зъ магнатамы, а не зъ козацтвомъ...
Чаплинськый. Правда,
Тоди-бъ усимъ и ласувавъ...
Барабашъ. Куды-жъ
Иты?
Гайдукъ. Сюды, полковныку вельможный.
Пробощъ. На хвылю панъ... (*Чаплинському*).
Чаплинськый (*Барабашу*). Я заразъ пану вслидъ.
Вси (*коло столу*). Здоровье панны!
Елена. Й панства!
Джура (*вбига*). Панъ Полковныкъ!
Прыбувъ уже...
Богданъ. О, такъ хутчій стричай,
Елено, ихъ; поклычъ и Катерыну...
Пыльнуйте жъ часъ, товарыши-браты!
(*шепочется*).
Пробощъ (*коло альтанкы*).
Богдана слидъ одъ справъ поспильныхъ збыты
И закрутыть у власныхъ...
Чаплинськый. Але якъ?
Пробощъ. У его есть прыймачка Леся...

Чаплинськый. Знаю...
Роскишный квитъ!
Провощъ. И пану до смаку?
Чаплинськый. О, натуральне!
Провощъ. Панъ вчыныты може
Послугу намъ, ойчызни...
Чаплинськый. Въ чимъ же ричъ?
Провощъ. Одбыть у сывого красуню...
Чаплинськый. „Mógę, Mógę!“
Провощъ. Жолниры въ пана? Sapienti sat!
(*Наганяютъ черезъ мистокъ другыхъ*).
Богданъ (*пидходыть ввичлыво й гостынно до Барабаша*).
Шановный мій полковныку! Чоломъ бью
И дякую за ласку и за те,
Що вшанувавъ мою убогу хату.
Барабашъ. Для мене честь, мій куме... Ось новый
Пидстароста—Чаплинськый панъ...
Богданъ. Я знаю...
Чаплинськый. Сваты булы до позву...
Богданъ. Божый зволъ.
Барабашъ. Ксензъ-пробощъ нашъ...
Богданъ (*звонтпывшы*). Нашъ?! Дуже, дуже радый...
Барабашъ. Всій старшыни, панове, мій поклонъ!
Вси. Чоломъ тоби, полковныку, за ласку!
Богданъ. Мій кумоньку! Венгерське посмакуй:
Ты знаешся на вынахъ и кобитахъ...
Барабашъ. А, добре! (*пье*).
Богданъ. Прызволяйсь!
Барабашъ. Старыше насъ.
Чарнота. Заховане въ лёхахъ...
Богунъ. Якъ прывелеи!
Барабашъ. Га?
Чарнота. Батьку нашъ, налывкы посмакуй...
Барабашъ. Слывьяночка? (*Смакуе*).
Чарнота. Ажъ чорна...
Богунъ. Мовъ та совисть.

Барабашъ. Злыпаются и губы... (*пье*).
Глова. Ось, скуштуй
Цего пытва!
Барабашъ. А, запиканка польска?
Богданъ. Прошу, прошу, мій куме, ушануй!
Барабашъ. Та такъ мерщи й упьюся я, панове...
Глова. Во здравіе!
Чарнота. Охоты пиддамо!
(*Барабашъ скыда шапку; Богданъ бере іи и передае нышкомъ Тымку до схову*).
Богданъ. Прошу за стилъ пожыты хлиба-солы:
Вже выбачте,—що Богъ пославъ, те й е!
Бо не заставъ, вернувшысь, господыни—
Прыйнявъ... а ци ще молоди...
(*Показуе на Елену й Катрю, прыпрошуючы до столу гостей*)

Выходъ 12.

(*Тижъ и Елена зъ Катрею*).

Елена (*глянувшы на Чаплинск.*). Ой, Езусъ-Панъ!
Богданъ (*ій тыхо*). Чого злякалась?
Барабашъ. Панно!
А пидійды! Красунечка... дочка?
Богданъ. Ни, куме мій... готованка... Ось дочка!
Барабашъ. О, гарна й ця! А де хрещеныкъ?
Богданъ. Десь
За горобцямы...
Барабашъ. Такъ и мы... А я вже
Лыбонь того... щось въ голови гуде...
Богданъ. Зъ чого бъ намъ, куме?
Чаплинськый (*до Елены*). Ясна, пышна, панно,
Дозвольте „рончку“...
Богданъ (*Чаплинському*). Въ насъ того не слидъ...
Тымко. Се по шынкахъ такый свавольный звычай...
Чаплинськый. Цо, пане?

Тымко. То, що вже сказавъ...
Глоба. Гаразд!
Богданъ. За простый нашъ обычай выбачайте...
А-отъ пресвитлыхъ, дорогыхъ гостей,
Прыпрошуйте, частуйте, панны, гойно!
Барабашъ. Одъ краль такыхъ солодчый буде й медъ!
Елена. Такымъ панамъ сповняты кубки-втиха!
Пробощъ (*Елени*). Ты квиточка лыбонь зъ райськыхъ садкивъ,
Не тутъ цвисты ій мосци...
Богданъ. Що-жъ, панове,
Не гребайте, вшануйте намъ хлибъ-силь:
Ось добрый борщъ, и зъ потрибкою каша,
Онъ осятеръ днипровськый до слывокъ,
Тамъ порося, тутъ смажены караси,
Що не доивъ ище лядськый щупакъ... (*смихъ*).
Не поганьбить, мосцивіи панове,
А молодыхъ вшануйте господынь!
Барабашъ. Пампушечкы...
Чаплинськый. Смашнисенькы...
Тымко. Про вищо
Говорыть панъ?
Чаплинськый. Про вищо? Гм!! Про страву...
Тымко. А его мосць не пробувавъ быткивъ?
Чаплинськый. Не пробувавъ...
Тымко. То слидъ.
Глоба. Смашни!
Богунъ. Давучи!
(*Регитъ*).
Богданъ. Що-жъ вы, панны? Частуйте охвитнишъ!
Прыпрошуйте, щобъ спорожнялы кубкы...
Венгерського, столитнёго несить...
Щобъ у ковшахъ ажъ черезъ винця грало!
(*Пиднима свій*). За ясного полковныка!
Вси (*пьютъ*). Виватъ!!
Барабашъ. Спасыби вамъ! (*пье*) Шумыть вже...
Богданъ. Пыть, такъ пыть!

Чарнота. Та це квасокъ... горилкы-бъ козакови!
Де-хто. Гуляй душа!
Богданъ. Несить усе зъ лёхивъ! (*пидлыва куму*).
Прошу, вшануй!
Барабашъ (*пье*). Надъ сылу...
Чарнота. Якъ? За наше?
Барабашъ. А! ще за васъ (*знову пье*).
Вси. Не оганьбы... до дна!
Барабашъ. Та чоловикъ-же не скотына, диты,
Винъ билшъ видра не выпье...
Чарнота. А видро
Подужа всякъ!
Вси (*пьють*). Полковныкови слава!!

(*Вси йидять и пьють. Панны частують. Богданъ зъ козакамы иноди перешептуется. Чарнота все пидлыва Барабашу и смишыть его; той реготе, втырается и роня хустку: Богданъ крадькома ій соби пидхоплюе. Тымко, завважывшы, что Чаплинськый сказавъ щось дуже любязне Елени, ударывъ по столу кубкомъ и мало на гостя не кынувся; его прытрымалы: Елена видскочыла, а Чаплинськый зъ пробощемъ видійшлы въ садокъ. Впродовжъ цихъ сценъ въ садку спива гуртъ*).

Гуртъ (*спива*). Ой сивъ пугачъ на могылу,
Та и крыкнувъ „пугу“...
Чи не дасть Богъ козаченькамъ
Ще хочь разъ потугу!
Наши шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще серце козачее
Не боится туркивъ;
Не такъ турка, не такъ турка,
Якъ ляха-магната,
Що виддана у аренду
Наша церква й хата...
Ой беруть за все лоборы
И за виру мыто...

Та невже жъ за то свавольцивъ
Та не буде быто?!

Богунъ. Эхъ, писня ця рве душу...

Кобзарь. То не писня,
А стогинъ нашъ...

Чарнота. Отъ-отъ вже слушный часъ...
Роспатымось... (*втера очи*) Запорошылось око...
Гуляй душа! (*пидлыва Барабашу*).

Богданъ. Браты, сваты не спать!

Барабашъ Писень, писень!... Та не сумныхъ... веселыхъ,
Якъ у Варшави... „пьенкно-бардзо...“ Ахъ!
А „мазуречка-уньесення“... чудо!

(*Выйма ключи и дзвонытъ, прыспивуючы*).

„Катажына панна
Пшишла до мне зрана
И въ моемъ покое
Встало слонцевъ двое!“

Чарнота (*ему пидспивуе и выдера непрымитно ключи, брязчыть*).

„Тра-ла-ла-ла, ла-ла!...
Встало слонцевъ двое!“ (*Цилуется зъ нымъ*).

Барабашъ. Въ Варшави... ухъ! Спивачкы запальни...
А варшавянкы.. гм!... Биленьки... цяци;
Пампушечкы... (*зляга*).

Чарнота (*здійма у его тыхо перстинь, цилуе*)... Цмокъ! Цмокъ!

Богданъ (*бере ключи й перстинь*). Теперъ у насъ все до спробунку... годи!

(*Чарноти*) Колы Господь попустыть... Ты, якъ гримъ,
Впады на Сичъ хочъ за день передъ мене...
И прыготуй... (*до Тымка*) А ты, сынашу мій,
Леты хутчій зъ оцымъ до жинкы кума,
Перекажы полковныка наказъ,
Щобъ виддала тобі до рукъ ту скрыньку,
Де сховани козачи пакты...

Тымко (*выходячы*). Вмыть!

Выходъ 13.

(*Тижъ безъ Тымка*).

Чаплинськый (*наблыжается и одводыть на передній конъ Елену*).

Чи любый я коханій пани й доси?
Чи тутъ зреклась?...

Елена (*соромлыво*). Я серцемъ не минюсь,
Але...

Чаплинськ. Вважай,—Хмельныцького вже доля
Лежыть въ пылу... Моя жъ зійшла зоря...

Елена. Свитъ любый всимъ...

Чаплинськ. Такъ завтра я по справахъ
Геть выряжу Богдана и Тымка,
А самъ сюды зъ жолньерамы по паню...
Пакуй добро! (*хутко видходыть садкомъ*).

Елена (*сплеснувшы рукамы*). Охъ, Езусъ-Матко!

Пробощъ (*тыхо*). Знай,
Що ты дочка католыцького лона,
И нашъ костёлъ на те благословля... (*выходыть за Чаплинськымъ*).

Барабашъ. У! Варшавянкы ляли... бяле цяло ..

Чарнота. Хропе уже!

Богданъ. Тутъ удалось, а там...

Богунъ (*иде*). Я выглядать пиду мерщій на ганокъ.

Богданъ. Чи жъ выгорыть?

Чарнота. Надія наша—Богъ!
(*Кобзарю*) Гей, диду мій! Хочъ тугу намъ розбый,
По струнахъ вдарь, щобъ кровь заграла въ жылахъ.

Бандурыста. Та щобъ не дарма!... Слухайте-жъ, орлы!
(*прыграе и спива*) Зажурылась Украина,
Ниде ся подиты:
Вытоптала орда киньмы
Дрибненькіи диты;

Ой дрибненьки вытоптала,
А билыыхъ забрала,
Назадъ рукы повьязала,
Пидъ хана погнала...
Булы часы, булы лыхи,
Та насталы й зліи:
Чи вмыраты-жъ намъ, чи дбаты
На жыви надіи?

Глова. Спасыби, такъ!

Чарнота. Намъ умыраты? Годи!
Стонадцять купъ чортивъ имъ въ зубы всимъ,
Поборымось зъ панамы!

Бандуриста. Боже мылый!
Скрыпы имъ духъ и мужнисть дай серцямъ!!

Выходъ 14.

(*Тижъ и Богунъ, а потимъ Тымко*).

Богунъ (*зъ ганку*) Летыть Тымко зъ шкатулою!

Богданъ. Хвала
Тоби, нашъ Боже!

Вси (*и Богунъ прыбигъ*). Слава! Слава!

Тымко. Добувъ! Добувъ! (*вбига, показуе скрыньку*).

Богданъ (*кладе на неи руку*). Се есть намъ мечъ на брань.

Бандуриста. Теперъ, Богдане, часу вже не гай,
Леты орломъ на Запорожжа!

Богданъ. Сыну!
Спровадь сю ничъ до Хведора симью,
Для мене жъ хай готують заразъ кони!..
Наставъ мій часъ... Поломано пихвы...
На ворога мечъ голый треба зняты...
И кынуты на страшну гру кисткы...

Подайможъ мы, на разставанни, рукы,
На жызнь и смерть, товарыши-браты!

(*Вси кладутъ правыци на его руку при шабли*).

За нашъ народъ ограбленный, за виру,
За ридный край я голову несу—
И хай Господь розсудыть наше дило!

(*З а в и с а*).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДРУГОГО АКТА.

Настя Горова—шынкарька,
1, 2 дивчына—наймычкы
Нечай—козакъ у рямьи.
Чарнота—козакъ у спидныци.
Крывоносъ—козакъ зъ перебытымъ носомъ.
1-й, 2-й козакъ—запорожци.
1-й, 2-й лейстровыкы—изъ Украины.
Сулыма—зъ козацькои старшыны.
Тетеря—куринный атам., запорожець.
Богунъ,—козакъ зъ Брацлавщыны.
Богданъ Хмельныцькый—сотныкъ Чыгырынськый.
Тымошъ—его сынъ.

Козакы, запорожци, поронщыкы, музыка, дивчата.

Дѣется въ корчмы, на граныци запорожськыхъ земель

ДІЯ ДРУГА.

(Кінъ узяля глыбокый узвывъ; по кругахъ его густый лисъ. Оддалекы сыніе Днипро; на другимъ боци мріють очереты. Зъ правого боку блыжче до зрытеливъ корчма; передъ ганкомъ два столы и ослоны; злива корыто, у яке зода джереломъ бье зи свели! по дворыщу розкыдано каминня. Дали ливоручъ въ глыбыни повитки. За корчмою кузня зъ станкомъ до ковкы коней; посередъ дворыща слупъ до прывьязи ихъ. Циле дворыще оточа острокилъ).

Выходъ 1.

(*Лейстрови—Сулыма, Тетеря; Запорожци—Нечай, Крывонось, Чарнота; козакы и посполюдъ; наймычкы*).

(*До пидняття зависы на кону чуты разомъ ризки спивы и гамъ. Лейстрови сыдять за столамы и пьють: коло ныхъ и дивчата вьются. Биднищи козакы й запорожци по дворыщу лежать малевнычо, люлькы курять: де-хто сыдыть, порается, броню спрявля; де-хто спыть*).

Лейстрови (*уже на пидпытку спиваютъ*).

Ой, не шумы, луже, зеленый байраче:
Не плачъ, не журыся, молодый козаче!
Не самъ же я плачу, плачуть кари очи,
Що не спалы зъ лыха ажъ чотыри ночи!

Голый (*спива впоперекъ*).

Ой дурни татары голомози:
Черезъ васъ у мене голи нози...
Якъ я ногы обверну въ солому—
Не втекты одъ мене вамъ никому!

Хымка (*голосуе свое*).

Ой бувъ, та нема,
Та пойихавъ до млына;

Бидна моя головонька
Сама спаты лягла!

Крывоносъ (*затуля іи рота*). Цыть!!
Ой бувъ, та нема,
Пойихавъ на ричку...

Голый (*крычыть*).
Почекайте-жъ бисови татары,
Дайте, тилькы справлю шаравары!

Сулыма. Та цыть, ты кухво обдерта! Слухай лышень якъ козакы добри спивають.

Голый. Начхавъ я! Що вы черевани за паны? Що надилы жупаны? А зась! Я самъ козакъ вильный: ты соби що хочъ спивай, а я—впоперекъ; ты соби спивай, а я—впоперекъ!

Чарнота (*у спидныци сыдыть, щось шые*). А й правда: у кожного горлянка своя и воля своя: твоя значыть горлянка,—ну и репетуй!

Крывоносъ. Та де тамъ, братчыкы, у его своя горлянка взялась? Теперъ наши горлянкы у езуитивъ проклятыхъ та у лядськихъ панивъ, королятъ... пошкварывъ бы ихъ любесенько!.. а винъ свою заставывъ ще Насти шынкарци...

Де-хто. Чи й справди?

Крывоносъ. А гляньте! Сыдыть у рямьи, та ротомъ ганя, чи не всыпле хто туды ледащыци? (*выйшовъ*).

Чарнота. Э, такъ и я буду ротомъ ганять...

Де-хто. Та тоби й слидъ зъ дорогы...

Запорожець (*зъ бандурою до дивчыны*). Выйдешь, чорнобрыва въ садочокъ,—розважыты сичовыка?

2 дивчына. Та вамъ же грихъ зъ намы й балакаты...

Запорожець (*прыгае на бандури*).

Ой, надину кармазына,
Бо въ садочку жде Марына...
Колы й е на серци горе—
Дивчынонька заговоре!
Одъ дуба та до дуба—
Дивчынонько моя люба;

Запорожця не лякайсь,
Та мицнише прыгортайсь!
Козакови тилькы й доли,
Якъ горилкы е доволи,
Та якъ часомъ кароока
Сяде нышкомъ коло бока!

Де-хто. Такъ, такъ! У Роздерырота до кохання охота!

(*Смихъ*)

Козакъ (*ззаду*). Гей вы, дивчата! Устань котора, та оброку дай!

2 дивчына. Иды до коморы: заразъ! (*пишла*).

Запорожець (*зъ бандурою до Чарноты*). Скажы мени, будь ласка, небораче, чого се ты одягъ жиночу спидныцю?

Чарнота. Одъ мылои подарунокъ...

Запорож. А що жъ ты тамъ шыешъ?

Чарнота. Повылазыло хиба? Зшываю посередыни, щобъ штаны выйшлы..

Де-хто. Ну й голова! Отъ пройдысвитъ, палывода!

Запорож. А свои де?

Чарнота. Свои?! (*Свыстыть*) Пропывъ!

Запорож. Оттака ловысь!

Тетеря. Це вже достоменно выйшло, що пропывъ штаны, тай у бокы взявся.

Лейстрови (*зза столу*). Ха, ха, ха!! Та скыньмось хочъ по шагу, та выкупимъ у шынкарькы штаны лыцареви!

Чарнота. Подавится вы, гречкосіи, своимы штанамы: въ мене й безъ вашои ласкы выйшлы штаны, ще й ловки!

(*встае и показуе*) Онъ-то яки!

Вси. Гля, братци! Отъ мудрагель!! (*Регитъ*).

Сулыма. Нехай же винъ, братчыкы, и буде на прозвыще „бабій“.

Вси. Нехай, нехай!!

Чарнота (*Сулыми*). Ты, колы вже наважывся хрещенымъ батькомъ буты, то справляй и хрестыны; частуй, мовлявъ, и кумивъ и хрещеныка!

Сулыма. Гей, шынкарько! шынкарько! Горилкы и меду!

Выходъ 2.

(*Тижъ и Настя*).

Настя (*вбига*). Ачъ, хто гука! Росходывся!

Сулыма. Цупъ сюды суліи та кухли хрестыны справляемо... та и сама не тикай!

Настя. Та я, мій орле, радниша, дакъ колы й туды тягнуть. Ну, вже й молодци юнакы, запорожськи козакы! Просто доторкнуться страшно: такъ и шматують!

Голосъ (*зъ коршмы*). Насте! Насте!

Настя. Заразъ, заразъ! Ну, якъ мене однои на всихъ настачыть! Хочъ розирвысь! Гей, вы, дивчата! Несить сюды меду, и пыва, и оковытои, та глядить мени, щобъ лыцарство не нудылося!

Чарнота. А про насъ, нызовцивъ, и не дбаешъ? Гей ты, Насте шынкова, козача болыголова! Оддай мени заразъ пидстоли и шаблюку!

Настя. Навищо воны бабію?

Вси. Ха, ха, ха, ха!! И ця постерегла!

Сулыма. Та ну годи, не сперечайтесь: це значыть кума... Ну такъ замисть крыжма подавай пидстоли й шаблюку.

Настя. За-для такого кума заразъ! Подайте!

Чарнота. Отъ за це спасыби!

Сулыма (*обнима й крутыть Настю*). Ухъ! Кума! Зведе хочъ кого зъ ума!

Настя (*вырывается*). И самого чорта осидлаю!

Выходъ 4.

(*Тижъ и Крывонось*).

Голосъ (*здалеку*). Пере-во-зу—гей!!

Голосъ (*зъ берегу*). Пожды!! Одпочыну!!

Голосъ (*здалеку*). По-ро-на да-ва-й!!

Голосъ (*зъ берегу*). Не луснешъ!

Крывоносъ (*входыть, набыва люльку*). Не чуете? Адже на тимъ боци гукають! (*Сида, креше вогонь*).

Сулыма. Та розштовхайте хто отыхъ лежнивъ!

Чарнота. А вы пане, чи не протрусылы-бъ сами свого черева, дарма що одпаслы его на нашыхъ, а теперъ бы то на своихъ маетностяхъ?

Сулыма. Маетностяхъ! Пане!? Найшовъ чимъ выбывать очи, лежебока, пьянюга! Мы справунки правымо, землю пораемо, працюемо...

Чарнота. Такъ, такъ... тилькы не своимы рукамы, а сусидськымы... пидневольнымы... на лядський кшталтъ...

Сулыма. То тоби зъ пьяну здается...

Чарнота. Не бійся, ваша мосць, мы одно око зальемо, а другымъ все бачымо: заводыться у насъ и крепацьтво... разомъ зъ шляхетчыною...

Крывоносъ. Одпасуются на панський ладъ! (*Курыть*).

1 лейстров. Звисно, дармойидамъ заздро, то й гавкають.

Чарнота. А щобъ ты цилкомъ опухъ, колы мы дармойиды: а за чіею спыною усимъ вамъ, гречкосіямъ, безпешно сыдиты?

Сулыма. Та даймо... тилькы вы бильше свою волю тишыте...

1 лейстр. Именно: не такъ оборона, якъ полювання на здобычъ...

Сулыма. А черезъ ти наскокы... часто здіймають ще на Вкраину биду... байдуже имъ до неи!

Чарнота. У васъ вся Украина въ кешени! Хиба вы дбаете про неи? Старшына зъ ляхомъ наклада: онъ я вчора звидтиль прыбувъ... Колы бъ вы бачылы, братове, що тамъ коится?

Крывоносъ. Тамъ уже черезъ польську шляхту, та й своихъ перевертнивъ—ажъ стогне поспильство.

Нечай. Не черезъ ляхивъ, а черезъ панивъ: прости ляхы—таки-жъ харпакы... мы бъ зъ нымы жылы й викъ, якъ бы не ти ксендзы, та не дукы...

Крывоносъ. Именно, що вси дуки однымъ мыромъ мазани...

1 Запорож. Одного дидька диты!

2 Запорож. Потурають и ксендзамъ и магнатамъ!

Сулима. А щобъ вы такъ потуралы невири: вамъ бы хотилось усихъ значныхъ выныщыты, а зъ поспильствомъ розбоямы жыты?

Крывоносъ. Зъ поспильствомъ колысь и погуляемо.

1 Запорож. Дорика розбоямы, а чымъ его й жыты, якъ не здобыччю зъ бусурмена!

Нечай. И Богъ веливъ.

1 Лейстров. Часомъ и наймытамы стаете бусурменськымы...

1 Запорож. Становымось, та все проты тіи-жъ невиры, а не проты своихъ...

2 Запорож. А вы наймыты панськи! Позахоплювалы земли, злыгалысь зъ урядомъ...

Крывоносъ. Ще й хызуются, недоляшкы подъяремни, що въ лейстрови влучылы: надбалы соби прывелеивъ, та й дмутся, якъ шкуратъ на вогни!

Сулыма. Надбалы чесно, а въ ярмо шыи не вложылы...

Нечай. А другихъ упхнете? Запысать у лейстрови всихъ, та й уже!

Чарнота. Якъ у око, брате, влипывъ: биды не буде!

Нечай. Пора завесты вильнисть та ривнисть...

1 Запорож. Та скасуваты прымхы значныхъ!

1 Лейстров. Такъ бы то сеймъ и попустыть!

Чарнота (*показуе кулакъ*). У насъ свій сеймъ буде-ось!!

Сулыма. Забулы тилькы другого кулака, надъ собою Кодака?

Нечай. А луснувъ бы ты зъ нымъ!

Крывоносъ. Зрадныкы! За ворогамы радіють!

Сулыма. Мы зрадныкы? До зброи!!

Крывоносъ и Нечай. До зброи! Гыньте! (*Добуваютъ шабли*).

Чарнота (*межъ ныхъ кыдается*). Стійте братци!

Выходъ 5.

(*Тижъ и Настя та козакы й музыкы*).

Настя (*злякано*). Ой, лыцарство! На Бога! Угамуйтесь!
Развалыте ще корчму! Годи чваръ!
Хочъ пошануйте Настю Горовую!
(*Кланяется*) Нечаю мій! Ты якъ вогонь палкый,
Але въ тебе добряче серце... Змылуйсь!
(*До Лейстровыхъ*) Шановніи та славни козакы!
Не ремствуйте: у васъ же сывый розумъ,—
Чи лейстровыкъ, чи братчыкъ—все козакъ,
Все велетень... Тутъ веселытысь треба!

Запорожци. Ага! Теперъ якои завела?

Настя. Я заразъ вамъ вточу и меду й пыва... (*бига мижъ козакивъ, частуе, залыляется*).

Де-хто. Такъ бы й давно!
А все провчыты бъ слидъ!

Выходъ 6.

(*Тижъ и Тетеря*).

Тетеря (*выходыть зъ коримы*). Вгамуйтеся, панове и братове!
Де неладъ е—тамъ сылы вже нема,
А у безсылого одниме коженъ право:
Не въ тому ричъ, щобъ ривни вси булы,
А въ тому ричъ, щобъ добре всимъ жылося,
Адже не вси на неби ривни й зори?

Нечай. Такъ тожъ на неби, а не на земли!

Чарнота. Онъ коится що въ Польши! Гвалтъ, Содома!
Своихъ людей магнатство гне въ рабы:
Одни—паны видъ Бога, други—быдло;
Одынъ—жыруй, а другый бачъ—працюй!

Крывоносъ. Таки жъ и тутъ заводятся звычаи:
Ляшкы-панкы, якъ мыши въ ожередъ
До насъ бижать, ламають наше право..

1 Запорож. А наши пакъ значни не пнутся тежъ
Помазатысь шляхецькымъ мыромъ?
2 Запорож. Вирно!
Тетеря. А де-жъ, панове, хата е безъ сохъ?
Для чого й въ Польши збытъ законъ пидъ ногы,
Бо головы державнои нема,
То й гыне все у гвалти та сваволи:
Безъ головы те жъ буде и у насъ...
Чарнота. А мы жъ на що?
Тетеря. Мы Украини рукы...
Чарнота. А голова-жъ ій хто? Мо! Барабашъ?!
Крывоносъ. Перевертень!
Нечай. Шкарбунъ и зухъ!
Чарнота. Ще й зрадныкъ!
1-й Запорож. Отъ, кошовый нашъ...
Тетеря. Баба, кваша!
2-й Запорож. Ну,
Морозенко...
Тетеря. Ще не твердый розумъ...
Все зъ ойалу... Намъ треба жъ головы
Освитнёи у посполитыхъ справахъ,
Щобъ зналася на шабли й на пери...
Чарнота. Отъ Хмель Богданъ...
Крывоносъ. Нема, якъ винъ!
Нечай. Ляхове
Его боятся, якъ вогню!
Тетеря. Не вси:
Зъ Яремою не зитнется...
Чарнота. Чи й справди?
Тетеря. Побидныкъ винъ на кволыхъ...
Крывоносъ. Не брешы:
Випъ бывъ татаръ та туркивъ... а Ярему
Собаку я визьму на рукы самъ...
Жыття свое заставлю...

ЧАРНОТА. Я Богдана
Самъ добре знаю: эхъ, вояка винъ—
Палкый, стримкый... и знается на пляшци...
НЕЧАЙ. О? Значыть братъ!
ЧАРНОТА. А розумомъ—за вси!
СУЛЫМА. А клопотавсь—не хто, якъ винъ въ Варшави...
ТЕТЕРЯ. За хутора свои та за значныхъ..
НЕЧАЙ. Не може буть!
ЧАРНОТА. Брехня, та ще й велыка,—
Я знаю самъ...
ТЕТЕРЯ. Побачыте колысь!
ЗАПОР. 1-й и 2-й. Перевелось козацьтво...
ХАРПАКЫ. Вже немае
Й заступныка лыбонь намъ...
ТЕТЕРЯ. Ни, браты,
Не згынула козача сыла й слава
И голова ще знайдется; пыльнишъ
Погляньте тутъ... надокола, панове!
Дозвольте ричъ держаты?
КРЫВОНОСЪ. Ну, держы!
ТЕТЕРЯ. На те й стоить братерство наше славне,
Щобъ славою Украину вкрывать;
Колы бъ не мы,—давно бъ вже поглынулы
Украину татаре та ляхы,
Бо покы насъ—ій поты жыть безпешно.
КРЫВОНОСЪ. Гаразды сказавъ.
ДЕ-ХТО. Мовъ зъ кныгы...
ДРУГИ. Голова!
ТЕТЕРЯ. Такъ значыть намъ про Запорожжя й дбаты,
Бо якъ воно на сылахъ упаде,
То й Украина згыне...
ЧАРНОТА. Правда, правда!
ТЕТЕРЯ. Такъ треба жъ намъ чымсь пиджывыть себе?
Безъ здобычи охлялы, пидупалы:
Опарпани, обдерти... ажъ на смихъ
Здіймають вси...

Крывоносъ. Та винъ, прысяйби, дило
Провадыть, бра!
Крывоносъ (*набикъ*). Теперя щось сную...
Пійматы бъ нытку...
Тетеря. Безъ війны, братове,
Де-жъ пожывытысь намъ?
Нечай. Ниде, бо мыръ!
Тетеря. А для чого за моремъ е невира?
Крывоносъ. Щобъ быть, та вчыть! (*Голосъ*).
Лейстровыкы. Не можна зъ туркомъ бытысь.
Запорожци. Чому? Чому?
Сулыма. Ричъ-Посполита..
Крывоносъ. Цыть!
А що намъ Ричъ? Король хиба...
Чарнота. Винъ прагне
И самъ війны...
Лейстровци. Що? якъ?
Запорожци. Та цытьте!
Кривоносъ. Годи!!
Тетеря. Послухайте...
Нечай. Не треба!
Крывоносъ. Розумнишъ
Не скажешъ!
1-й Запорож. Въ Сичъ рушай:
2-й Запорож. И гайда въ море!
Бильшына. Ну й молодець!
Чарнота. Чи-ба, куды загнувъ.

Выходъ 7.

(*Тижъ и Настя*).

Тетеря. Такъ на почынъ-же выпьемо!
Чарнота. Це дило!

(*Настя ввійшла*) Тетеря (*їй*). Настусю, гей! И меду, и вына
Всёго таскай, абы було до-схóчу...
Частуе всихъ Тетеря...
Настя. Ну, та й панъ!
Отъ ходыть якъ, мій сокилъ!
Тетеря (*тыхо Насти*). Прыгадаю
Тоди тебе, колы моя зоря
Розвыднытся... (*До всихъ*). Гей, друзякы, до гурту!
Геть нà-бикъ сварки та берить ковши!
Вси. Правдыва ричъ! Бувай здоровъ, козаче!
Тетеря. За славоньку и за здоровья всихъ!
Нечай. За виру першъ!
Крывоносъ. И на загынь невири!
Вси. За благочестя!
Чарнота. Такъ, теперъ писѐнь,
Щобъ ажъ земля двыгтила!
Вси. Шкварь, бандуро!

Гуртъ спильный (*спива*).

Ой, бре, море бре!
Хвылонька реве,
И реве, и грае,
Чаечку гойдае!
Розженысь весло,
Хвылю бый на скло:
Онъ байдакъ лыліе—
Серденько радіе!
Геть плыве другый...
Гыньте ворогы!
Люлька гасне въ роти—
Заразъ буть роботи!

Настя. Охъ, козакы, орлы мои! Усихъ
Якъ бы змогла, я бъ прыгорнула разомъ!
Давайте й я ще писню вамъ утну...

Вси. Гараздъ, гараздъ! А ну, пиддай лышъ палу!

Настя (*спива*). Спать мени не хочется
И сонъ мене не бере,

Що никому прыгорнуты
Молодую мене.
Нехай той мене голубыть,
Котрый щыро мене любыть,
Нехай той мене займае,
Хто кохання въ серци мае...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто кохання въ серци мае!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто кохання въ серци мае!

Настя. Изъ-пидъ хмызу на пичъ лизу,
Ажъ луна по хати йде,
А мій мылый, чорнобрывый
И на печи,—то знайде;
Я на пичъ, а винъ за мною,
А я вкрылась зъ головою:
Видчепыся,—ты хочь гарный,
Цилуваты незугарный...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Настя. Я-жъ въ мори купалася,
Я-жъ биды набралася,
Я-жъ море перебреду—
Яка була, така й буду!
Бисъ биду перебуде,—
Одна пройде, друга буде:
Якъ улизло въ хвиртку лыхо,—
Не зачынють ии люде...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынють ии люде!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынютъ ии люде!

Крывоносъ. Ну й каторжна, якъ роспалыла кровъ...
Музыкъ сюды!

Тетеря. Настусю! Пидкивкамы!

Нечай (*бере бандуру. Трояста музыка выходыть*).
Якъ бы такы або сякъ, або такъ...

Гуртъ. Якъ бы такы запорожськый козакъ!

Дивчата. Якъ бы такы молодый, молодый—
Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ!
Настя. Страхъ мени не хочется,
Зъ старымъ дидомъ морочыться!
Вси. Якъ бы такы або сякъ, або такъ,
Якъ бы такы запорожськый козакъ:
Якъ бы такы молодый, молодый—
Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ!

(Музыка пидхоплюе. Выступа до танцивъ першъ Настя, за нею запорожець, дали килька паръ. Потимъ танцюютъ сами запорожци и на решти знову Настя и вси).

Выходъ 8.

(Тыжъ и Богунъ, верхы переплывшы Днипро).

Богунъ. Здорови, гей!
Вси. Богунъ! Богунъ!
Богунъ. Винъ самый.
Нечай. Видкиль узявсь?
Богунъ. Прямисенько зъ Днипра.
Чарнота. Дывится, бра: винъ верхы переплынувъ!
Богунъ. Въ васъ диждешся поронщыкивъ...
Тетеря. Въ шынкахъ
Долежують:
Крывоносъ. Ну й велетень!
Сулыма. Скаженый!
1-й Запорож. Палывода!
Тетеря На фыгли молодець!
Начай. Отъ зъ кымъ иты на турка!
Други. Правда, правда!
Вси. Орелъ козакъ! И въ пекло проведе!
(Оточають Богуна, здороваются).
Чарнота. Звивъ дутеля! (*Тыхо, глянувшы на Тетерю).*
Тетря (*на бикъ*). Звиряйсь юрби! За хвылю
Хто бувъ божкомъ—пидъ лавою лежыть,

А другый вже на покути: имъ треба
Новыхъ цяцёкъ, якъ блазню-хлопчаку,
Або кійка, якъ на дурну отару!

Богунъ. Та стійте бо, хочъ чарку пиднесить!

Сулыма. Шынкарко сыпъ!

Чарнота (*пидставля й свій ковшъ*). По купели до смаку...

Настя. Отъ лыцарь нашъ, сичовыкивъ краса!
Такому пиднесты за щастя! (*Додае ковшъ*).

Богунъ (*бере*). Годи!
(*До гурту*) Здорови будьмо!

Вси. Ный здоровъ!

Богунъ (*пье и переверта*). За всихъ!

Вси. Спасыби! Ну теперъ веды на море!

Богунъ. Куды? Чого?

Нечай. Провитрыться пора,
Та полататысь чымъ-не-чымъ...

Запорожци. Охъ, треба!

Богунъ. Панове, ни! Не та теперъ пора
И не до часу намъ лыцарськи жарты:
Теперъ склыка Украина сынивъ
И доруча свою намъ долю матиръ.

Де-хто. Якъ такъ? Чого?

Други. Хиба тамъ сылъ дасть-би?

Тетеря. Намъ же нихто не помага...

Богунъ. Братове!
Хто матери цуратыся здола?
И безъ того давно вона, вдовыця,
У чумакивъ, якъ наймычка жыла...
А отъ теперъ женуть іи вже зъ хаты,
Пожарамы освичуючы шляхъ...

Де-хто. Не може буть!

Други. Такого ще й не чуто!

Богунъ. Всимъ треба стать намъ, други, якъ одынъ!

Тетеря. За себе всякъ...

Богунъ. Такъ? За свои кешени?
За спокій свій? Простолюду-жъ слёза

Вамъ за нивець? Черезъ кого Трясыло,
Тарасъ, Павлюкъ и Гуня поляглы?
Черезъ своихъ: не всталы зъ нымы разомъ,—
И воякамъ за волю, за свій край—
Прыйшлось самимъ изъ жменею завзятцивъ
Боротыся супроты ворогивъ!

КРЫВОНОСЪ. То правда...

ЧАРНОТА. Охъ, та ще й яка!

СУЛЫМА. Такъ що-жъ пакъ?
Стоялы мы за Посполиту-Ричъ:
Ляхы жъ свои...

БОГУНЪ. Якъ соромъ ваши очи
Не вытягне з-пидъ лоба? Мало ще
Тыхъ шулякивъ, що ныщутъ нашу виру,
Що шарпають вси земли, той своимъ
Ще потурать въ смертельный часъ...

ВСИ. Що кажешъ?

КРЫВОНОСЪ. Ты не лякай, а толкомъ роскажы!

ВСИ. Мерщій, мерщій!

БОГУНЪ. Я тилькы есть предтека:
Онъ йиде той, що вамъ оповистыть!

ВЫХИДЪ 9.

(Тижъ и Богданъ зъ козакамы).

БОГДАНЪ. Козачеству, преславному лыцарству,
Украина бье до земли чоломъ:
Вона теперъ, не мовъ пидбыта чайка,
До матери на лоно прыпада...

ДЕ-ХТО. Хмель-батько тутъ!

КРЫВОНОСЪ. Здоровый бувъ, Богдане!

ДРУГИ. Що скоилось? Яке зновъ лыхо тамъ?

БОГДАНЪ. Старе, браты, й поновлене..

НЕЧАЙ. Що жъ сталось?

БОГДАНЪ. Козачество! Дозвольте ричъ держать!

Вси. Держы, держы: мы слухать тебе ради!
Богданъ. Вже десять литъ въ неволи мы цилкомъ
И Масливъ Ставъ похоронывъ права намъ...
Зъ того часу насъ ворогъ опряга
Й затягуе ярмо на наши шыи,—
А отъ теперъ таке въ насъ завелось,
Якого зроду вы есте не чулы:
Потоптани останнiи права,
Зганеблена святая наша вира....
Вси. За виру—смерть!
Богданъ. Iезуитъ розвивъ
Тамъ унiю до гвалту, до розбою:
Грабують скризь у благочесныхъ все,
Межуе ляхъ громадськи наши земли,
Суда нема, скасовано законъ,
Гвалтуе панъ, паскудыть наши семьи...
Вси. Не може буть, щобъ смилы?
Богданъ. Але такъ!
Крывон. А вы-жъ чому безправью потуралы?
Побабылысь? Звелыся на тхоривъ?
Чы пощербылася козацькая крывуля?
Богданъ. Я скаржывся и сейму й королю:
На скаргы ти сеймъ реготомъ одмовывъ...
Тетеря. А ясный круль?
Богданъ. Ось що мени сказавъ:
„Я вамъ надавъ ще бильше прывелеивъ
И доручывъ Барабашу“. Воны
Ось-де! (*Показуе*) Тутъ певне наше право
На волю, виру, землю, вiйсько й ладъ!
Тетеря. Такъ и гараздъ!
Богданъ. Эхъ, тилькы на папери!
Тому й дававъ мени яснiйшый круль:
„Безсылый я скрепыть свои законы;
Колы цей сеймъ знищае вамъ права,
То маете-жъ шаблюкы и рушныци?“.

Богунъ. Такъ, маемо! И Богомъ я клянусь,
Що мы дамо чортячу имъ роботу!
Гей, козаки—Лейстрови й Нызовци!
Пидъ ногы геть топчимо хатни чвары,
На ирода вси станьмо, якъ одынъ,
Щобъ сатана ажъ затрусывся въ пекли!

Вси. Такъ, брате, такъ! До бою вси!!

Богданъ. Я знавъ,
Що Нызовци протягнуть зрану руку..
Спасыби вамъ! Я клыкачивъ пославъ
По хуторахъ и селахъ... Всюды стогинъ
И гвалтъ стоить одъ лядського ярма...

Чарнота. Рушаймо, гей!!

Богданъ. Тра помочи...

Богунъ. Мы й самы!

Богданъ. Изъ спильныкомъ певнище: Крымъ пійде—
Я зъ Тугай-Беемъ прыятель...

Де-хто. Зъ невирнымъ?
Зъ поганыномъ?

Други. И виру бороныть!...

Тетеря. Чудне немовъ...

Де-хто. Та й грихъ!

Чарнота. Гай-гай, та й годи!
Чи татарва жъ зачепыть що святе?
Поможе намъ зигнуть магната-ката,
Що гиршъ невиръ... а тамъ—паны вже мы!

Богданъ. Тра знищыть въ пень... а Польща вельмы дужа...

Богунъ. А якъ бы вси повсталы?

Богданъ. Все певнишъ
Изъ спильныкомъ...

Крывоносъ. Та хочъ зъ рогатымъ чортомъ,
Абы лышь быть ляхивъ-панивъ!

Вси. Такъ, такъ!!

Богунъ. Ну, такъ хутчій, бо вже сверблять и рукы!

Богданъ. Сегодни въ Сичъ, а завтра въ Крымъ...
Сулыма. А мы
Вшыкуемось...
Настя. Козацтву до послугы
Мое добро: все на церквы даю!
Запорож. 1-й. Ну—й Настя, га?!
Запорож. 2-й. Сестра, сестра козача!
Дивчата. Визьмить и въ насъ вси дукачи й перстни!
Богунъ. Отъ и жартуй зъ дивчатамы! Та я
Готовый на ворога ударыть!
Одни. Та ще зъ такымъ отъ батькомъ на чоли!
Други. Не згыне Русь!
Вси. Богданъ ій звелычыть!
Тетеря. Пры сонци вразъ погаслы зори вси,
А мисяць князь ще зможе посвитыты
Позыченымъ хочъ свитомъ (*Богдану*). Батьку мій!
Бувай здоровъ и хваленъ во вся вики!
Богданъ (*обнима*). А, пане брате, любый, якъ жывешъ?
Тетеря. Учусь, служу козачій правди серцемъ—
И до земли я кланяюся ій (*кланяется ему*).

Выходъ 10.

(*Тижъ и Тымко въ човни*).

Тымко. Насылу встыгъ... Нещастя, горе, батьку!
Я третёго загнавъ уже коня,
Летючы въ слидъ.
Боданъ. Що скоилось, мій сыну?
Тымко. На димъ новый Чаплинськый наскакавъ,
Все зруйнувавъ, спалывъ, добро пограбывъ,
Елену взявъ, а братикъ мій Андрій
Пидъ канчукамы вмеръ..
Богданъ. Небесни Сылы!
Дежъ правосуддя, Боже правый, де?
Невже въ тебе святого гниву мало,

Щобъ блыскавыцямы напаснукивъ побыть?
Невже ще плачъ и стогинъ твого люду
Не долетивъ до янгольскыхъ осель?
За що, про що замучено дытыну.
Потоптано уси людськи права?

КРЫВОНОСЪ. На пали ихъ!

ВСИ. На мукы, на погыбель!

ТЕТЕРЯ. Хай насъ веде на ворога Богданъ!

НЕЧАЙ. Такъ, братци,—це й нащырше наше серце:
Славутою воно повнишъ за вси!

ЧАРНОТА. Винъ, якъ орелъ, на шулякивъ ударыть:

ВСИ. Богданъ Хмельныцькый гетьманъ нашъ! Хвала!!

БОГУНЪ. О, загремтыть теперъ вся чорна крывда,
Охрестыться земля въ ii крови!

БОГДАНЪ. Спасыби вамъ, товарыши-браты,
За шану цю! (*Кланяется*)
Росте и крипне сыла:
Я пидниму бунчукъ за ридный людъ,
И все жыве повстане скризь за мною,
Пиднимется, якъ хвыля нависна,—
И ворогивъ напаснукивъ потопыть...
До помсты жъ, гей!

ВСИ (*добувають шабли*). За виру, за нашъ край!

(*Зависа*).

М. П. Старицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Въ современной намъ сословной организаціи лѣвобережной Украины наблюдается одна характерная особенность, сравнительно съ прочими частями обширной территоріи разселенія малорусскаго племени, являющаяся какъ бы нѣкоторымъ архаизмомъ. Среди массы сельскаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, главный элементъ котораго составляютъ крестьяне, выдѣляется немногочисленная сословная группа, такъ называемыхъ, малороссійскихъ козаковъ.

По своему семейному и общественному быту козаки ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ—входятъ въ составъ аналогичныхъ съ крестьянскими козачьихъ сельскихъ обществъ, управляются по однимъ и тѣмъ-же законамъ о сельскомъ состояніи и, живя въ перемежку съ крестьянами, постоянно вступаютъ съ ними въ родственныя связи, обращая такимъ образомъ козачекъ въ крестьянокъ и наоборотъ.

Козаки разселены далеко неравномѣрно на пространствѣ малороссійскихъ губерній—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гуще, цѣлыми селами, въ другихъ мѣстахъ рѣже, хуторами, или входя даже въ небольшомъ количествѣ въ составъ бывшихъ владѣльческихъ поселеній. Не пользуясь никакими особенными правами и привилегіями, а равно не неся какихъ-либо особенныхъ обязанностей, они различаются отъ крестьянъ больше лишь по одному названію. Впрочемъ, если ближе присмотрѣться къ жизни и даже внѣшнему облику болѣе типичныхъ представителей этого сословія, то нельзя не замѣтить, что они болѣе другихъ сословій

удержали характерныя этнографическія особенности малорусскаго племени, сохранивши ихъ втеченіе всей мрачной эпохи крѣпостного права.

Прошлая судьба этой небольшой сословной единицы, мирно занимающейся теперь земледѣліемъ и прочими сельскими промыслами, очень отличается отъ современнаго ея состоянія.

Безсмертный пѣвецъ Украины въ своемъ стихотвореніи „Иванъ Пидкова“ художественно отмѣчаетъ эту разницу въ бытѣ стараго козачества, пановавшаго, добывавшаго „и славу, и волю“, и его потомства, проводящаго жизнь въ обычныхъ занятіяхъ пахаря, несущаго „косу въ росу“ на обширныхъ степяхъ Украины, украшаемыхъ тамъ и сямъ разбросанными высокими курганами, свидѣтелями иной жизни предковъ.

Малороссійскіе козаки окончательно выдѣлились въ отдѣльную сословную единицу по воспослѣдованіи указа 3 мая 1783 г., запретившаго малороссійскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто и окончательно закрѣпостившаго такимъ образомъ бывшихъ посполитыхъ за панами, преимущественно изъ козацкой старшины, и по обнародованіи въ 1785 г. жалованной грамоты дворянству, въ силу которой разбогатѣвшіе и уже давно претендовавшіе на шляхетскія права представители козацкой старшины вошли въ составъ россійскаго дворянства. Сословіе малороссійскихъ козаковъ, получившее одно самое главное, въ высшей степени дорогое по тѣмъ временамъ право, право личной свободы, образовалось изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые сумѣли какимъ либо образомъ доказать свое происхожденіе отъ реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ наивысшая норма этихъ послѣднихъ, именно въ эпоху Богдана Хмельницкаго, была 60000 человѣкъ, то поэтому можно судить, насколько немногочисленна была эта сословная группа. Едва ли можно ошибиться, если посчитать ее къ началу XIX вѣка приблизительно въ полмилліона душъ обоего пола, какъ опредѣляетъ ее, какъ увидимъ ниже, нѣсколько позже извѣстный малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ.

Можно думать, что связь между реестровыми и позднѣйшими, такъ называемыми, малороссійскими козаками не основывалась на точныхъ генеалогическихъ данныхъ, чего, конечно, и не требовала въ большинствѣ случаевъ тогдашняя администрація края, вѣдавшая дѣла о козачествѣ и стремившаяся возможно болѣе съузить рамки этого сословія, въ общемъ была лишь преемственность, удостовѣряемая въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, претендовавшихъ на званіе козака, сохраненіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ правъ и привилегій и преданностью завѣтнымъ традиціямъ стараго вольнолюбиваго козачества эпохи Богдана Хмельницкаго.

Въ высокой степени интересная исторія малороссійскихъ козаковъ, полная глубокаго драматизма, не останавливала почему-то спеціальнаго вниманія изслѣдователей,—ее касались лишь мимоходомъ, и потому по настоящее время она мало изучена.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся выяснить нѣкоторыя страницы изъ этой исторіи, главнымъ образомъ на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи неизданнаго до сихъ поръ рукописнаго матеріала, извлеченнаго преимущественно изъ яготинскаго архива князей Репниныхъ, именно—въ отношеніи того, какъ правительство, вскорѣ по возсоединеніи Украины, съ одной стороны, старалось разсѣять по возможности даже самыя мечты козаковъ о возстановленіи ихъ первоначальныхъ вольностей, съ другой стороны, стремилось къ тому, чтобы, принимая во вниманіе ихъ воинскій духъ, извлечь изъ нихъ пользу для военныхъ надобностей, въ качествѣ иррегулярнаго войска.

I.

Возвышеніе козачества въ эпоху Богдана Хмельницкаго.—Реестровые козаки.—Неразграниченность сословій.—Выдѣленіе козачьей старшины.—Невольные и вольные переходы козаковъ въ посполитые.—Противодѣйствіе этому со стороны правительства, въ видахъ сохраненія козачества, какъ иррегулярнаго войска.

Въ эпоху Богдана Хмельницкаго привилегированнымъ сословіемъ въ лѣвобережной Украинѣ сдѣлалось козачество, спо-

движники „козацького батька“ [1]), отстаивавшіе свою вѣру, народность и экономическую независимость демократической Украины отъ иновѣрной, инородной, аристократической Польши. Старой шляхты, состоявшей, по мнѣнію извѣстнаго знатока старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго [2]), преимущественно изъ польскихъ пановъ, нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра въ началѣ XVII вѣка, и отчасти, изъ мѣстной аристократіи, образовавшейся въ то время, когда сѣверная часть Малороссіи принадлежала Москвѣ (1500—1638 г. г.), осталось мало. Новѣйшій изслѣдователь прошлыхъ судебъ малороссійскаго шляхетства Д. П. Миллеръ [3]) такъ описываетъ тогдашнее положеніе недавно всевластныхъ „пановъ“.

„Королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссесоры и офиціалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654 годъ засталъ на лѣвобережьи всего на всего триста представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Вскорѣ уцѣлѣвшая шляхта, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошла въ составъ козачества и быстро растворилась въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацького батька“ о ней, какъ объ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу“.

Современное Богдану Хмельницкому козачество, хорошо помня, что первая искра народнаго возстанія, разросшаяся вскорѣ въ грандіозное зарево, охватившее всю Украину, вспыхнула впервые на Запорожьи, гордилось этой связью съ славнымъ сѣчевымъ „товариствомъ“ и, считая Сѣчь, какъ бы *матерью*, стало именовать себя *товариствомъ войска запорожскаго.*

Въ 1654 году козаки, вѣроятно, наиболѣе отличившіеся своими боевыми заслугами, вошли въ число тѣхъ шестидесяти тысячъ избранниковъ, которые составили „войско запорожское“, согласно „статьямъ постановленнымъ въ Москвѣ съ посланцами

[1]) Д. И. Багалѣй. „Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII вѣк.“, „Кіевская Старина“, т. VII, стр. 569—571, 1883 г.

[2]) Записки черниг. статистич. комитета. Кн. I. 1866. Стр. 5. Сравн. Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.“, Д. И. Багалѣя, „Кіев. Стар.“ т. VII, стр. 561 сл. 1883 г.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1897 г. Т. LVI, стр. 2.

гетмана Богдана Хмельницкаго", утвержденнымъ грамотой царя Алексѣя Михайловича отъ 27 марта 1654 г., въ которой между прочимъ сказано: „а число войска запорожскаго указали сами, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60000, всегда полное". Право избранія этихъ счастливцевъ, согласно тѣхъ же статей, было предоставлено самимъ козакамъ, т. е. преимущественно, конечно, козацкой старшинѣ, въ п. 15 статей сказано: „прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности ихъ не было, всегда они всякаго чина свои вольности имѣли и для того они вѣрно служили, а нынѣ, за поступленіе на вольности наши, поддалися царскаго величества подъ высокую руку" и просятъ дать грамоту, „а когда получатъ, то *они сами между собою учинятъ*, и кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать" [1]).

Эпоха Богдана Хмельницкаго хотя измѣнила политическій строй лѣвобережной Украины, но мало видоизмѣнила сословныя отношенія—измѣнились больше названія, но не сущность отношеній. Украинскій народъ, стремившійся къ уничтоженію всѣхъ сословныхъ отличій и установленію полной равноправности, очень ошибся въ своихъ расчетахъ. Съ выдѣленіемъ козачества изъ общей массы народа, „пашенные крестьяне", *посполитые*, остались въ прежнемъ служебномъ „подданническомъ" положеніи и перемѣнили лишь господъ, такъ какъ, съ изгнаніемъ польскихъ пановъ, право послѣднихъ на поземельную собственность перешло къ „войску", и гетманъ, будучи представителемъ послѣдняго, могъ раздавать войсковую землю монастырямъ, прежнимъ крупнымъ владѣльцамъ, приставшимъ къ нему во время войнъ съ Польшей, козацкой старшинѣ и рядовому товариству, за ихъ „войсковую" службу. Съ нарожденіемъ вновь крупнаго землевладѣнія, посполитые, жившіе на выдѣляемой въ частную собствен-

---

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Хар. 1882. Стр 162, 164, 165. Сравни—Бантышъ Каменскій. Исторія Малой Россіи. Ч. I. М. 1882 Стр. 117, Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. С.-Петерб. 1884. Т III, стран. 142, 143, 144, 149, 151.

ность землѣ, становились въ обязательныя отношенія къ отдѣльнымъ его представителямъ [1]).

Но не одни только посполитые очутились въ зависимомъ состояніи. Шестьдесятъ тысячъ *списковыхъ*, *реестровыхъ* или *выборныхъ* козаковъ далеко, конечно, не соотвѣтствовали всему количеству лицъ, которыя по своимъ воинскимъ заслугамъ могли бы претендовать на внесеніе въ списокъ, и все это козачество, оставшееся, такъ сказать, за бортомъ, утрачивало постепенно ясное представленіе о своихъ сословныхъ преимуществахъ и сливалось съ посполствомъ, и только нѣкоторые охотой шли въ такъ называемые охочекомонные полки, вольную конницу, вербовавшуюся изъ охотниковъ, безъ различія званія и состоянія.

Правда, на первыхъ порахъ строгой обособленности сословій не было, а потому не только посполитые, но даже многіе козаки не могли особенно увлекаться преимуществами этого званія: оно не давало какихъ либо особенныхъ правъ, а между тѣмъ налагало извѣстнаго рода обязанности, и потому очень часто даже реестровые козаки оставляли свое сословіе и переходили въ посполитые, предпочитая „поддайническій“ бытъ воинской службѣ. Исполненіе обязанностей козака требовало значительныхъ расходовъ, что хорошо понимали и козаки, и посполитые, и потому *можньйшіе писались въ козаки, а подлъйшіе оставались въ мужикахъ* [2]). По свидѣтельству позднѣйшаго современника малороссійскаго козачества, А. Ф. Шафонскаго [3]), „неограниченное всѣхъ званій состояніе, малороссійскою вольностью называемое, по которой всякъ то дѣлалъ, что хотѣлъ, и которая по самымъ польскимъ законамъ, въ Малой Россіи донынѣ употребляемымъ, не позволена, до того доходило, что крестьянинъ, женясь на козацкой дочери или женѣ и получа и купя козацкую землю, дѣлался козакомъ, а козакъ, убѣгая службы, мужикомъ“. Видно, что эта „служба“ въ эпоху умиротворенія послѣ Мазепы, преимущественно въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка,

[1]) Лазаревскій, l. c. стр. 14, 15 сл. Багалѣй, e. c. стр. 571.

[2]) Ib. стр. 6, 11.

[3]) Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества. Кіевъ. 1851 г. стран. 65.

когда воинскій пылъ поулегся, казалась козачеству очень обременительной, что они готовы были мѣнять свое привилегированное положеніе на „послушенство“ посполитыхъ. Чтобы нѣсколько облегчить себя, козаки раздѣлились въ это время на двѣ категоріи—козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ. Шафонскій такъ опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія: „козаки выборные назывались тѣ, которые къ полевой и заграничной службѣ съ лошадью, мундиромъ, ружьемъ и пикою и всею верхнею и нижнею амуниціею должны быть на готовѣ. Достаточные изъ нихъ сами себя во всемъ должны были содержать, а когда такихъ не доставало, то должны другіе, остающіеся въ своихъ домахъ, имъ во всемъ дѣлать помощь, такъ что иногда два, три и больше дворовъ снаряжали одного козака, и сіи то назывались подпомощники. Наполненіе выборныхъ козаковъ или изъ самихъ ихъ, или изъ подпомощниковъ дѣлалось такъ, что иногда выборные, неспособные, какъ тѣломъ, такъ и достаткомъ, переходили въ подпомощники, а сіи въ выборные. Число обоихъ неравное въ сотняхъ было, а зависѣло отъ числа принадлежащихъ къ сотнѣ селеній такъ, что въ сотнѣ выборныхъ сто, двѣсти и болѣе, а подпомощниковъ до тысячи и гораздо болѣе человѣкъ. Первые считались поголовьями, а послѣдніе хатами, или подымьями, то есть семьями“.

Въ виду неразграниченности сословныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ и постоянныхъ переходовъ изъ одного сословія въ другое, трудно прослѣдить измѣненія числа козаковъ, хотя бы и всѣ списки, реестры, или, такъ называемые, компуты, замѣнившіеся съ 1723 г. ревизскими книгами[1]), дошли до насъ и были изданы, чего далеко нѣтъ. Можно видѣть лишь измѣненія, такъ сказать, оффиціальной численности реестровыхъ козаковъ изъ гетманскихъ „статей“.

Гетманъ Виговскій въ договорѣ, заключенномъ 6 сентября 1658 года подъ Гадячемъ съ польскими коммисарами Станиславомъ Беньевскимъ и Казимиромъ Заблажевскимъ, выговорилъ,

---

[1]) Лазаревскій, l. c. стр. 7.—Д. И. Багалѣй—„Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413 сл. 1883 г.

чтобы реестровыхъ козаковъ было тридцать тысячъ [1]); въ Батуринскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., число реестровыхъ козаковъ опредѣлялось въ шестьдесятъ тысячъ [2]); согласно Глуховскихъ статей 1669 года съ Многогрѣшнымъ, реестровыхъ козаковъ числилось тридцать тысячъ [3]). Въ Переяславскихъ статьяхъ Самойловича число реестровыхъ козаковъ показано въ двадцать тысячъ человѣкъ [4]); въ Коломацкихъ статьяхъ Мазепы реестровыхъ козаковъ показано опять тридцать тысячъ [5]); наконецъ, въ просительныхъ статьяхъ гетмана Скоропадскаго къ императору Петру I уже не упоминается число реестровыхъ козаковъ, а говорится только, что они были малочисленны: „Малую Россію, чрезъ тринадцать годъ, од станцій и переходовъ войскъ армейскихъ въ люде и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволи Ваше Императорское Величество, по своемъ высокомъ милосердію, ради всемирной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми малороссіянами рабски молю; ибо такъ *козаки*, яко и посполитые, *остались малочисленны*, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити, и по званію своему Вашему Величеству служити, якъ и нынѣ подъ Ладогу и до Царицына двадцать тысячей козаковъ зъ Малой Россіи вышло, а домы ихъ отъ кормленія драгунъ не свободны суть“ [6]). Изъ этой выдержки изъ статей видны и причины уменьшенія численности козаковъ.

Конечно, вышеприведеннымъ числамъ нельзя придавать большого значенія. Эти числа показываютъ прежде всего количество козаковъ, которые должны были находиться постоянно подъ оружіемъ, отбывающихъ, такъ сказать, воинскую повинность, а не все количество козаковъ, какъ сословія. Кромѣ того, такъ какъ составленіе реестровъ предоставлялось на усмотрѣніе козацкой старшинѣ, то опредѣленіе числа реестровиковъ зависѣло

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, l. c. Ч. I, стр. 134.
[2]) Ib. ч. II, стр. 189.
[3]) Ib. ч. II, стр. 249.
[4]) Ib. ч. II, стр. 296.
[5]) Ib. ч. III, стр. 144.
[6]) Ib. ч. IV, стр. 243 сл.

совершенно отъ ея воззрѣній въ данный моментъ, что было почему либо выгоднѣе—показать большее или меньшее количество; равно отъ нея зависѣло же и опредѣленіе ихъ состава, писать ли въ реестръ тѣхъ, „которые старые козаки и многую службу служили“, или если „чего старыхъ козаковъ въ полкахъ въ тридцати тысячахъ недостанетъ“, какъ говорится въ статьяхъ гетмана Многогрѣшнаго, то „въ то число принимать въ козаки мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей“, съ оговоркой впрочемъ, чтобы „въ реестръ въ козаки не писать и не принимать“ [1]) монастырскихъ посполитыхъ, такъ какъ монастыри еще со временъ Богдана Хмельницкаго настойчиво отстаивали свое право на ихъ „послушенство“: въ универсалѣ своемъ Густынскому монастырю отъ 2 іюля 1648 года Хмельницкій говоритъ—„(господинове отцеве монастыра общежителного Густинскаго) просили насъ, абы зъ ихъ грунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не пріймовали“ [2]). По словамъ Шафонскаго, „многіе сотники“ даже нарочно, „поддабриваясь своимъ козакамъ, вписывали мужиковъ въ козаки, дабы тѣмъ умножить свою власть“ [3]). „Старые“ козаки часто отказывались, какъ мы видѣли выше, отъ внесенія въ компуты въ силу экономическихъ соображеній, обольщаясь, быть можетъ, отчасти добрыми отношеніями, существовавшими на первыхъ порахъ между новыми господами и ихъ „подданными“, но потомъ имъ, а въ особенности ихъ потомству, пришлось горько раскаиваться въ ихъ близорукости.

По мѣрѣ того, какъ испарялся подъемъ національнаго самосознанія, сплачивавшій и уравнивавшій представителей всѣхъ сословій въ единодушномъ отстаиваньи религіозныхъ и національныхъ, одинаково дорогихъ каждому украинцу, безъ различія званія и состоянія, интересовъ, все болѣе оживали дореволюціонные порядки, для уничтоженія которыхъ было пролито столько крови. Изъ среды самого реестроваго козачества все болѣе выдѣлялась въ особенную группу козацкая старшина, воспринимавшая постепенно взгляды и стремленія старой шляхты; она пред-

[1]) Іb. ч. IV, стр. 252.
[2]) Лазаревскій, l. c. стр. 6 сл.
[3]) Шафонскій, l. c., стр. 65.

ставляла, хотя меньшую по количеству, но за то богатѣйшую часть козачества, щедро надѣленную за „войсковыя заслуги“ маетностями, по силѣ гетманскихъ и полковничьихъ универсаловъ, и называлась иначе *значнымъ* или *знатнымъ* козачествомъ; бѣднѣйшая часть козачества составила другую болѣе многочисленную группу, такъ называемаго, *рядоваго* козачества.

По мнѣнію Д. П. Миллера, „мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники явились замѣстителями шляхты, присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества и получивъ, наконецъ, юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства“. „Впрочемъ терминъ „шляхетство“—говоритъ тотъ же изслѣдователь—вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины, внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту [1]).

Чѣмъ болѣе проникались представители козацкой старшины аристократическими тенденціями тѣмъ болѣе, развивались у нихъ хищническіе инстинкты. Хорошо помня о громадныхъ земельныхъ богатствахъ, находившихся въ распоряженіи старой шляхты, права на владѣніе которыми были „уничтожены козацкой саблей“ [2]), они стремились сравняться съ нею въ этомъ.

Разнообразны были способы обогащенія, но ихъ основными чертами были полный произволъ и насиліе. П. А. Кулишъ, въ своемъ предисловіи къ запискѣ извѣстнаго Теплова, такъ обрисовываетъ эту печальной памяти дѣятельность малороссійской козачьей старшины:

„Разсказъ Теплова о томъ, какъ малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ гетманщинѣ, присваивали себѣ обманомъ и насиліемъ козачьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ „Матеріаловъ для отечественной исторіи“, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ гетманы наши,

---

[1]) „Кіев. Стар.“. 1897 г. Т. LVI, стр. 5.

[2]) Лазаревскій, l. c. стр. 5.

пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ старшинъ, набрали себѣ „на булаву“ земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, „верхолазныя бортни“, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ... Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали „неспокойными и ненавидящими добра людей“ [1]).

Что не возбуждало аппетита „великихъ пановъ“, генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, какъ-то „гайки, нивки, млинки“, то систематически подбирала сотенная старшина, формируя такимъ образомъ среднее землевладѣніе и кладя этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, большинства малороссійскаго дворянства [2]).

Въ настоящее время обнародовано не мало документовъ и появилось значительное количество изслѣдованій по исторіи старшинскаго, позднѣе шляхетскаго землевладѣнія, но мы не будемъ касаться здѣсь этого вопроса подробнѣе, такъ какъ онъ не входитъ въ рамки настоящаго изслѣдованія. Для насъ важно одно общее положеніе, которое можно вывести изъ всей массы этого матеріала: малороссійская козачья старшина очень хорошо понимала, что недостаточно скопленія въ ея рукахъ обширныхъ земельныхъ богатствъ, что для извлеченія изъ нихъ доходовъ необхо-

[1]) Записки о Южной Руси. Т. II. Спб. 1857. стр. 173. Срав. „Матеріалы для отечественной исторіи“, М. Судіенка. Т. I. Кіевъ. 1855. стр. 23 сл.: „писанъ листъ болшій до Его Императорскаго Величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію пунктами: 10. О неспособныхъ и ненавидящихъ добра людяхъ малороссійскихъ, которіе ябеднически мимо гетмана будутъ удаватися съ жалобами своими до Его Императорскаго Величества“.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 120.

димо привлекать возможно больше даровой рабочей силы, отсюда стремленіе путемъ всякаго рода экономическихъ притѣсненій закабалять посполитыхъ, и не только этихъ послѣднихъ, но и своихъ недавнихъ боевыхъ товарищей, рядовыхъ козаковъ. Тепловъ въ своей „запискѣ“ такъ описываетъ обычный порядокъ, какъ вольные козаки попадали въ „подданство“ къ старшинѣ: „...козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ“ [1]). И. В. Теличенко, авторъ изслѣдованія „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи“, опредѣляя по наказамъ взгляды и стремленія малороссійскихъ козаковъ въ эту эпоху, такъ обрисовываетъ способы обращенія козаковъ въ посполитые: „происходитъ это, по описанію (черниговскаго) наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ

[1]) Кулишъ, l. c. стр. 192.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и сымихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“ [1]).

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ“ [2]).

Ограждать козачьи земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ посполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“ [3]) приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 240.

[2]) Д. И. Багалѣй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

[3]) Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целярія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Мироновича явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“ [1]) говоритъ: „такъ какъ козачья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильнаго... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещавшаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“ [2]).

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ такъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

---

[1]) L. c. T. 1. Спб. 1888. Стр. 148.

[2]) L. c. стр. 13 сл.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и сымихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“ [1]).

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ“ [2]).

Ограждать козачьи земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ посполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“ [3]) приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 240.

[2]) Д. И. Багалѣй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

[3]) Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целярія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Мироновича явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“ [1]) говоритъ: „такъ какъ козачья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильнаго... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещавшаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“ [2]).

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скупку козачьихъ грунтовъ, такъ какъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

---

[1]) Ł. c. T. 1. Спб. 1888. Стр. 148.

[2]) L. c. стр. 13 сл.

статируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ—старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ [1]).

Взглядъ И. В. Теличенка, повидимому, наиболѣе правильный. Нельзя всецѣло обвинять козачью старшину въ томъ, что она въ корыстныхъ цѣляхъ путемъ экономическаго давленія на козаковъ и всякаго рода насилія лишала ихъ личной свободы и отнимала у нихъ часто единственную ихъ недвижимую собственность, грунты. Конечно, часты бывали случаи насильственнаго захвата грунтовъ и разныхъ угодій [2]), встрѣчавшіе попытки противодѣйствія со стороны обижаемыхъ, но въ большинствѣ случаевъ былъ добровольный отказъ со стороны козаковъ отъ всѣхъ своихъ правъ, дабы избѣжать тягостей воинской повинности, которую они должны были отбывать въ отплату за пользованіе этими правами. Тягости этой своеобразной военной службы малороссійскихъ козаковъ втеченіе XVIII в. рѣзкими чертами обрисовываетъ И. В. Теличенко:

„Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началось очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земляныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройство ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколькихъ тысячъ

---

[1]) „Кіев. Стар.“. 1891. Т. XXXII, стр. 239.

[2]) И. В. Лучицкій сообщаетъ любопытный случай закабаленія козака извѣстными стародубскими богачами Шираями путемъ „позички“ денегъ. „Кіев. Стар.“, т. XXXII, 1891 г., стр. 506—508.

жизней стоили козакамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы... Въ (черниговскомъ) наказѣ козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подъ-рядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія“ работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и оплошность [1]).

Въ виду такихъ тягостей военной службы, нельзя винить козаковъ въ томъ, что они такъ легко отказывались отъ своихъ правъ, такъ сказать, „обмужичиваясь“ и забывая повидимому о былой военной славѣ „товарищества войска запорожскаго“ и вообще о своихъ сословныхъ традиціяхъ. Взгляды ихъ на свои права и обязанности, на „козачьи вольности“, расходились съ правительственными взглядами. Сохраняя до нѣкоторой степени воинскій духъ, козаки хотѣли служить прежде всего интересамъ родины, а потомъ и всего государства, *съ оружіемъ въ рукахъ*, правительство же стремилось къ тому, чтобы, охраняя ихъ отъ всякаго рода посягательствъ со стороны старшины и обращенія въ посполитыхъ, имѣть даровое, пока что иррегулярное войско во время частыхъ войнъ на широко раздвинувшихся границахъ государства, обращая ихъ преимущественно, какъ мы видѣли выше, въ землекоповъ, погонщиковъ и т. п., такъ какъ собственно Украйна, уже окончательно умиротворенная, не нуждалась въ ихъ услугахъ.

Этотъ взглядъ правительства на козачество является основой всѣхъ „охранительныхъ“ заботъ и мѣропріятій его по отношенію къ послѣднему. Наиболѣе важный въ этомъ смыслѣ указъ императрицы Анны Іоанновны, отъ 8 января 1739 г. [2]) вызвалъ

---

[1]) Ib. стр. 243.“

[2]) П. С. З. № 7723. 8 января 1739 г.

слѣдующее распоряженіе тогдашняго правителя Малороссіи генерала А. И. Румянцева отъ 6 февраля 1739 г. „изъ походной анаралной войсковой канцеляріи в Домонтовѣ“ на имя черниговскаго полковника Измайлова:

„Въ силѣ вышеписаннаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ томъ числѣ и въ полку черниговскомъ, публиковать, *дабы впредь* до будущей Ея Императорскаго Величества высочайшей воли *козаки грунтовъ своихъ никому отнюдь ни подъ какими видами не продавали и за другими не укрѣпляли, и отъ всѣхъ козацкихъ грунтовъ, какъ проданныхъ владѣльцамъ, такъ и за козаками оставшихся, козацкую службу отправлять тѣмъ, кто на такихъ грунтахъ нынѣ живутъ и ими пользуются.* Сколько же въ полку черниговскомъ такихъ купленныхъ грунтовъ и на нихъ сколько и кто имянно людей поселилось и для опредѣленія козацкой службы будутъ опредѣлены, о томъ немедленно прислать праведное извѣстіе, а впредь если кто у козака грунтъ какой купитъ, или на купленномъ козачомъ грунтѣ поселенніе люди утаены будуть, то тѣ грунты имѣютъ быть конфискованы на Ея Императорское Величество неотмѣнно, а о укомплектованіи выборныхъ конныхъ козаковъ, положенныхъ въ двадцатитысячное число, на мѣсто убилихъ отъ полнаго числа по росписанію на черниговскій полкъ въ мимошедшихъ компаніяхъ убитыхъ и помершихъ, чинить вамъ въ силѣ того Ея Императорскаго Величества имянного указа“ [1]).

По наиболѣе рельефно выразился вышеприведенный взглядъ правительства на малороссійскихъ козаковъ въ мнѣніяхъ и мѣропріятіяхъ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, настойчиво проводившаго „объединительную“ политику императрицы Екатерины II въ Малороссіи [2]).

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.

[2]) Русское богатство, 1891 г. стр. 131. Срав. Сборникъ Р. историческ. общ. Т. VII, стр. 348.

II.

Обособленіе козачьяго сословія при Румянцевѣ.—Исполненіе воинской повинности.—Численность козачьяго сословія.—Стремленіе Румянцева пріучить козаковъ къ регулярной службѣ; противодѣйствіе ихъ этому; подчиненіе ихъ военному суду.—Преобразованіе охоче-комонныхъ полковъ въ регулярные.—Обращеніе малороссійскихъ козачьихъ пановъ въ карабинерные.—Образованіе изъ козаковъ особаго корпуса пѣшихъ стрѣлковъ.—Первый рекрутскій наборъ съ козаковъ.—Сохраненіе козаками *прежняго* „воинственнаго духа".

Предпринявъ „генеральную опись „Малороссіи, съ цѣлью ближе ознакомиться съ порученной его управленію страной, чтобы имѣть потомъ возможность наиболѣе успѣшно проводить предначертанныя центральнымъ правительствомъ мѣропріятія, Румянцевъ обратилъ особенное вниманіе на взаимныя отношенія сословій, такъ какъ до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Румянцевъ хотѣлъ посредствомъ описи точнѣе разграничить сословія, и въ частности, въ отношеніи козаковъ, обособить ихъ въ отдѣльное замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число [1]).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и оставляя за ними право пользованія личной свободой и право владѣнія земельной собственностью, Румянцевъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ возможно больше пользы въ отношеніи отбыванія воинской повинности.

Чтобы точнѣе и возможно правильнѣе опредѣлить контингентъ козачьяго сословія, въ началѣ производства „описи" онъ предоставлялъ полную возможность всѣмъ бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества [2]) не потому, впрочемъ, чтобы онъ считалъ большимъ зломъ таковое закрѣпощеніе козаковъ въ интересахъ ихъ самихъ, такъ какъ онъ винилъ больше всего самихъ козаковъ въ томъ, „что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и

[1]) „Кіевск. Старина", 1883 г. т. VII, стр. 405, 429. Записки черниговск. статистич. комит. l. c., стр. 123, сех.

[2]) Ibit. стр. 422, 426.

наказанія достойны; старшины же сотенные, корысти ради, сошедшихъ имуществомъ пользуясь, охотно, конечно, имъ на сіе позволяли, ибо рѣдко, или никогда, о таковыхъ бѣглыхъ не рапортовали [1])". Отъ обращенія козаковъ въ посполитые страдали интересы правительства въ отношеніи воинской повинности, и потому то Румянцевъ считалъ нужнымъ бороться съ этимъ вольнымъ и невольнымъ оставленіемъ козаками своего сословія. Желая „единожды навсегда на мѣрѣ поставить въ семъ пунктѣ, *общественнаго добра ради*, и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства", Румянцевъ принималъ во вниманіе и прежніе указы по этому вопросу. „Указомъ безсмертныя памяти государя императора Петра Великаго"—говоритъ Румянцевъ въ своей „запискѣ" отъ 25 іюля 1765 года—„въ 1723 году *велѣно* козакамъ, порабощеннымъ владѣльцами, о козачествѣ бить челомъ въ малороссійской тогда бывшей коллегіи, и чьи предки и они сами *службу служили*, тѣхъ вписать въ козаки, доказывая то правными реестрами и капитулами, а въ недостаткѣ ихъ свидѣтельствами стороннихъ; въ 1746 году указомъ правительствующаго сената повелѣно всѣмъ владѣльцамъ, за кѣмъ таковые козаки въ подданствѣ состоятъ, немедленно *для вписанія ихъ къ отправленію службы объявлять* [2]). Какъ видимъ, оба указа, приведенные Румянцевымъ, преслѣдовали въ отношеніи козаковъ тѣже цѣли, что и онъ, привлеченія ихъ къ отбыванію воинской повинности.

Когда составъ козачьяго сословія къ концу производства „описи", по мнѣнію Румянцева, достаточно опредѣлился, онъ пришелъ къ заключенію о необходимости прекращенія исковъ о козачествѣ. Въ своемъ „мнѣніи о скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться" онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кого по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать" [3]).

[1]) Аѳѣенко. Малороссія въ 1767 году. К. 1864 г. стр. 149.

[2]) Ibit. стр. 148 сл.

[3]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1861 г., II, стр. 63.

До какой степени важное значеніе придавалъ Румянцевъ неуклонному исполненію козаками воинской повинности, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта:

Въ 1778 году лубенскій полковникъ Степанъ Максимовичъ (1770—1781 гг.)[1]) обратился съ „репортомъ“ въ малороссійскую коллегію, въ которомъ, „прописывая обстоятельства къ умаленію козачей службы относящіесь принятіемъ безъ его полковника и полковой лубенской канцеляріи свидѣтельствъ въ разніе судебніе мѣста къ письменнымъ дѣламъ козачихъ дѣтей, кои чрезъ то защищаютъ свои домы и родственниковъ отъ службы“, онъ проситъ „дать отъ коллегіи повелѣніе всѣмъ судамъ козачихъ дѣтей безъ вѣдома его полковника и полковой канцеляріи къ дѣламъ не принимать, равнымъ образомъ когда они безъ свидѣтельствъ его полковника или полковой канцеляріи въ малороссійской коллегіи, судѣ генеральномъ и другихъ здѣшнихъ правительствахъ являться будутъ просить о принятіи ихъ въ какое званіе, повелѣть высылать ко отправленію должной отъ нихъ козачой службы“. Вслѣдствіе этого „репорта“ полковника Максимовича состоялось 22 января 1778 года слѣдующее постановленіе малороссійской коллегіи, которое и было разослано въ копіяхъ во всѣ тогдашнія присутственныя мѣста въ районѣ лубенскаго полка, за подписью Якова Козельскаго, секретаря Аѳанасія Хашкевича и канцеляриста Степана Данилова:

„Къ полковнику и кавалеру Максимовичу послать указъ, что, какъ въ коллегіи, такъ и во всѣхъ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, желающіе быть въ писменныхъ дѣлахъ и приносящіе въ томъ просьбы не инако принимаемы бываютъ, какъ по представленнымъ ими отъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ вѣдѣніи находились, писменнымъ необовязательствамъ, давъ притомъ знать оному полковнику, что со всѣхъ отъ домовъ козачихъ дѣтей въ такіе мѣста и другіе къ писменнымъ дѣламъ опредѣлившихся, или *хотя бы оные и въ другой какой службѣ были, должна происходить козачья служба отъ домовъ ихъ и грунтовъ*, а дабы козачіе полку лубенского дѣти безъ письменныхъ отъ полковника Мак-

[1]) Чтенія Нестора Лѣтописца. Кн. XI, отд. II, стр. 50, 74.

симовича и полковой лубенской канцеляріи свидѣтельствъ къ писменнымъ дѣламъ не были принимаемы, о томъ во всѣ здѣшніе присутственніе мѣста такъ же въ суда земскіе лубенской и роменской и того полку подкоморскіе послать указы" [1]).

Какъ видимъ, коллегія, или лучше сказать Румянцевъ, имѣли особенное наблюденіе, чтобы никакія иныя занятія не мѣшали козакамъ неуклонно исполнять воинскую повинность.

Когда, по окончаніи производства „генеральной описи", тѣсныя рамки козачьяго сословія окончательно замкнулись, всѣ козаки, не попавшіе въ его составъ при этой реорганизаціи, записались частью въ мѣщане и купцы [2]), но преимущественно слились съ массой безправныхъ посполитыхъ и, по воспослѣдованіи указа отъ 3 мая 1783 года, вмѣстѣ съ этими же послѣдними были обращены въ крѣпостную зависимость.

Интересно опредѣлить хотя приблизительную численность козачьяго сословія къ этому времени.

Согласно „вѣдомости, по которой значилось, сколько въ Малой Россіи до открытія въ ней трехъ намѣстничествъ, т. е. до 1782 г., было полковъ, сотенъ, и въ оныхъ разныхъ селеній и жителей", помѣщенной у Шафонскаго [3]), во всѣхъ десяти малороссійскихъ полкахъ числилось по статистическимъ даннымъ ревизіи 1764 года 176,886 козаковъ выборныхъ и 198,296 подпомощниковъ, всего 375,181 человѣкъ.

Конечно, нельзя вполнѣ довѣрять этимъ цифровымъ даннымъ. Тепловъ въ своей „запискѣ" говоритъ:

„...Ревизіямъ малороссійскимъ, которыя малороссійск. людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно, ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать...

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными,

---

[1]) Копія указа коллегіи „суду земскому повѣту роменского". Рукоп. Яготин. архива.

[2]) „Кіев. Стар.", 1891 г., № 3, стр. 481.

[3]) Шафонскій. Топографическое описаніе черниговск. намѣстнич. К. 1851. стр. 73—85.

такожде и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другой свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ бываетъ, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного строже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ, и такъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрасней дѣло производилось“ [1]).

Извѣстный малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей „запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“ отъ 1821 года дѣлаетъ слѣдующія сравненія о численности козачьяго сословія въ разное время.

„Изъ статей гетмана Скоропадскаго 1722 г. апрѣля 29, съ собственноручными рѣшеніями императора Петра I-го, видно, что козаки остались тогда малочисленны: въ 1777 году было уже ихъ около 300 тысячъ, изъ коихъ служили 20 тысячъ въ полѣ, а около 50 тысячъ при границахъ и внутри Малороссіи, какъ о томъ упоминаетъ князь Безбородько въ запискѣ, поднесенной имъ въ семъ году императрицѣ Екатеринѣ II-й [2]); по ревизіи 1819

[1]) Кулишъ, l. c. стр. 178.

[2]) „Князь Безбородько составилъ послѣднюю половину (съ 1734 по 1776 г.) „Краткой лѣтописи Малой Россіи“, изданной въ 1777 г. В. Г Рубаномъ. Кромѣ того, онъ составилъ два первыя приложенія къ этой книгѣ, а именно: „изъявленіе образа правленія Малой Россіи“ и „списокъ бывшимъ въ Малой Россіи гетманамъ“ и пр. Кромѣ того, онъ намѣревался, вмѣстѣ съ Рубаномъ, издать полную малороссійскую исторію, для которой оба они собирали матеріалы“. Канцлеръ князь Безбородько. Н. И. Григоровича. Русск. Архивъ. 1875 г. II, стр. 141.

года считается козаковъ мужескаго пола 450.365 душъ, земли же козачьи цѣнитъ бывшій министръ финансовъ въ 60 милліоновъ рублей, изъ чего явствуетъ, что съ 1722 по 1777 годъ, т. е. чрезъ 55 лѣтъ умаленное войнами и внутренними смятеніями, число козаковъ возросло до 300 тыс. Съ 1777 г. по ревизію 1819 г., т. е. чрезъ 39-ть только лѣтъ, умножились козаки, съ прибавкою 25 тысячъ, переселившихся 1808 г. въ Черноморію, 175 тысячъ земли же ихъ, при всегдашней вольной продажѣ, стоятъ 60 милліоновъ, каковую оцѣнку должно признавать, безъ сомнѣнія, очень умѣренною“ [1]).

По свѣдѣніямъ Румянцева въ 1765 году козаковъ было „71,604 хаты, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ въ числѣ неравномъ раздѣленныя“ [2]).

Наиболѣе точныя свѣдѣнія о численности козачьяго сословія въ эпоху Румянцева можно почерпнуть изъ сохранившейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ „вѣдомости о доходахъ по черниговскому намѣстничеству счисляющихся, сколко оныхъ съ кого и по какому указу собирается [3]), представленной Румянцеву при рапортѣ „черниговской казенной палаты вицъ-губернатора“, статскаго совѣтника Новикова, отъ 31 декабря 1785 года. Изъ этой вѣдомости видно, что съ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ черниговскаго намѣстничества, втеченіе 1785 года поступило подушнаго по 1 р. 20 к. съ души, оклада, согласно именному указу отъ 3 мая 1783 года, 212,346 руб., слѣдовательно, козаковъ, внесенныхъ въ ревизскіе списки, числилось 176,955 человѣкъ. Если сравнить это число съ количествомъ козаковъ во всей Малороссіи въ 1764 году, то можно допустить, что въ 1785 году козаковъ въ остальной Малороссіи было приблизительно столько же, сколько и въ черниговскомъ намѣстничествѣ.

Проживавшіе въ предѣлахъ этого намѣстничества козаки распредѣлялись по его повѣтамъ слѣдующимъ образомъ: въ черниговскомъ—10,967 ч., въ городнянскомъ—7,265 ч., въ бере-

[1]) Чтенія М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. 2, стр. 128 смѣси

[2]) Аѳѣенко, l. c., стр. 14 сл.

[3]) Рукопись Кіев. Центр. Архива.

зинскомъ—20,563 ч., въ борзенскомъ—16,994 ч., въ нѣжинскомъ—13,140 ч., въ прилуцкомъ—12,247 ч., въ глинскомъ—20,104 ч., въ роменскомъ—17,966 ч., въ лохвицкомъ—20,505 ч., въ гадяцкомъ—12,124 ч. и въ зѣньковскомъ—25,080 ч. [1]).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и обязывая ее неуклоннымъ исполненіемъ воинской повинности, Румянцевъ на первыхъ же порахъ старался пріучить ихъ по возможности къ регулярной службѣ, но при этомъ встрѣчалъ со стороны козаковъ, представлявшихъ себѣ свои обязанности въ отношеніи военной службы по понятіямъ стараго „вольнаго козачества", сильное противодѣйствіе. Находя военную службу козаковъ, согласно ихъ взглядамъ, „столь безстройной, столь ни къ чему неудобной и ненадежной", онъ уже въ своей запискѣ 1766 года предлагаетъ императрицѣ Екатеринѣ II „сію милицію привесть въ настоящій порядокъ воинскихъ людей" [2]), и даже раньше представленія записки дѣлаетъ первую попытку въ этомъ направленіи.

Еще въ 1765 году, замѣтивъ совершенную неподготовленность малороссійскихъ козаковъ, попавшихъ въ „находящіяся при малороссійской коллегіи солдацкія роты" къ исполненію регулярной службы и усматривая ихъ распущенность въ отношеніи военной дисциплины—„сперва три изъ сихъ солдатъ, ушедши съ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотѣли спрашивать, какую она службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что они въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили вольно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была"—Румянцевъ указомъ отъ 5 декабря 1765 г. на имя малороссійской коллегіи велѣлъ „обѣ солдацкія роты разобрать", зачинщиковъ въ неповиновеніи „нещадно плетьми высѣчь", а „изъ способныхъ офицеровъ и рядовыхъ сочинить одну роту въ числѣ полевого муш-

---

[1]) „Генеральная табель о числѣ душъ и с нихъ доходовъ, такожъ и объ оброчныхъ статьяхъ въ черниговской губерніи исчисляющихся на 1785 годъ", составленная въ черниговской казенной палатѣ при вице-губернаторѣ Новиковѣ для графа Румянцева. Рукоп. Кіев. Центр. Архива.

[2]) Чт. М. О. И. и Др. Р. 1861 г. II, стр. 63.

катерского полку роты и именовать ее фузелерною" и размѣстить ее въ Глуховѣ „для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммиссіямъ" [1]).

Въ указѣ на имя малороссійской коллегіи отъ 11 апрѣля 1768 г Румянцевъ опять упоминаетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ черниговскаго полка, выполнять „войсковую службу" и приказываетъ всѣхъ „козаковъ, дерзнувшихъ показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко очурающихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „который бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить очурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причиненъ быть имѣетъ"), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній, чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть послушными, равно же и о томъ, что и съ прошеніями въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано" [2]).

Чтобы сдѣлать военную службу козаковъ возможно болѣе „порядочной и надежной", Румянцевъ исхлопатываетъ у императрицы Екатерины II слѣдующій указъ отъ 20 декабря 1768 г. о подчиненіи малороссійскихъ козаковъ въ отношеніи военной службы военному суду:

„Мы вѣдаемъ, что между разными нашими правительствами происходили отъ времени до времени нѣкоторыя недоразумѣнія о существѣ суда и расправы нашихъ малороссійскихъ козацкихъ

---

[1]) „Кіев. Старина", 1882 г. Т. IV, стран. 130. Срв. Шафонскій, l. c. Ч. I, стран. 69.

[2]) „Кіев. Стар.", ib. стр. 132 сл.

полковъ и что отъ того въ исправленіи ими воинской службы рождались далѣе многія неудобства и упущенія. Не меньше вѣдаемъ мы, что сіи недоразумѣнія имѣютъ источникъ свой въ несвойственномъ безъ разбора и во всякое время присвоеніи козакамъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, вмѣсто чего надлежало бы различать тутъ сугубое свойство козацкаго состоянія. Какъ поселяне, долженствуютъ они, конечно, и въ полной мѣрѣ пользоваться силою и содержаніемъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а напротивъ, какъ военные люди, при употребленіи своемъ на службѣ государственной, повиноваться безъ малѣйшаго изъятія всей точности военнаго нашего устава. На семъ основаніи, которое толико сходствуетъ съ намѣреніемъ самаго учрежденія козацкихъ полковъ для обороны собственной ихъ отчизны, и которое мы отнынѣ впредь опредѣляемъ навсегда верховною нашею отъ Бога намъ дарованною властію точнымъ и непремѣннымъ закономъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ нашей малороссійской коллегіи, дабы отъ сего времени подчиненныя ей козацкія войска, яко поселяне, судимы были во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а въ исправляемой ими по званію ихъ воинской службѣ руководствуемы и судимы были независимо отъ оныхъ, по содержанію военнаго нашего устава и военнаго артикула, ибо безъ того служба ихъ, состоящая обыкновенно, какъ и теперь, въ охраненіи и защитѣ собственныхъ ихъ домовъ и семей отъ грабежа и плѣна вѣроломнаго сосѣда, не можетъ быть порядочна и надежна; почему и не оставитъ коллегія сама собою сдѣлать немедленно всѣ нужныя распоряженія, какъ къ скорѣйшему между козаками ознакомленію всѣхъ до воинства принадлежащихъ законовъ и артикуловъ, такъ и къ приведенію ихъ самихъ въ лутшую предъ прежнимъ исправность и до всей имъ свойственной способности и дисциплины“ [1]).

Въ 1775 г. были преобразованы въ регулярные, согласно высочайше утвержденному 24 октября 1775 года докладу воен-

[1]) Настоящій указъ приведенъ здѣсь по копіи съ подлинника, полученнаго въ коллегіи 28 декабря, сохранившейся въ Яготинскомъ архивѣ.—Срв. П. С. З. № 13217.

ной коллегіи три находившіеся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полка [1])—по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное войско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Съ учрежденьемъ въ Малороссіи намѣстничествъ, военный строй малороссійскихъ козаковъ подвергся коренной реорганизаціи. Указомъ отъ 26 октября 1781 г., послѣдовавшимъ „для точнаго руководства и основанія къ должному устроенію намѣстничествъ", велѣно было „изъ состоящей въ Глуховѣ фузелерной роты и надворной конной команды стараться, въ сокращеніе излишнихъ расходовъ, помѣстить людей въ команды, по штатамъ положенныя, престарѣлыхъ же и неимѣющихъ пропитанія, оставя, опредѣлить къ какимъ либо по силѣ ихъ должностямъ, какъ обыкновенно съ инвалидами поступаютъ. О малороссійскихъ войскахъ, на какомъ основаніи имъ быть впредь, по введеніи въ дѣйствительное исполненіе учрежденій нашихъ въ тамошнихъ губерніяхъ, разсмотрѣть и мнѣніе взнести" [2]).

Самый этотъ указъ послѣдовалъ вслѣдствіе поданной Румянцевымъ въ томъ же 1781 г. всеподданнѣйшей записки, въ которой онъ писалъ между прочимъ, что, съ раздѣленіемъ Малороссіи на губерніи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленій большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ, и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленія неизбѣжно ведетъ къ коренной реорганизаціи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнія, что всего правильнѣе замѣнить прежніе девять малороссійскихъ полковъ, набиравшихся изъ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ соотвѣтственныхъ полковъ, какъ административныхъ дѣленій, въ военномъ отношеніи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ" и раздѣливши ихъ на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленіи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду,

[1]) П. С. З. № 14, 385.

[2]) Шафонскій, l. c. ч. I, стр. 133.

и уравнять ихъ старшину въ соотвѣтственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссійскіе козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны [1]).

Во исполненіе указа отъ 26 октября 1781 г., Румянцевъ представилъ, вѣроятно, новый докладъ въ духѣ вышеприведенной записки, такъ какъ въ 1783 году послѣдовалъ указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, принимая при этомъ въ расчетъ и три вышеупомянутыхъ „легкоконныхъ“ полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человѣкъ въ эскадронѣ, или 828 человѣкъ въ полку, изъ коихъ 48 человѣкъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человѣкъ, т. е. по 20 человѣкъ изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсы въ ихъ домы“, такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній, и въ каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополняться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подушнаго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 года [2]), съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соотвѣтственно учрежденію 1765 года о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе [3]), а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ

[1]) „Кіев. Стар.“, 1891 г. Т. XXXII, стр. 482.

[2]) П. С. З. № 15. 724.

[3]) П. С. З. №№ 12,293 и 12,344.

образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого, указомъ отъ 28-го іюля 1783 г. повелѣвалось:

„1) На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпускать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманландскаго карабинернаго, который слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатеринославскаго намѣстничества".

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному кригсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно указу отъ 3 февраля 1784 г. [1]), и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полнаго порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ начальникамъ малороссійскихъ войскъ, генералъ-поручику Нащокину и генералъ-маіору Каульбарсу, и губернаторамъ кіевскому, генералъ-поручику Ширкову и черниговскому, генералъ-поручику Милорадовичу.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легкоконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распредѣлить людей изъ трехъ расформированныхъ легкоконныхъ полковъ по

[1] П. С. З. № 15,928.

вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же, стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ"; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полнаго комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ", давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и свойственникамъ при дряхломъ отцѣ или родственникѣ хозяинѣ; стараться произвесть наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полнаго комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ коммиссаріатской и провіантской коммиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особыя команды для пріема всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полнаго снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ, возвратить лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и инія военные снаряды, кои полки и сотни по прежней ихъ службѣ имѣли", сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцову по мѣрѣ хода дѣла [1]).

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, переяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, нѣжинскій, кіевскій, софійскій и тверской.

[1]) „Кіев. Стар.", 1891 г. Т. XXXII, стр. 485.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ, въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужскаго пола [1]).

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ прежнихъ полковъ слѣдующимъ образомъ: лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, сѣверскій—изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полковъ, софійскій—изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, тверской—изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, нѣжинскаго и черниговскаго полковъ, стародубскій—изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ, глуховскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка, кіевскій—изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полка, переяславскій—изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, черниговскій — изъ сотенъ черниговскаго полка, нѣжинскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка [2]).

Всего подлежало набору въ карабинерные полки 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужескаго пола выборныхъ козаковъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ уѣздныхъ городахъ и болѣе значительныхъ мѣстечкахъ Малороссіи.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскихъ козаковъ къ полному сліянію и претворенію въ общей массѣ россійскихъ войскъ въ 1789 и 1791 г. г. [3]), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплектованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Согласно указу отъ 10 апрѣля 1786 года, 1000 человѣкъ козаковъ-карабинеровъ, по сто человѣкъ отъ каждаго карабинернаго полка, вошли въ составъ вновь формировавшагося изъ монастырскихъ крестьянъ гренадерскаго полка въ количествѣ 3,974

[1]) Ibid. стр. 486.

[2]) Ibid. см. подробнѣе стр. 486—491.

[3]) П. С. З. №№ 16,784 и 16,785.

человѣкъ, взамѣнъ которыхъ должны были поступить въ карабинерные полки тысяча же монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая до нѣкоторой степени поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Ко времени введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., козаковъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось въ кіевской губерніи—147,564 души мужск. пола, въ черниговской—174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской—106,809 д. м. п., а всего 428,442 д. м. п.

Въ составъ 3,974 человѣкъ гренадеровъ вошли 1000 чел. выборныхъ козаковъ и 2,239 козаковъ-подпомощниковъ, остальные были набраны изъ монастырскихъ крестьянъ [1]).

Въ 1789 г. было сдѣлано распоряженіе о составленіи общаго наряда въ черниговской губерніи для наполненія конныхъ малороссійскихъ полковъ [2]). Въ 1792 г. было сначала набрано изъ малороссійскихъ козаковъ, но вскорѣ распущено, особое войско пѣшихъ стрѣлковъ; въ 1794 г. велѣно вновь сформировать изъ козаковъ особый корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ [3]); согласно указу отъ 18 ноября 1796 г., эти стрѣлки были опять распущены [4]).

6 октября 1795 г. послѣдовалъ указъ о сборѣ рекрутъ въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской съ мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ [5]), а 1 декабря 1797 г. былъ произведенъ первый рекрутскій наборъ съ малороссійскихъ козаковъ, съ 500 ревизскихъ душъ по 3 рекрута [6]).

Такимъ образомъ, къ концу XVIII вѣка малороссійскіе козаки окончательно утратили, повидимому, свой сословный обликъ и слились съ общей массой безправнаго населенія тогдаш-

---

[1]) „Кіев. Стар.“, 1891 г., Т. XXXII, стр. 491—493.

[2]) П. С. З. №№ 16,784 и 16.785.

[3]) П. С. З. №№ 17,200 и 17, 244.

[4]) П. С. З. № 17,566.

[5]) П. С. З. № 17,393.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Полтавская губернія. Спб. 1862 Стр. XVIII.

пей Малороссіи, сохраняя лишь, по мнѣнію князя Н. Г. Репнина, свой прежній „воинственный духъ".

„Настоящимъ владѣльцамъ земли,—говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей, уже цитированной нами, запискѣ отъ 1821 года,—гораздо болѣе предстоитъ способовъ къ пожертвованіямъ, нежели наемникамъ, или содержателямъ чужихъ земель; посему козакамъ удобно было выставлять при гетманахъ своихъ весьма значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ въ древнемъ ихъ образованіи; потомъ составлялись изъ нихъ компанейскіе полки; послѣ, въ царствованіе Екатерины II, устроились и наполнялись изъ нихъ десять карабинерныхъ полковъ, наконецъ, давали они рекрутовъ, и, по сокращеніи имъ срока службы, каждый почти отслуживалъ свою очередь, и *сохранился въ нихъ до нынѣ воинственный духъ*" [1]).

П. С.

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Чтенія М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 87 смѣси.

Нѣсколько замѣтокъ къ Автобіографической Запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1896 г.

Касаюсь, въ своихъ замѣткахъ, сообщеній Записки, имѣющихъ болѣе или менѣе историческое значеніе.

1) По Запискѣ (стр. 193) „въ 1830 г., во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козачьи полки по Манифесту Императора Николая Павловича“. Восемь малорос. козачьихъ полковъ, о которыхъ въ Запискѣ здѣсь говорится, сформировались вслѣдствіе Высочайшаго указа Правит. Сенату отъ 6 Мая 1831 г.; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ они въ 1830 г. не формировались.

2) Въ Запискѣ говорится (стр. 194) „.... въ январѣ мѣсяцѣ 1832 г. на имя генералъ-губернатора послѣдовалъ новый Манифестъ или рескриптъ: бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6-ть распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ „.... Можетъ быть, Петербургъ въ это время и входилъ въ какую либо переписку съ кн. Репнинымъ о предстоящей судьбѣ козач. полковъ, но разрѣшена ихъ судьба, да и вообще судьба малорос. козаковъ, особенно относительно воинской повинности, Высочайшимъ указомъ Правит. Сенату отъ 25 Іюля 1832 г.,—при чемъ (и это особенно надо принять во вниманіе въ данномъ случаѣ) о дальнѣйшемъ распредѣленіи козаковъ въ указѣ обѣщано *сдѣлать вслѣдъ* за симъ особое распоряженіе.

3) На той же 194 стр. говорится: „несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 г., вмѣсто домовъ должны

были возвратиться въ полки на 18 лѣтъ". Помянутый въ предъидущей замѣткѣ указъ 25 іюля 1832 г. хотя и опредѣлилъ на будущее время для малорос. козаковъ ежегодный рекрутскій наборъ, но срокъ воинской службы для нихъ ограничилъ 15-ю годами, въ томъ числѣ и для козаковъ 8 полковъ 1831 г., съ зачетомъ для послѣднихъ, въ такой 15-ти-лѣтній срокъ, и времени состоянія ихъ въ своихъ козачьихъ полкахъ.

4) На стр. 194 и 195 разсказывается: что пунктами для сбора козаковъ и сдачи ихъ офицерамъ регулярныхъ войскъ назначены Полтава, Лубны и Черниговъ, и распорядителями въ эти пункты—въ Полтаву самъ кн. Репнинъ, въ Черниговъ Устимовичъ, а въ Лубны—Ханыковъ и самъ авторъ Записки Сердюковъ; что Ханыковъ и Сердюковъ выѣхали въ Лубны въ февралѣ 1832 г., что занимались тамъ своимъ дѣломъ по генварь 1833 г., сдали козаковъ прибывшимъ офицерамъ и т. д.; что при этомъ Ханыковъ и Сердюковъ всякій день объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ козаковъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали жалкую ихъ участь... Надо полагать, что посылки Ханыкова и Сердюкова въ Лубны въ февралѣ 1832 г. (т. е. раньше указа 25 іюля 1832 г.) были распоряженіемъ подготовительнымъ, можетъ быть сдѣланнымъ вслѣдствіе того сношенія Петербурга съ кн. Репнинымъ, о которомъ упоминается выше въ 3-й нашей замѣткѣ; но во всякомъ случаѣ, распредѣленіе козаковъ въ Лубнахъ въ армію послѣдовало лишь предъ Рождествомъ (приблизительно около 20 декабря) 1832 г. *и сдѣлано лично самимъ княземъ Репнинымъ*—чему я былъ лично очевидцемъ. Удивительно, что въ Запискѣ вовсе не упомянуто даже о пребываніи тогда въ Лубнахъ Репнина, и это тѣмъ болѣе удивительно, что распредѣленіе имъ самимъ козаковъ дѣло очень характеристическое, произведшее въ Лубнахъ глубокое впечатлѣніе. Разскажу о немъ поподробнѣе: кажется, здѣсь будетъ это у мѣста; да кстати тутъ получитъ нѣкоторое освѣщеніе и повѣствованіе Записки о сбитнѣ, калачахъ и т. п.—Когда вступили козаки въ Лубны (во второй половинѣ декабря 1832 г.), у насъ уроки еще не прекращались (я былъ тогда въ Лубенскомъ училищѣ, девяти-

лѣтній мальчикъ); но вотъ уроки прекратились; можно, значитъ, самому пойти на площадь и поглядѣть, какъ они тамъ собираются, что съ ними будетъ дѣлать *Репрій* (въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ простонародьѣ Репнинъ былъ извѣстенъ больше подъ такимъ именемъ), когда пріѣдетъ. И ходилъ я преусердно каждый день на площадь цѣлыхъ два дня, просиживалъ тамъ съ утра до вечера, не смотря на лютые морозы... Козаки все бравый народъ былъ; у нѣкоторыхъ была еще и форма: у кого шапка, у кого шинель—нѣкоторые были даже и при сабляхъ. Но въ массѣ—обыкновенная сельская парубоцкая одежа. Приводятъ ихъ бывало рано на площадь, *старшіе* поставятъ *лавами*. „Стойте же смирно, *ничого не вытивайте*“, скажутъ и пойдутъ кому куда надо, а больше всего *до козы* (къ сбитеньщику), пріютившейся тутъ же у площади. Козаки держатся сначала *лавы*, болтаютъ межъ собою, тупаютъ ногами, чтобы ихъ согрѣть—холодно! Потомъ лáвы начинаютъ понемногу разстраиваться, расползаются по площади, образуютъ кучки, борятся, гоняются другъ за другомъ, *у тисноі бабы* играютъ гдѣ нибудь подъ заборомъ... Потомъ вся эта масса внезапно, мовъ гедзь іи укусивъ, какъ лавина обрушивается на ряды торговокъ, облѣпляетъ ихъ—мужской *регитъ*, женскій визгъ и брань... Но вотъ отъ козы летятъ старшіе, *огріютъ ципками* козаковъ одного-другого—и лавина быстро отдала назадъ, *шикуется* въ ряды... а торговки оправляются, ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ предъ соболѣзнующими старшими... но стоитъ имъ только взглянуть одна на другую—хохотъ между ними поднимается всеобщій... „Тьфу“, плюнутъ старшіе, и *направо кругомъ* къ козакамъ; снова *лавы*, слова: *ничого не вытивайте, коза*, лавина, тьфу и т. д. На третій день рано по всему городу разнеслась вѣсть, что ночью *Репрій* пріѣхалъ: весь городъ высыпалъ на площадь... Козаки, уѣздами, построились въ громадное каре, тихо, понурые... возлѣ гауптвахты, за нею и за желѣзными лавками офицеры съ своими командами, явившіеся забирать себѣ козаковъ—въ парадной формѣ; на гауптвахтѣ, вмѣсто конныхъ артиллеристовъ, квартировавшихъ въ Лубнахъ, заняли караулъ желтые уланы или гусары—не помню... Но вотъ является Репнинъ, сѣдой старикъ, въ шубѣ и фуражкѣ, изъ-подъ шубы вид-

нѣются красные лампасы на брюкахъ... возлѣ него какой-то помоложе военный, тоже въ шубѣ и фуражкѣ. („Кто это? что это?“ шепчутся въ толпѣ.—„Отютянтъ“! важно произнесла стоявшая недалеко отъ меня какая-то щедушная барыня)... Тихо, съ серьезнымъ лицомъ, вошелъ въ каре Репнинъ, за нимъ толпою двинулись всѣ подъѣхавшіе офицеры и всякое начальство, не вѣсть откуда взявшееся... Репнинъ пошелъ сначала по всѣмъ четыремъ фасамъ каре, здороваться съ козаками, а поздоровавшись, вышелъ на средину на 1-е и велѣлъ козакамъ громкимъ голосомъ слушать царское повелѣніе. Адъютантъ прочелъ царское повелѣніе тоже громкимъ голосомъ, но его никто не разобралъ, да и разбирать было не зачѣмъ: всѣ знали напередъ, въ чемъ дѣло—раскассировывались козацкіе полки... Тѣмъ не менѣе, по прочтеніи, Репнинъ снова пошелъ по всѣмъ фасамъ, коротко разъясняя козакамъ царскую волю, чтобы они послужили въ арміи, каждый разъ, за разъясненіемъ, спрашивая—„поняли“? Кто буркнулъ: *поняли*, а большею частію молчали. Обошедши всѣ четыре фаса кругомъ, Репнинъ снова пошелъ вдоль перваго фаса и, ставши посрединѣ: „Ну, ребята“, спрашиваетъ, „гдѣ бы вы желали служить—въ уланахъ, гусарахъ, артилеріи—гдѣ“?—Молчаніе.—„Говорите-гдѣ?“—Снова молчаніе. Репнинъ снова началъ итти вдоль фаса и, приблизившись къ саженному фланговому, въ кантанкѣ и чорной смушевой шапкѣ,—„Ну, ты бы, напримѣръ“, спрашиваетъ, „гдѣ бы желалъ служить?“ Фланговой схватился было за шапку; но или вспомнилъ, что въ строю шапокъ не снимаютъ, или просто побоялся уши выставить на морозъ, остановился на полдорогѣ: „Въ козакахъ хочу служить, ваше благородіе!“—отрапортовалъ.—„Эхъ ты!“, говоритъ Репнинъ (и при этомъ мазнулъ гиганта рукою по шапкѣ сверху внизъ, такъ что шапка надвинулась тому на глаза): „въ козакахъ!... нельзя въ козакахъ!.. Господа!“ поворотился онъ къ наѣхавшимъ офицерамъ, „выбирайте себѣ!“, пошелъ на средину каре и тамъ остановился со всѣмъ начальствомъ, а офицеры бросились звать въ каре своихъ солдатъ и выбирать... Тутъ начались сцены неописуемой гадости. Въ срединѣ каре въ нѣ-

сколько тысячъ человѣкъ, окруженныхъ почти всѣмъ населеніемъ города и окрестныхъ деревень, пріѣхавшими къ козакамъ отцами и матерями, а можетъ быть и женами,—офицеры съ солдатами ходятъ по фасамъ, и кто имъ понравится,—выводятъ изъ рядовъ, осматриваютъ ихъ, ощупываютъ, велятъ ротъ открывать—туда заглядываютъ: точь-въ-точь, какъ на невольничьемъ рынкѣ, а еще проще—какъ на ярмаркахъ на лошадиномъ или рогатаго скота точкѣ... Въ публикѣ вокругъ каре начало замѣчаться какое-то движеніе, кое-гдѣ послышались женскія рыданія... Репнинъ не выдержалъ!... „Прочь!“ закричалъ онъ какимъ-то рвущимся скрипучимъ голосомъ, „прочь, прочь! козаки по мѣстамъ!“ Солдаты бѣгомъ бросились изъ каре, офицеры въ свиту за Репнина, козаки въ свои мѣста въ ряды... А Репнинъ, подошедши къ одному изъ фасовъ, самъ началъ: „Разъ, два, три, четыре... десять—улановъ! разъ, два, три, четыре... десять—гусаровъ!“, а уланы, гусары и т. д. только бѣгомъ за нимъ, подхватываютъ для нихъ отсчитанное и уводятъ за каре въ ближайшія улицы... Чрезъ часъ всѣ козаки были раздѣлены и уведены куда-то, Репнинъ и начальство тоже куда-то дѣвались, публика, повѣсивши головы, разбрелась по домамъ... Такъ-то въ Лубнахъ козаки лично самимъ Репнинымъ раздѣлены въ полки и оттуда они тотчасъ и совершенно исчезли.

5) Зданіе Полтав. Института, построенное бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, Записка (стр. 198) называетъ *четырехъэтажнымъ*, а оно теперь, какъ и было въ 1841 г., при оставленіи Г. Сердюковымъ Полтавы, лишь въ три этажа.

и 6) Причиною отозванія Репнина изъ Полтавы и случая въ Царскомъ въ 1835 г. Записка выставляетъ (стр. 195 и 196) недостатокъ казенныхъ суммъ (т. е. суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія). По всей вѣроятности, оно такъ было, хотя, по ходившимъ слухамъ, тутъ сильно примѣшались (особенно въ исторіи въ Царскомъ Селѣ 1835 г.) дворскія интриги. Какъ бы, впрочемъ, ни было, тутъ не лишнее имѣть въ виду, что подъ осень 1832 г. (а можетъ быть 1833 г., точно не помню,) го-

сударь былъ въ Лубнахъ (смотръ дѣлалъ стоявшей тамъ конной артиллеріи: я лично его тамъ видѣлъ), а изъ Лубенъ поѣхалъ въ Полтаву; слѣдовательно, онъ въ это время лично могъ познакомиться съ постройкой института и съ вопросомъ о недочетѣ суммъ въ Приказѣ.

М. Номисъ.

Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Ганны Барвинокъ) Кулишъ[1].

До 1884 года я ниразу не видѣлъ Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны Кулишъ; зналъ его только по его фотографической карточкѣ, да по его разнообразнымъ литературнымъ трудамъ; Александру же Михайловну зналъ только по немногимъ малорусскимъ разсказамъ. 1884 годъ для Пантелеймона Александровича былъ все еще временемъ, когда „ни русскіе украинцы, ни австрійскіе русины"—какъ говоритъ о немъ историкъ украинской литературы профессоръ Н. И. Петровъ[2])—„не могли быть довольны его послѣдними историческими идеями и сочиненіями и отшатнулись отъ него, какъ отъ измѣнника и врага своей народности". Враждебныя настроенія украинцевъ мнѣ были извѣстны; читалъ я и „Пысанку" г. Мордовцева за „Крашанку русинамъ и полякамъ" (1882 г.); мнѣ казалось, что въ этихъ отношеніяхъ къ г. Кулишу нѣтъ толерантности, деликатности, вѣрности пониманія 60-лѣтняго борца-труженика, нѣтъ „звычайности", какъ къ патріарху украинофильства, какъ къ личности, богато одаренной дарами духа, о которыхъ Гете говоритъ, что они рѣдкій даръ Неба, какъ къ труженику щирому на украинской нивѣ,—подобнаго другого я не зналъ изъ числа современныхъ ему. Мнѣ самому воочію хотѣлось увидѣть этого патріарха украинофильства, тѣмъ болѣе, что я при этомъ долженъ былъ увидѣть и украинскую

[1]) Ввиду того интереса, какой представляютъ воспоминанія М. Лободовскаго, освѣщающія одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ моментовъ въ жизни покойнаго П. А. Кулиша, мы, съ согласія автора, перепечатываемъ эту статью изъ „Южнаго Края" (1897 г., № 5562). – *Ред.*

[2]) Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. Н. И. Петрова. Г. Кіевъ 1884 года, стр. 296.

писательницу Ганну Барвинокъ, жену г. Кулиша. И вотъ я, испросивъ письменно разрѣшеніе посѣтить ихъ и получивъ таковое, къ празднику Пасхи 1884 года отправился въ хуторъ Мотроновку, мѣстопребываніе ихъ. Доѣхавъ до ст. Плиски Курско-Кіевской жел. дор., оттуда на почтовыхъ одинъ перегонъ до г. Борзны, Черниговской губерніи, а изъ города, пройдя пѣшкомъ 3—4 версты по дорогѣ на с. Оленивку, я прибылъ въ страстную субботу въ х. Мотроновку. Хуторъ окружаютъ величественные осокоры, вербы; мѣстность здѣсь лѣсистая, но не похожая на харьковщину или полтавщину, а скорѣе есть первая ступень къ Полѣсью. Большой панскій дворъ, направо клуня, сараи и сарайчики, доходящіе почти до самаго дома. Эта подробность потомъ пригодится. Въ глубинѣ двора средней величины деревянный, соломою крытый домъ, возлѣ дома громадные пирамидальные тополи, а за домомъ непосредственно большой садъ.

Вхожу въ переднюю; меня встрѣчаетъ привѣтливо высокаго роста сѣдой, сѣроокій старецъ, съ большой головой и съ сильно выпуклымъ лбомъ; лицо продолговатое, живое, блѣдное, лишенное растительности, кромѣ сѣдыхъ усовъ; это былъ господарь хутора Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Только при поворотѣ въ сторону головы я уловилъ сходство въ чертахъ лица съ фотографіей его; видно, что фотографировался П. А. еще въ молодыхъ лѣтахъ. Убранство комнатъ самое простое. Вотъ къ намъ выходитъ высокая дама съ просѣдью въ курчавыхъ волосахъ, съ каримы глазами, отѣненными черными бровями, съ лицомъ умнымъ, красивымъ; видно, что въ молодости это была весьма красивая женщина.

— Вотъ вамъ и Ганна Барвинокъ:—сказалъ Пантелеймонъ Александровичъ—т. е. Александра Михайловна, моя дружына! Она только и держитъ меня на свѣтѣ, безъ нея я давно бы ad patres!.. Она ангелъ хранитель мой! Я васъ, землякъ, немножко знаю по слухамъ; а все таки, признайтесь, что васъ влекло къ намъ? Про васъ мнѣ говорила моя племянница.

— Да просто желаніе видѣть васъ обоихъ, щирыхъ и удивительныхъ для меня тружениковъ на украинской нивѣ. Вы вѣдь раритеты.

— Спасибо, спасибо! однако, и вы смѣлы, посѣщая человѣка, котораго считаютъ ренегатомъ, измѣнникомъ, чуть не политическимъ преступникомъ. У меня прогостилъ какъ-то съ полдня жандармскій офицеръ; такой милый, умный человѣкъ; гдѣ-то мы съ нимъ встрѣчались... Мои земляки, по возвращеніи моемъ изъ заграницы, выбрали меня сейчасъ же почетнымъ мировымъ судьею, слѣдовательно, не придали никакого значенія этимъ бабьимъ сплетнямъ... Ну, скажите, что подѣлываютъ ваши харьковцы?

Я назвалъ нѣсколько фамилій, которыхъ П. Ал., оказалось, зналъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Мое знакомство съ ними и воспоминанія ихнія о немъ увѣрили П. А., что къ нимъ въ домъ прибылъ человѣкъ, заслуживающій въ извѣстной степени довѣрія.

На другой день прибылъ братъ Александры Михайловны, г. Бѣлозерскій, привезъ газеты. П. А. съ жадностью взялся читать ихъ. Экономическая сторона жизни Кулишей была въ плохомъ видѣ: они не могли выписывать ни одной путной газеты. Редакція „Южнаго Края“ долго высылала имъ безплатно свою газету. Александра Михайловна сама вела сельское хозяйство, была и на полѣ, но такъ уставала въ хлопотахъ, что иногда прямо таки падала, по ея словамъ, среди поля отъ усталости и безсилія. Они собирались тогда отдать свой небольшой хуторъ, около 50 десятинъ, въ аренду какому-то поляку, по рекомендаціи нотаріуса г. Борзны, тоже поляка. Какъ-то явился и будущій арендаторъ, темно-рыжій уроженецъ Сибири... Я не совѣтовалъ отдавать П. А. въ аренду хуторъ уроженцу Сибири. Ниже я скажу, что случилось.

Въ разговорахъ съ П. А. я старался не касаться предметовъ, непріятныхъ для П. А., не спрашивалъ о прошломъ, предоставляя ему самому, сообразно его взгляду на меня, высказаться, познакомить меня съ собою болѣе интимно. Какъ-то я спросилъ П. А., чѣмъ онъ теперь занятъ, что пишетъ. Онъ повелъ меня въ свой рабочій кабинетъ, не имѣвшій никакихъ ровно украшеній, обстановки, а просто стоялъ его рабочій, простецкій столъ, деревянный стулъ и рабочее кресло, деревянное,

старосвѣтское. П. А., положа руку на колопку въ полъ аршина высоты рукописей, сказалъ мнѣ; „вотъ это переводъ мой Шекспира на малорусскій языкъ... уже я оканчиваю; первый томъ я уже напечаталъ въ Галиціи, да весь тамъ онъ и остался, и не знаю, что тамъ съ нимъ... ну, скажите, ренегатъ, измѣнникъ будетъ-ли заниматься переводомъ Шекспира на малорусскій языкъ? Въ будущность украинской литературы я вѣрую.

— Можетъ быть, сказалъ я, ввела нашихъ земляковъ въ заблужденіе ваша рѣшимость принять австрійское подданство, о чемъ я читалъ въ столичныхъ газетахъ; да таки многихъ это удивило: зачѣмъ, что оно могло дать вамъ? Вѣдь въ положеніи русскаго подданнаго въ Галиціи вы независимы.

— Да, да, вѣрю,—сказалъ П. А.—Видите ли, что за исторія со мною случилась. Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи. Живя во Львовѣ и встрѣчаясь съ русинами, я слышу отовсюду, что галичане дышатъ адскою злобою на поляковъ, а поляки еще больше на галичанъ; мнѣ казалось, что недалеко дѣло было отъ рѣзни. Я напечаталъ „Крашанку“, взывая къ обоимъ о мирѣ, братствѣ, уступчивости, говоря, что религіозная нетерпимость между ними внушена духовенствомъ... Я написалъ извѣстному польскому литератору г. Крашевскому, прося его содѣйствовать мнѣ, печатно повліять на поляковъ въ примирительномъ духѣ. Крашевскій мнѣ отвѣтилъ, что уже онъ старикъ и не имѣетъ достаточнаго вліянія на своихъ соплеменниковъ. Отвѣтъ этотъ хранится у меня и до сихъ поръ. Вотъ однажды встрѣтился я въ ресторанѣ съ давнимъ моимъ знакомымъ полякомъ К—ли, предки котораго, какъ и онъ, были протестантами,—поляки протестанты не фанатичны, — это очень важно. Онъ мнѣ отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму

денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что вы примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ. Князь Сапѣга, личный другъ нашего императора, можетъ очень скоро устроить это дѣло, такъ какъ натурализація у насъ—длинная исторія. Обдумайте предложеніе этихъ пановъ, дня черезъ три мы встрѣтимся и рѣшимъ вопросъ. Суммой потребныхъ вамъ денегъ вы не стѣсняйтесь, такъ какъ эти паны очень богаты; деньги будутъ внесены на ваше имя въ банкъ, откуда вы и будете получать по мѣрѣ надобности". Меня сначала это предложеніе удивило, но зная любовь многихъ поляковъ къ культурѣ и щедрыя ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей, зная рыцарскія качества характера у нѣкоторыхъ изъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію К—ли. Много, вѣдь, внесли галицкіе малороссы тяжкаго, неблагодарнаго труда въ польскую культру, да и теперь вносятъ не въ свою пользу: долгъ платежемъ красенъ... Планъ моей проблематической дѣятельности былъ такой: издавать газету и журналъ на малорусскомъ языкѣ, устроить во Львовѣ женскую гимназію съ интернатомъ для галичанокъ,—матерей будущихъ патріотовъ; на это мнѣ, казалось, довольно полтора милліона гульденовъ. Когда дня черезъ четыре я свидѣлся съ К—ли снова и объявилъ ему мой планъ и потребную мнѣ сумму денегъ, то онъ призналъ мой планъ хорошимъ, а относительно суммы денегъ сказалъ: „паны поляки опредѣлили крайній предѣлъ въ два милліона гульденовъ, а потому сумму эту меньшую вамъ они дадутъ, они питаютъ къ вамъ полнѣйшее довѣріе. Итакъ, вы рѣшились, значитъ, принять австрійское подданство; такъ подавайте скорѣй прошеніе австрійскому императору о принятіи васъ". На это я сказалъ, что я сначала подамъ просьбу русскому Царю о дозволеніи мнѣ принять австрійское подданство и, получивши такое дозволеніе, потомъ уже подамъ и ихъ цезарю. Я считаю такъ сдѣлать приличнымъ, честнымъ. Такое прошеніе я и послалъ въ Питеръ. Вотъ почему и было въ газетахъ объявлено о моемъ намѣреніи принять австрій-

ское подданство. Вскорѣ послѣ этого свиданія съ К—ли, ко мнѣ какъ-то входитъ стремительно въ номеръ гостинницы какой-то польскій графъ, какъ онъ себя назвалъ,—а ихъ въ Польшѣ много,—съ молодымъ человѣкомъ, какъ оказалось, своимъ племянникомъ, и весьма энергично приглашаетъ меня на обѣдъ литераторскій, гдѣ будутъ и мои знакомые польскіе литераторы, при этомъ племянникъ говоритъ, что его дядя глухой очень, а потому разговаривать съ нимъ очень трудно, что и онъ съ своей стороны проситъ меня не отказываться. Кое что обдумавши, я согласился. Со многими польскими писателями я былъ хорошо знакомъ, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ чистокровные русины, люди способные; въ польскомъ лагерѣ ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями... Этимъ обстоятельствомъ, мнѣ кажется, объяснить слѣдуетъ отсутствіе въ Галиціи выдающихся писателей среди галицкихъ малороссовъ. На обѣдѣ стали поляки по адресу мнѣ говорить рѣчи, трактуя меня, какъ представителя Украины. Понятно, что я не могъ согласиться принять на себя такую роль, такъ какъ ни единый украинецъ меня на это не уполномачивалъ, и, думая, что такія рѣчи могутъ меня скомпрометировать въ глазахъ всѣхъ русскихъ, я отвѣчалъ полякамъ на обѣдѣ съ своей стороны рѣчью, заявляя, что я не могу брать на себя роли представителя Украины, всей южной Руси, и усиленно въ рѣчи моей отвѣтной выставлялъ на видъ полякамъ то, что я есть чистаго украинскаго козацкаго роду человѣкъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Гонты, Желѣзняка, Наливайка. Я не думалъ поступаться полякамъ ничѣмъ и ни за что отъ моихъ украинскихъ традиціонныхъ убѣжденій,—они въ моей натурѣ. Я не думалъ, что на другой день появятся въ польскихъ газетахъ рѣчи, за этимъ обѣдомъ сказанныя. Утромъ читаю газеты: рѣчи поляковъ напечатаны, а моей нѣтъ. Я пишу сказанную мною рѣчь и несу въ редакцію, прося напечатать; отказъ въ одной, отказъ получаю въ другой и въ третьей; я прошу К—ли помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ничего не выходитъ. Тогда во Львовѣ встрѣтился мнѣ случайно знакомый редакторъ провинціальной польской газеты,—вотъ этотъ и напечаталъ мою рѣчь. Эта исторія меня озадачила; я во всемъ этомъ дѣлѣ уви

дѣлъ лукавство, преднамѣренное желаніе меня скомпрометировать въ глазахъ русскаго правительства и въ глазахъ моихъ земляковъ. Обо всемъ, что со мною случилось особеннаго, я писалъ въ Вѣну моему другу, галичанину, члену вѣнской университетской корпораціи... Поляки дѣлаютъ мнѣ визиты, я имъ отвѣчаю, они крайне любезны, внимательны; даже князь Сапѣга или былъ у меня въ небытность мою дома, во время своего пріѣзда во Львовъ, или же прислалъ карточку визитную. Надо вамъ знать, что кн. Сапѣга есть ополячившійся потомокъ древнихъ православныхъ княжескихъ украинскихъ родовъ, что онъ признаетъ и теперь... Вскорѣ послѣ всего этого я получаю изъ Вѣны отъ моего друга письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ мнѣ не довѣряться полякамъ, что ими предпринимается одно весьма нечестное дѣло по отношенію къ Галиціи, о чемъ я на дняхъ узналъ изъ газетъ. Сначала я отнесся къ этому съ предубѣжденіемъ, такъ какъ говорилъ галичанинъ-русинъ. Какъ вотъ въ въ скорости газеты оповѣстили объ отдачѣ уніатскихъ базиліанскихъ богатыхъ монастырей галицкихъ въ руки іезуитовъ, а также и образованія и воспитанія галицкаго духовенства. Это было подло, преступно. Утромъ другого дня я уже ѣхалъ на житье въ Вѣну и, конечно, жалѣлъ о подачѣ мною прошенія о разрѣшеніи мнѣ принять австрійское подданство. Въ Вѣнѣ я напечаталъ по нѣмецки брошюру объ уніи, только нѣсколько экземпляровъ я успѣлъ разослать, какъ явилась полиція, и все изданіе конфисковала; въ другой разъ я хотѣлъ ее напечатать въ Лейпцигѣ, но и тамъ чья то рука помѣшала.

Меня упрекаютъ въ полонофильствѣ, въ перемѣнѣ моихъ взглядовъ на козачество въ нашей исторіи. Я не политикъ, я историкъ. Апостолъ Петръ говоритъ о себѣ, что пока онъ былъ дитятею, то и мыслилъ по-дѣтски, по-дѣтски разсуждалъ, а ставши мужемъ, сталъ мыслить, оставивши дѣтское, какъ прилично мужу. Въ 1843 году я напечаталъ въ Кіевѣ мою поэму по малорусски „Украина“; въ ней я говорю, что только и было людей на свѣтѣ, что греки да козаки. Стыдно было бы мнѣ сказать это теперь; но, вѣдь, тогда мнѣ было около 20 лѣтъ, а теперь за 60! Я долго и много изучалъ архивные матеріалы по

исторіи „Украины"; правда, они были по большей части польскіе, а свои я давно зналъ. Если факты, добытые мною, заставляютъ меня перемѣнить мой взглядъ на козачество, то что жъ дѣлать? Жаль, но правда, истина должна быть дороже всего; притомъ все это дѣла давнымъ давно минувшихъ дней, а козачество не наше знамя теперь. Поляки, какъ теперь, такъ и тогда, культурнѣе насъ. Посмотрите, какъ они высоко ставятъ своихъ писателей; какъ они изысканно, роскошно издаютъ. Они купили за громадную сумму у Крашевскаго его сочиненія, а потомъ, прекрасно издавши, подарили ему же. Нужда ихъ научила удивительной солидарности, дружеству, братолюбію... Они ближе къ Европѣ, ихняя культура стародавняя... Пусть убѣдятъ меня относительно козачества въ противномъ, и я откажусь печатно отъ моихъ взглядовъ. Поймите,—я историкъ, а не политикъ. Я не занимался пустомельствомъ, а тогда же я напечаталъ первый томъ моего перевода Шекспира по украински, а также и переводъ Священнаго Писанія Новаго Завѣта „Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ". Ренегатъ, „зрадныкъ" этого дѣлать не станетъ. Какъ историкъ и этнографъ, я относился къ различнымъ мѣропріятіямъ критически, но изъ этого до отдѣленія Малороссіи отъ Россіи, какъ отъ земли до неба! Критическое отношеніе къ явленіямъ общественной жизни есть самосознаніе, желаніе исправиться...

Намъ тычутъ Мазепу, придворнаго пажа польскаго короля. Чѣмъ мы виноваты, что намъ его создали недальновидные московскіе воеводы? А почему не вспомнятъ Кочубея, Искры, Самойловича и другихъ жертвъ любимца Петра I? Послѣ Богдана Хмельницкаго гетманы—ставленники не наши, и мы о нихъ не жалѣемъ, что я высказалъ и печатно, въ романѣ „Липовыя пущи". Да и Шевченко назвалъ ихъ „варшавскимъ смитемъ". Чрезъ все XIX столѣтіе былъ ли хоть какой нибудь политическій процессъ по поводу украинофильства? Я говорю не о пошлой травлѣ іезуитской по принципу „divide et impera", или о единичныхъ мнѣніяхъ, а о настоящемъ политическомъ процессѣ. Вѣдь этого не было. Украинофильство есть свѣтъ, культура, а не политика... У насъ нѣтъ гетманскихъ, вельмож-

ныхъ, аристократическихъ родовъ, некому интриговать и преслѣдовать свои личные политическіе интересы. Процессъ мой, Шевченка и Костомарова есть одно только недоразумѣніе, ревность не по разуму, что уже печатно выяснено не мною однимъ, а и Костомаровымъ. Галицкое, русинское движеніе есть національное; галичане—братья родные намъ малороссамъ, и только мудрый вѣнскій конгрессъ 1815 года отдѣлилъ насъ отъ нихъ... На національной почвѣ я и дѣйствовалъ тамъ, да только она одна и законна и естественна тамъ. Думать, что тамъ сдѣлаетъ что нибудь россійская литература безъ перевода на галицкій языкъ, просто смѣшно: пріѣзди и вижь; ужъ скорѣй польская. Жаль, что въ Россіи не даютъ свободнаго входа галицкимъ изданіямъ, газетамъ, журналамъ; это создало-бы между нами и ими солидарность, поддержало бы галичанъ въ ихъ тяжелой, неравной борьбѣ съ жидами, поляками и нѣмцами... Прочитайте всю 14 главу 1 посланія къ Коринѳянамъ... Многіе галичане обязаны знать три языка: свой, польскій и нѣмецкій. Это имѣетъ свою хорошую сторону... Интересно, что съ М. П. Д. повторилась наша давняя исторія: ему пришлось писать не въ защиту злосчастнаго 1 марта, а противъ, за что россійскіе радикалы анаѳематствовали его... Читали-ли вы его преинтереснѣйшую книжку, за границей напечатанную: „Историческая Польша и великорусская демократія?.“ Шевченка я знаю лучше, чѣмъ кто другой, а также и цѣню ему.

Окно рабочаго кабинета—если можно эту комнату назвать „рабочимъ кабинетомъ“ въ смыслѣ литераторовъ питерскихъ, на что она нимало не походила, выходило въ большой садъ съ огородомъ; это былъ скорѣе гай. Мы вышли въ садъ.

Скажите, П. А., вѣрно-ли то, что говорятъ, будто вы сильно поработали надъ поправкой украинскихъ оповиданъ „Марка Вовчка“?

— Та чыихъ тилькы пелюшокъ я не переполискувавъ?! абы хить та сыла!—сказалъ П. А.

Еще какъ то заговорилъ П. А. о своей службѣ въ Польшѣ, и вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— За службу въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ меня судятъ. Я всегда оставался собою, не измѣнялъ своимъ украинскимъ симпатіямъ. Я былъ знакомъ съ статсъ-секретаремъ Милютинымъ, онъ какъ то представилъ меня князю Черкасскому, сказавши при мнѣ: „князь, абсорбируйте этого завзятого украинофила службой въ Варшавѣ“... Я былъ въ Варшавѣ директоромъ духовныхъ дѣлъ. Постъ былъ весьма важный. Поляковъ фанатизируютъ много ксендзы и іезуиты, и моя задача въ Варшавѣ— я ее самъ себѣ далъ—ослабить, какъ только можно больше, вліяніе іезуитизма, клерикализма; нѣсколько моихъ проектовъ удостоились быть одобренными Императоромъ Александромъ II и получили силу закона. Тѣмъ не менѣе, когда одному польскому епископу за рухавку грозила большая бѣда, я все сдѣлалъ, что могъ, чтобы избавить отъ крупной непріятности почтеннаго прелата, и князь Черкасскій уступилъ...

Когда князя Черкасскаго не стало, и повѣялъ не тотъ вѣтеръ, мнѣ поставленъ былъ силокъ, но я въ него не поймался. Дѣло было такъ: на мое имя получена была по почтѣ посылка изъ Галиціи съ книгами, которой я совсѣмъ не ждалъ. Бергъ, намѣстникъ, приглашаетъ меня и говоритъ о ней; я сразу понялъ, что тутъ ловушка. Посылка безъ меня была вскрыта, на что никто не имѣлъ права, такъ какъ я, какъ директоръ духовныхъ дѣлъ, имѣлъ въ своемъ портфелѣ бумаги секретныя, государственной важности; я полюбопытствовалъ осмотрѣть посылку: въ ней были галицкія, русинскія изданія и воззваніе, по малоруски, обращенное ко мнѣ, которое, конечно, легко было напечатать въ одномъ экземплярѣ. Все-таки я отказался принять посылку. Бергъ предложилъ мнѣ печатно отказаться отъ моихъ украинофильскихъ симпатій, убѣжденій (странное требованіе!...), или выйти въ отставку; я, конечно, отказался удовлетворить его желаніе и предпочелъ выйти въ отставку.

Вечеръ передъ моимъ выѣздомъ мы провели въ комнатѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Александры Михайловны Кулишъ, портретъ небольшой, но хорошій; его рисовалъ самъ Пант. Александровичъ; видно, что любовь рисовала его. Я не подозрѣвалъ, чтобы П. А. обладалъ даромъ художника. Меня попросили спѣть,

что и какъ умѣю, изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ П. А. мое небольшое умѣнье пѣть народныя малорусскія пѣсни было извѣстно отъ его племянницы; я радъ былъ исполнить желаніе гостепріимныхъ хозяевъ, къ счастью, я былъ въ голосѣ. На прощанье П. А. подарилъ свой переводъ: „Псалтырь“,—переспивъ украинскій, Павла Ратая“, съ надписью: Веселый Ратай спивочому погонычови М. Ф. Л.“.

Моя рѣдкая переписка съ П. А. продолжалась до половины 1896 года. Въ одномъ изъ писемъ онъ извѣщалъ меня, что его домъ и всѣ постройки сгорѣли отъ поджога, причемъ погорѣло много всякаго добра и литературнаго. Экономическое положеніе ихъ и безъ того было плохое, а пожаръ еще ухудшилъ его. Причину пожара онъ видѣлъ въ сказанномъ сибирскомъ полякѣ: это была или месть арендатору отъ сосѣдей—крестьянъ за неправды, претерпѣваемыя ими отъ арендатора, или же... много хлѣба свезеннаго во дворъ сгорѣло, но хлѣбъ арендаторъ хорошо застраховалъ, а потому въ убыткѣ онъ не былъ, получивши страховую премію, а Кулиши понесли непоправимый убытокъ. Отсутствіе независимыхъ средствъ къ жизни всегда тормозило литературную дѣятельность П. А. До конца своей жизни онъ ни пенсіи, ни пособія отъ литературнаго фонда не получалъ.

Литературная дѣятельность П. А. Кулиша довольно подробно разобрана въ книгѣ: „Очерки украинской литературы XIX стол.“ профессора Петрова, (Кіевъ, 1884 г.). Профессоръ Петровъ говоритъ: „Вотъ лебединая его пѣсня (Кулиша), напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 г.!“ „И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханый...“ (стр. 296). Но это мнѣніе почтеннаго профессора крайне невѣрно: въ то время, какъ проф. Петровъ издалъ свою книгу, въ 1884 г. кіевской цензурой была разрѣшена для печати по малорусски стихами драма г. Кулиша „Байда, кн. Вышневецкій“. (Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 февраля 1884 г., какъ показано на книгѣ), напечатана эта драма тогда же въ С.-Петербургѣ. Далѣе П. А. писалъ мнѣ, что имъ написана по-малорусски трилогія: „Байда“, „Сагайдачный“ и „Налывайко“; цензура разрѣшила

печатать „Байду“, а тѣхъ двухъ не разрѣшила, и онъ намѣренъ былъ ихъ передѣлать. Кромѣ того, послѣ 1884 г. имъ напечатаны были: переводъ книги Товита на малорусскій языкъ, малорусскій сборникъ—„Дзвинъ“,—повѣсть въ какомъ то питерскомъ журналѣ, гдѣ онъ описалъ свой молодой вѣкъ,—три большихъ тома по исторіи Малороссіи „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654); въ 1896 г. въ „Русскомъ Обозрѣніи“ напечатана большая статья его: „Украинскіе паны и козаки“, но я думаю, что еще не всѣ его литературные труды послѣ 1884 года мною указаны. Вмѣстѣ съ этимъ невѣрнымъ взглядомъ на дѣятельность П. А. Кулиша, теряетъ силу и другое обвиненіе его со стороны г. Петрова, что будто г. Кулишъ все писанное имъ по малорусски въ послѣднее время предназначалъ для Галиціи, а не для Россіи... Что можно было печатать на Руси, то и печаталось. Сверхъ того, на основаніи всего сказаннаго, теряетъ всякое значеніе и тяжкое обвиненіе П. А. Кулиша, предъявленное къ нему профессоромъ Петровымъ, въ началѣ нашей замѣтки сказанное, что г. Кулишъ есть „*измѣнникъ и врагъ своей народности*“, что такъ о немъ судили яко бы украинцы россійскіе и галицкіе. Такого отзыва намъ нигдѣ, ни у кого, кромѣ какъ въ книгѣ проф. Петрова, читать и слышать не приходилось, да такой измѣны, вражды и не было. Намъ кажется, что г. Кулишъ украинофилъ больше, чѣмъ кто другой, что говорятъ его литературные труды, и такимъ онъ былъ отъ юности и до могилы. На дняхъ я получилъ отъ Александры Михайловны Кулишъ письмо, которое говоритъ, что П. А. умеръ за литературною работою на малорусскомъ языкѣ. Посылая мнѣ свою драму „Байда“, онъ писалъ, между прочимъ... „Оце мызерного гостыньця тоби, мій друже козарлюго, шлю, щобъ знавъ яку гирку я чашу пью. Нема на свити правды—отъ що горе! іи, мовлявъ той старець, не зыскать; хиба пійты на Чорне море, щобъ на гакахъ по Байдовски сконать“. А въ прологѣ въ этой драмѣ напечатано такъ:

„О Музо Мельпомено, правды маты!
„Дай намъ тоби достойно послужыты,
„Народній духъ за занепаду пиднаты,
„Гасытеливъ его посоромыты“.

Слѣдовательно, драма „Байда“ имѣетъ большое значеніе для уясненія психики П. А. Кулиша.

Какъ объяснить очень рѣзкіе отзывы П. А. Кулиша о своихъ друзьяхъ, членахъ тріумвирата украинофильскаго, Шевченкѣ и Костомаровѣ? Я объясняю это только однимъ:—несходствомъ своихъ воззрѣній съ ними на козачество и ляхоненавистничество ихъ: „Гайдамаки“ Шевченка и „гетманъ Богданъ Хмельницкій“ Костомарова. Нѣчто схожее, по рѣзкости, еще большей, но только въ юмористическомъ духѣ, сказано было г. Кулишомъ въ г. Полтавѣ въ большомъ обществѣ: на жалобы полтавцевъ, Пантелеймонъ Александровичъ отвѣтилъ притчею о козакѣ, который, сидя на стернѣ, латаетъ свои штаны и ругаетъ вражью стерню, что она его колетъ. Но суть, соль дѣятельности г. Кулиша не въ этихъ рѣзкостяхъ, мелочахъ. Пантелеймонъ Александровичъ напоминаетъ мнѣ типъ древнихъ пророковъ.

Профессоръ Петровъ въ своей книгѣ говоритъ: „Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ г. Кулиша указываетъ на подвижной и энергичный талантъ; но въ немъ были извѣстныя неровности и увлеченія“ (стр. 268). Мнѣ кажется, справедливо будетъ сказать о П. Л. Кулишѣ, что онъ былъ человѣкъ необыкновенно даровитый и трудолюбивый; натура страстная, властная, человѣкъ чрезвычайно симпатичный, честный, отзывчивый; поэтъ, беллетристъ, историкъ и отчасти художникъ; знавшій прекрасно современное ему общество и стоявшій цѣлой головой выше его, всей душой любившій свою Украину; это господарь, явившійся въ свое наслѣдіе и заставшій въ немъ запустѣніе на мѣстѣ святѣ, и вотъ ревность по наслѣдію снѣдаетъ его... и начавши съ 20-ти лѣтъ „подвигомъ добрымъ подвизаться“, заканчиваетъ подвигъ свой на 77-мь году своей многотрудной жизни, т. е. 50 лѣтъ слишкомъ литературной работы. Онъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ, вліяніе его было большое!

Пант. Ал. зналъ языки: французскій, италіанскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій, сербскій, чешскій, польскій и латинскій.

Изъ письма, полученнаго мною отъ жены покойнаго П. А. Кулиша, Александры Михайловны Кулишъ, 21 февраля видно, что Пантелеймонъ Александровичъ умеръ отъ простуды послѣ

8-дневной болѣзни, 2 февраля; у него въ домѣ былъ такой холодъ, что онъ долженъ былъ писать въ теплыхъ перчаткахъ. Въ послѣднія минуты передъ смертью онъ рукою долго писалъ по воздуху и такъ умеръ. Двѣ пары любимыхъ покойнаго воловъ, которыхъ онъ кормилъ бывало хлѣбомъ изъ собственныхъ рукъ, и которые, бывало, завидя его идущимъ къ нимъ въ поле во время оранки, съ плугомъ бѣжали къ нему на встрѣчу,—такъ вотъ эти двѣ пары воловъ были запряжены въ сани, и на нихъ былъ поставленъ гробъ съ покойнымъ господаремъ воловъ своимъ, и они отдали ему свой послѣдній долгъ: отвезли своего господаря въ церковь, въ сопровожденіи двухъ священниковъ, хора пѣвчихъ и множества народа; а изъ церкви покойникъ былъ привезенъ домой на хуторъ и похороненъ въ своемъ саду, на мѣстѣ, имъ выбранномъ.

Автобіографіи своей, по словамъ А. М. Кулишъ, П. А. не писалъ и говорилъ, что много его писемъ къ частнымъ лицамъ и сочиненія его замѣняютъ автобіографію.

М. Лободовскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго [1]). Въ дѣлахъ Архива Св. Синода нашлось нѣсколько свѣдѣній *о началѣ Кіево-Андреевской церкви и о послѣдующей судьбѣ ея.*

Мы не будемъ повторять преданія о водруженіи св. Ап. Андреемъ креста на кіевскихъ горахъ около 40 года по Р. Хр.; не будемъ говорить о княжескомъ теремѣ, стоявшемъ будто-бы въ древности въ этой мѣстности; не скажемъ ничего и о построенной въ 1212 г. великимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ (Удалымъ) Воздвиженской церкви, находившейся нѣсколько ниже нынѣшней Андреевской церкви;—но обратимся къ тому, какія свѣдѣнія объ этой церкви даютъ намъ архивныя дѣла.

Кіевская Андреевская церковь называется «славнымъ памятникомъ Елисаветинскаго царствованія и талантовъ знаменитаго архитектора графа Растрелли». Нынѣ существующій храмъ заложенъ собственноручно императрицею Елисаветою Петровной, въ бытность ея въ Кіевѣ въ августѣ 1744 года. Мѣсто для храма было освящено кіевскимъ митрополитомъ *Рафаиломъ* (Заборовскимъ) [2]), и на предполагаемомъ мѣстѣ престола былъ поставленъ крестъ. Постройка же храма совершилась гораздо позже этого времени.

---

[1]) Данныя эти собраны нами еще въ 1895 г., по требованію Г. кіевскаго генералъ-губернатора, и въ извлеченіи представлены въ Кіевъ. Въ настоящее время считаемъ не лишнимъ напечатать ихъ, въ виду поднятаго Ѳ. И. Титовымъ вопроса о томъ, что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево-Андреевской церкви. Хотя наша статья и не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но сообщаетъ данныя, почему-то не найденныя въ мѣстныхъ архивахъ.

[2]) Преосвящ. Рафаилъ Заборовскій былъ архіепископомъ кіевскимъ съ 1731 г., въ 1743 г. возведенъ въ санъ митрополита; † 22 окт. 1747 г.

Въ 1749 году 5 января, кіевскій митрополитъ *Тимоѳей* (Щербацкій) [1]) между прочимъ писалъ секретарю Ея Величества тайному совѣтнику барону Черкасову слѣдующее: [2]) «Во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Кіевѣ на бастіонѣ (бывшей Софійской крѣпости), покойнымъ преосвященнымъ Рафаиломъ митрополитомъ кіевскимъ мѣсто оное, гдѣ церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго имѣетъ быть состроена, по чиноположенію церковному, освящено, а гдѣ престолу было быть, тамо крестъ поставленъ; нынѣ же господинъ брегадиръ Ив. Матѳ. Власіевъ объявилъ мнѣ, что тотъ бастіонъ надобно вовсе срѣзать, а гдѣ крестъ поставленъ, тамо имѣетъ быть оной церкви стѣна, а не престолъ;—и требовалъ онъ, господинъ брегадиръ, чтобъ я тотъ поставленный крестъ съ показаннаго мѣста велѣлъ снять;—только-де я того учинить не смѣлъ безъ особливѣйшаго повелѣнія отъ Ея Императорскаго Величества, почему Вашего Высокопревосходительства покорно прошу Ея Императорскому Величеству о вышеозначенномъ донесть, и, какое отъ Ея Императорскаго Величества будетъ повелѣніе, мнѣ объявить»...

Баронъ Черкасовъ 10 февраля 1749 г. сообщилъ синодальному члену, переяславскому архіепископу Арсенію (Могилянскому), что государыня соизволила Всемилостивѣйше указать по тому письму разсмотрѣніе учинить Святѣйшему Синоду».

Разсмотрѣвъ дѣло, Святѣйшій Синодъ 16 февраля 1749 г. послалъ митрополиту кіевскому Тимоѳею (Щербацкому) указъ о томъ, «дабы его преосвященство вышеупомянутый, поставленный при освященіи на назначенномъ подъ строеніе во имя св. ап. Андрея Первозваннаго церкви, гдѣ было быть престолу, мѣстѣ св. крестъ, не премѣняя подписанной на немъ о времяни, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, подписи ни въ чемъ и не чиня уже вторично церковной о водруженіи креста церемоніи, съ того мѣста, за предписанное—что на ономъ мѣстѣ имѣетъ быть тоя церкви стѣна—вынословіе, снять, и когда будетъ къ строенію оныя церкви мѣсто пріуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, паки поставить»...

---

[1]) Преосвящ. Тимоѳей Щербацкій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 10 марта 1748 г. до 22 окт. 1757 года; † московскимъ митрополитомъ 18 апр. 1767 г.

[2]) Дѣло Архива Св. Синода 1749 г. № 113.

На такой синодальный указъ, кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій 15 марта 1749 года отвѣчалъ слѣдующее: «За силу полученнаго Ея Императорскаго Величества господиномъ брегадиромъ Ив. М. Власіевымъ изъ канцеляріи отъ строеній указа, прежде полученія мною изъ Св. Синода указа, вышеупомянутый поставленный св. крестъ съ того мѣста, при присутствіи моемъ, снятъ и поставленъ въ пристойномъ мѣстѣ; на ономъ же крестѣ о времени, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, надпису никакова, по осмотру моемъ, не явилось; а когда будетъ къ строенію оныя церквы мѣсто пріуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, паки оной крестъ, при присутствіи моемъ, имѣетъ быть поставленъ»...

Заслушавъ присланный отвѣтъ митрополита, Св. Синодъ 24 апрѣля 1749 г. опредѣлилъ сдѣлать митрополиту замѣчаніе за снятіе креста до полученія синодальнаго указа, но митрополитъ 12 іюня 1749 г. отвѣчалъ, что бригадиръ Власіевъ ему объявилъ, «что изъ канцеляріи отъ строеній резолюція на то есть уже, а вышней на то резолюціи, яко чрезъ докладъ Ея Императорскому Величеству, ожидать и тѣмъ Ея Императорскаго Величества утруждать нужды не усматривается;—чего для въ томъ учинить его высокородію по вышеписанному, не ожидая на то резолюціи, дабы чрезъ дальной путь въ переписках дѣло фундамента и строенія церквы остановитца не могло»...

По свойству мѣстности предназначавшейся для постройки Андреевской церкви, требовалось начать кладку фундамента съ большой (до 20 саж.) глубины, почему работа продолжалась около 17 лѣтъ.

Только въ 1767 году встрѣчаемъ рапортъ кіевскаго митрополита *Арсенія* (Могилянскаго) [1]), отъ 25 августа, объ окончаніи постройки и объ освященіи Андреевской церкви. Митрополитъ писалъ: [2]) «Сего 1767 года августа 7-го дня, его высокопревосходительство генералъ-аншефъ кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и кавалеръ Ѳедоръ Матвеевичъ Воейковъ письменнымъ сообщеніемъ мнѣ для надлежащаго исполненія объявилъ, что, въ бытность его въ Москвѣ, Ея Императорское Величество (Императрица Екатерина II) всевысочайше именнымъ словеснымъ повелѣніемъ соизволила ему указать, чтобъ кіевская св. апостола Андрея Первозваннаго церковь была въ не-

[1]) Преосвящ. Арсеній Могилянскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 22 окт. 1757 г.; † 8 іюня 1770 года.

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

продолжительномъ времени освящена; во исполненіе коего.... оная церковь, по заготовленіи всѣхъ ко освященію и священнослуженію потребностей, мною сего *августа 19-го дня*, по уставу и чину, бываемому на освященіе церкви новопоставленной, соборнѣ *освящена*, и для исправленія въ ней священнослуженія опредѣлены отъ мене, до указу, священнослужители и прочее потребное отъ каѳедральнаго моего монастыря:...

Такимъ образомъ, если временемъ закладки Андреевской церкви считать августъ 1744 года, то до освященія церкви, на постройку оной потребовалось *ровно 23 года*.

Коснемся теперь *дальнѣйшей судьбы* этой церкви. Достоинъ особеннаго вниманія прежде всего тотъ фактъ, что этотъ грандіознѣйшій и замѣчательнѣйшій по архитектурѣ и красотѣ храмъ нѣкоторое время не имѣлъ ни опредѣленныхъ средствъ къ содержанію, ни утвержденнаго штата, ни даже ризницы, и въ 1786 г., отъ несмотрѣнія ли, или отъ другихъ какихъ-либо причинъ, сталъ разрушаться. Вотъ что говорятъ объ этомъ архивныя данныя [1]).

Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ 18 августа 1768 года представила государынѣ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ «объ опредѣленіи къ новопостроенной въ Кіевѣ каменной Андреевской церкви священно-и церковнослужителей и о производствѣ имъ жалованья изъ доходовъ кіевскаго магистрата». Въ докладѣ выяснялось, что Андреевской церкви, «для безнужнаго содержанія жалованьемъ священно-и церковнослужителей, удобнѣе не соборною, но ружною церковью остаться», и производить изъ суммъ кіевскаго магистрата жалованье—первенствующему священнику 120 р., второму священнику 100 р., діакону 70 р., двумъ дьячкамъ по 40 р. каждому, двумъ пономарямъ по 30 р. каждому и просфорнѣ 20 р. въ годъ, всего 450 р. въ годъ; затѣмъ—назначенному къ Андреевской церкви царскосельскому протопопу Якову Мултянскому производить по смерть изъ суммъ Ея Величества по 150 р въ годъ, по 25 четвертей ржаной муки, по 24 четв. овса и изъ казенныхъ луговъ для сѣннаго покосу 8 десятинъ;—все жалованье производить по третямъ года;—относительно же средствъ на устройство ризницы и на удовлетвореніе другихъ цер-

[1]) Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

ковныхъ нуждъ, предлагалось кіевскому митрополиту и кіевскому генералъ-губернатору представить мнѣніе.

Такой докладъ комиссіи былъ Высочайше утвержденъ 28 августа 1768 года, а 13-го сентября того же года содержаніе Высочайше утвержденнаго доклада комиссіи о штатахъ Андреевской церкви было сообщено кіевскому митрополиту Арсенію (Могилянскому).

Въ 1769 г. митрополитъ и генералъ-губернаторъ представили свои мнѣнія объ ежегодномъ отпускѣ на нужды Андреевской церкви по 113 р. 22 коп.,—но дѣло это осталось нерѣшеннымъ... Архивныя же данныя говорятъ, что денежныя средства Андреевской церкви были далеко не въ блестящемъ состояніи.

Такъ, 20 августа 1778 года, протопопъ Андреевской церкви Яковъ Мултянскій доносилъ кіевскому митрополиту *Гавріилу* (Кременецкому) [1]), что онъ Мултянскій, въ 1773 г. ѣздилъ въ Петербургъ и докладывалъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ о нуждахъ Андреевской церкви, затѣмъ собралъ въ Петербургѣ «отъ нѣкіихъ боголюбцовъ» небольшую ризницу и возвратился въ Кіевъ, а въ Петербургѣ «для хожденія по дѣлу церковному» (объ устройствѣ ризницы и прочей церковной утвари) оставилъ діакона Андреевской церкви Алексѣя Аркудинскаго, но вотъ прошло съ того времени уже пять лѣтъ; діаконъ Аркудинскій уже сдѣланъ игуменомъ Далматова монастыря тобольской епархіи и нареченъ Адамомъ;—привезенная изъ Петербурга ризница «приходитъ уже въ крайнее обветшеніе»,—а изъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ «никакой резолюціи не слыхать»... Правда, игуменъ Адамъ въ 1777 г. писалъ ему, Мултянскому, что «того-жъ года изъ Св. Синода посланы указы о выдачѣ св. сосудовъ изъ епархій, а на ризы и на прочее полагается-де сумма, только изъ какихъ именно епархій и какая сумма положена на ризницу, не означилъ, нынѣ же дѣлается-ли что въ пользу церкви святой, и по сіе время неизвѣстно»...

Такое доношеніе протоіерея Мултянскаго митрополитомъ Гавріиломъ (Кременецкимъ) 27 августа 1778 г. было представлено въ Св. Синодъ, а Св. Синодъ 18 октября отправилъ его въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ... Дальнѣйшихъ же свѣдѣній о ходѣ этого дѣла не имѣется.

Въ 1786 году 1 апрѣля кіевскій митрополитъ *Самуилъ* (Мисславскій) [2]) вновь поднимаетъ вопросъ «о неимѣніи при Андреевской

[1]) Преосвящ. Гавріилъ Кременецкій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 1770 года; † 8 авг. 1783 года.

[2]) Преосвящ. Самуилъ Мисславскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1782 года; † 5 янв. 1796 года.

церкви приличной ризницы и другихъ церковныхъ утварей съ свящ. сосудами», да вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ Св. Синоду и о томъ, «что и священнослуженіе въ той церкви исправлять почти невозможно по причинѣ бываемой надъ самымъ жертвенникомъ течи, отъ которой-де иногда и извѣсть падаетъ» [1]).

Св. Синодъ разрѣшаетъ митрополиту взять для Андреевской церкви ризницу и утварь изъ упраздненныхъ кіевскихъ монастырей, вопросъ-же о ремонтѣ церкви остается нерѣшеннымъ. Вотъ что отвѣчалъ Св. Синодъ кіевскому митрополиту 15-го іюня 1786 года:

«Какъ нынѣ, вслѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, даннаго Св. Синоду сего года апрѣля въ 10-й день, многіе состоящіе сверхъ штата въ кіевской епархіи монастыри слѣдуютъ ко упраздненію и обращенію въ приходскія церкви, въ которыхъ и церковной утвари должно остаться довольному числу, для того вашему преосвященству означенную Андреевскую церковь приличною ризницею и другою церковною утварью и сосудами, сколько въ дополненіе къ прежнимъ потребно, снабдивъ и удовольствовавъ изъ означенныхъ упраздняемыхъ монастырей; сколько-жъ и откуда чего отпущено будетъ, о томъ Св. Синоду отрепортовать».

Это и было исполнено митрополитомъ 30-го октября 1786 года. Представленная митрополитомъ «Опись, учиненная въ кіевской дикастеріи, каковою, въ силу указа Св. Синода, состоящая въ Кіевѣ ружная св. ап. Андрея Первозваннаго церковь изъ упраздненнаго Кіево-Кирилловскаго монастыря ризницею и другою церковною утварью и сосудами удоволствована»,—показываетъ, что въ Андреевскую церковь изъ указаннаго монастыря поступило: 10 ризъ, 10 подризниковъ, 10 епитрахилей, 20 поручей, 3 пояса, 2 набедренника, 6 діаконскихъ стихарей, 6 орарей, 9 воздуховъ, 2 катапетасмы, 6 платковъ, 12 налойныхъ покрывалъ, 2 евангелія, 3 служебника, 1 требникъ, 4 креста, 1 гробница, 1 потиръ, 2 дискоса, 2 лжицы, 1 копіе, 2 кадильницы, 4 лампады, сосуды подъ вино и елей, подсвѣчникъ, зеркало, рукомойникъ, тазъ и проч.

Итакъ, *чрезъ 20 лѣтъ послѣ освященія Андреевская церковь получила* мало-мальски сносную *ризницу и утварь.*

Теперь другая бѣда была въ томъ, что не было денегъ на *ремонтъ*,—и образовавшаяся въ 1785 г. течь вмѣстѣ съ другими при-

[1]) Митрополиту же донесено было объ этомъ протоіереемъ Андреевской церкви Іосифомъ Каменскимъ 21 февр. 1784 г. и 10 дек. 1785 года.

бавлявшимися годъ отъ году неисправностями, мало по малу разрушали этотъ замѣчательный храмъ.

Вопросъ о капитальномъ ремонтѣ Андреевской церкви, послѣ 30-ти лѣтняго разсматриванія и рѣшенія въ мѣстныхъ и высшихъ учрежденіяхъ, былъ проведенъ и приведенъ почти къ желанному концу митрополитомъ кіевскимъ *Серапіономъ* (Александровскимъ)[1]. По дѣламъ Архива[2], можно хотя-бы приблизительно возстановить ходъ этого интереснаго и въ высшей степени важнаго дѣла.

Мы уже видѣли, что Высочайшимъ повелѣніемъ 28 августа 1768 года положено было производить изъ доходовъ кіевскаго магистрата на жалованье причту и просфорнѣ по 450 р. въ годъ; «въ разсужденіи же потребной на церковныя потребы на починки и на все ея содержаніе особливой суммы, обстоятельство сіе предоставлено было разсмотрѣть кіевскому митрополиту и генералъ-губернатору на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы они, сдѣлавъ о семъ положеніе свое, представили оное въ духовную коммиссію; до Высочайшей же конфирмаціи, содержаніе таковое производить изъ тѣхъ же городскихъ доходовъ». Въ 1769 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ и митрополитъ Арсеній (Могилянскій), полагая на потребы Андреевской церкви по 113 р. 22 коп. въ годъ, внесли объ этомъ представленіе въ коммиссію о церковныхъ имѣніяхъ; коммиссія въ 1775 г. докладывала объ этомъ Св. Синоду, но... дѣло осталось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ церковь требовала ремонта,—въ 1785 г. образовалась надъ жертвенникомъ течь. На основаніи указаннаго Высочайшаго повелѣнія (28 авг. 1768 г.), кіевскій магистратъ въ 1786—1787 гг. «на репорацію» и въ 1800 г. на ощекатурку церкви употребилъ изъ городскихъ суммъ 7654 р. 35 коп.;—а въ 1801 г. магистратъ чрезъ губернатора Коробьина требовалъ отъ Андреевской церкви уплаты денегъ, израсходованныхъ на ремонтъ; но въ Андреевской церкви нашлось только 700 руб., каковыя деньги, съ разрѣшенія кіевскаго митрополита *Гавріила* (Бодони)[3], и были отданы магистрату.

---

[1]) Преосвящ. Серапіонъ Александровскій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 11 дек. 1803 года; 24 янв. 1822 г. уволенъ на покой; † 14 сент. 1824 года.

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1816 г. № 969 и дѣло канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода 1816 г. № 5334.

[3]) Преосвящ. Гавріилъ Бодони (Банулеско) былъ кіевскимъ митрополитомъ въ 1799—1803 гг.; затѣмъ уволенъ на покой; въ 1808 г. назначенъ Экзархомъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; въ 1813 г. — митрополитомъ кишиневскимъ; † 30 марта 1821 года.

Въ 1804 г. митрополитъ Серапіонъ (Александровскій), чрезъ кіевскаго военнаго губернатора Тормасова, началъ ходатайство объ отпускѣ изъ казны на нужды Андреевской церкви по 226 р. 44 коп. въ годъ. Губернаторъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, министръ—къ синодальному оберъ-прокурору, оберъ-прокуроръ предложилъ дѣло на разсмотрѣніе Св. Синода и Св. Синодъ выразилъ согласіе на нужды Андреевской церкви отпускать ежегодно по 226 р. 44 коп. «изъ суммы на духовный департаментъ положенной»,—что и было Высочайше конфирмовано 16 декабря 1804 года.—Послѣ этого бывшій въ Кіевѣ «комитетъ для управленія городскихъ повинностей» рѣшилъ выдавать на Андреевскую церковь только по 450 р. въ годъ жалованья причту, что и было вновь Высочайше утверждено 7 августа 1806 года съ присовокупленіемъ, что «никакая новая статья расхода на ту церковь изъ городскихъ суммъ не можетъ существовать безъ особаго Высочайшаго на то повелѣнія».—Въ томъ же 1806 году кіевская дикастерія начала дѣло о возвратѣ въ Андреевскую церковь 700 рублей, незаконно выданныхъ магистрату въ 1801 году, но безуспѣшно. Въ 1808 году митрополитъ Серапіонъ (Александровскій) обращался за тѣмъ-же къ кіевскому губернатору Панкратьеву и съ просьбою о починкѣ Андреевской церкви на городскія суммы, но тоже получилъ отказъ во всемъ.

Въ сентябрѣ 1816 года, митрополитъ Серапіонъ писалъ Св. Синоду между прочимъ слѣдующее:

«Покойный протоіерей Старокіевской Андреевской ружной церкви Аѳанасій Лачановскій, 26 іюня 1809 г., доносилъ мнѣ, что 24 іюля 1809 г. нашедшая внезапная буря сорвала съ оной церкви съ средняго купола большой крестъ, сысканный въ Кіево-подолѣ въ яру, пополамъ переломленный и весь погнутъ, да и другіе два меньшіе креста отъ бури согнулись, а изъ окошекъ въ разныхъ мѣстахъ тою-жъ бурею стекла вырваны; то въ силу резолюціи моей хотя и предписано было изъ дикастеріи оному протоіерею крестъ новый сдѣлать и поставить, а также и погнувшіеся оба креста снять и исправить, но отъ него, протоіерея, на сіе репортовано тако: что, по призваніи имъ мастеровъ и по осмотрѣніи поврежденій, мастера тѣ объявили, что погнили въ срединѣ столбы и не можно крестовъ никакъ утвердить безъ разбиранія куполовъ, къ чему безъ руководства архитектора приступить они не соглашаются, и что сумма на то потребна немалая, а въ Андреевской церкви всѣхъ церковныхъ денегъ только 90 руб. съ копѣйками. Однакожъ и за симъ, по резолюціи моей, велѣно ему

Видъ Андреевской церкви въ 1809 г.

изъ дикастеріи указомъ—стараться возможными средствами все исправить, употребляя на то церковную сумму съ запискою: а чтобъ руководствовалъ въ дѣлѣ семъ г. архитекторъ, о томъ изъ дикастеріи было сообщено въ кіевское губернское правленіе. Кіевскій городской архитекторъ *Меленскій*, 22 сентября 1809 года [1]), сообщилъ дикастеріи, что, по освидѣтельствованіи имъ Андреевской церкви, оказалось, что «на 2-хъ башняхъ кресты сняты и сдѣланы деревянныя крышки, а на остальныхъ 2-хъ, хотя и укрѣплены оные желѣзомъ, но къ дальнѣйшему времени служить не могутъ, поелику и паденіе большаго креста воспослѣдовало отъ проходившей течи въ шпили или стержни деревянные, въ которыхъ утверждены были кресты, отъ чего и вся деревянная вязка погнила, и хотя въ виду имѣются оныя главы, но онѣ держатся только оковкою листоваго желѣза и жести. По моему предписанію, на церкви поставлены деревянные кресты съ прикрытіемъ главъ шеліовками; исправленіе произведено на церковныя деньги. Затѣмъ священнослужители Андреевской церкви доносили мнѣ, что, кромѣ поврежденій 1809 г., въ 1815 году съ 11-го на 12-е іюня, и послѣдніе два желѣзные креста, вмѣстѣ съ главами, бурею съ церкви сброшены на помостъ, и что та церковь, кромѣ тѣхъ крестовъ съ куполами, большей еще нынѣ починки требуетъ; ибо-де надлежитъ крышу желѣзную перекрыть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ добавкою желѣзныхъ листовъ; рынвы и жолобы желѣзные починить и поправить; церковь съ каменными подъ оной покоями ощекатурить и въ тѣхъ покояхъ двери сдѣлать, и окошки, какъ церковныя, такъ и въ тѣхъ покояхъ починить; также сходы, мостъ вокругъ церкви, перилы и рундукъ предъ церковными дверьми вновь сдѣлать; двери церковныя, дубовыя, разсохшіяся починить, или желѣзныя, по приличію таковой церкви, сдѣлать». 31 марта 1816 года митрополитъ просилъ кіевскаго губернатора (испр. должн. губернатора тогда былъ вице-губернаторъ Катериничъ) «предписать кому и какъ слѣдуетъ, чтобы все вышепоказанное поврежденіе отдѣлано было вновь, на основаніи Высочайшаго указа 28 авг. 1768 г., изъ доходовъ кіевскаго магистрата». Кіевскій губернаторъ П. Черепановъ 4 сентября 1816 г. отвѣчалъ, что онъ «поручилъ городскому архитектору Меленскому освидѣтельствовать Андреевскую церковь, при бытности члена город-

[1]) Къ этому времени относятся всѣ чертежи, фасады и планы Андреевской церкви, имѣющіеся въ дѣлахъ Архива Св. Синода; *фотографическій снимокъ съ одного изъ нихъ при семъ прилагается.*

ской комиссіи и священнослужителей ея, и сдѣлать на исправленіе всѣхъ поврежденій надлежащую смѣту». Смѣта была составлена на 31260 рублей. Губернаторъ въ отпускѣ денегъ изъ городскихъ суммъ отказалъ.

Донося о всемъ вышеизложенномъ Св. Синоду, митрополитъ присовокупилъ: «но впрочемъ, поелику и подлинно нельзя оставить безъ починки сей столь великолѣпной и знатныхъ казенныхъ издержекъ на сооруженіе ея стоющей церкви, я обязываюсь какъ означенную смѣту, такъ планъ и фасадъ сей церкви представить при семъ на благоусмотрѣніе».

Разсмотрѣвъ дѣло, Св. Синодъ 30 октября 1816 года призналъ «поправки ветхостей Андреевской церкви необходимо нужными» и поручилъ оберъ-прокурору доложить объ оном Его Величеству, не благоугодно-ли будетъ повелѣть полагаемую по смѣтѣ сумму въ 31260 руб. отнести на счетъ строительнаго по государству капитала. Оберъ прокуроръ 4 декабря 1817 года отнесся по этому дѣлу къ министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній 28 февраля 1819 года отвѣтилъ, что представленная смѣта, по указанію строительнаго комитета, можетъ быть уменьшена до 25287 рублей. И дѣло на этомъ остановилось.

Въ 1822 году, по увольненіи на покой кіевскаго митрополита Серапіона, новый кіевскій митрополитъ *Евгеній* (Болховитиновъ) [1]) 29 ноября писалъ оберъ-прокурору Св. Синода, что предмѣстникъ его ходатайствовалъ объ отпускѣ суммы на ремонтъ Андреевской церкви и, до рѣшенія дѣла, просилъ кіевское губернское правленіе (20 и 26 іюля 1817 г.) приказать «уголъ въ каменномъ подъ церковью зданіи, имѣющій вверху разсѣлину, изъ котораго съ опасностію для проходящихъ падаетъ кирпичъ, поддѣлать кирпичемъ, и на обоихъ углахъ, чтобы вода оныхъ не промывала рывъ, новые положить и по крайней мѣрѣ съ наружной стороны ошекатурить;— двери, окошки и ставни починить и завалинами деревянными или каменной стѣной отъ дороги подкрѣпить для отвращенія внизу того каменнаго зданія поврежденій; а кромѣ того и желѣзную на самой церкви крышу, гдѣ протекаетъ вода, починкою исправить отъ кіевскаго магистрата»;—но ни изъ кіевскаго губернскаго правленія, ни

[1]) Преосвящ. Евгеній Болховитиновъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1822 г. † 23 февр. 1837 года.

изъ Св. Синода на тѣ просьбы увѣдомленій не было и нѣтъ. Митрополитъ просилъ: или объ отпускѣ суммы изъ духовнаго департамента, или о побужденіи кіевскаго магистрата къ производству ремонта церкви, или же по крайней мѣрѣ о возвратѣ изъ кіевскаго магистрата незаконно переданныхъ туда въ 1801 г. 700 руб. съ процентами, «дабы хотя сколько-нибудь обезопасить отъ паденія сію церковь».

8 февраля 1823 года оберъ-прокуроръ представилъ Св. Синоду планъ съ фасадомъ и уменьшенную до 25287 руб. смѣту на починки Андреевской церкви. Св. Синодъ въ принципѣ одобрилъ смѣту, но «такъ какъ строительный капиталъ, ассигнованный на 1823-й годъ, весь уже распредѣленъ, то о назначеніи суммы на ремонтъ Андреевской церкви опредѣлилъ имѣть сужденіе въ 1824 году» (журналъ Св. Синода 16 февр. 1823 г.).

Въ 1824 г. на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено 2287 рублей и въ 1825—1828 г.г. церковь была отремонтирована заново.

Но вотъ прошло послѣ этого 13 лѣтъ, и 16 іюля 1841 года кіевскій митрополитъ—*Филаретъ* (Амфитеатровъ) [1]) уже доносилъ Св. Синоду слѣдующее: [2]) «Андреевская ружная безприходная церковь пришла въ крайнюю ветхость и требуетъ вновь исправленія».

На этотъ разъ смѣты и чертежи были составлены помощникомъ кіевскаго городскаго архитектора Озиобишинымъ, причемъ церковь свидѣтельствовали: членъ кіевской консисторіи протоіерей Максимовичъ, епархіальный архитекторъ, опытный архитекторъ отъ кіевскаго военнаго губернатора и чиновникъ инженернаго вѣдомства; смѣта была составлена на 12812 р. 67½ коп.

Пройдя всѣ инстанціи, дѣло о ремонтѣ Андреевской церкви, въ самомъ концѣ 1841 г., возвратилось изъ Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій и со всѣми документами было отправлено кіевскому митрополиту съ уменьшеніемъ смѣты до 12449 р. 64 коп. и съ обѣщаніемъ отпуска денегъ въ 1842 году.

Однако, въ началѣ 1843 г. кіевскій митрополитъ сообщилъ Св. Синоду, что вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на строительные матеріалы

---

[1]) Преосвящ. Филаретъ Амфитеатровъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1837 г.; † 21 дек. 1857 года.

[2]) Дѣло Архива Св. Синода 1841 г. № 2169.

никто не берется произвести ремонтъ церкви по смѣтѣ на 12449 р. 64 коп.,—причемъ представилъ новые, составленные архитекторомъ Спарро, чертежи, планы и смѣту на 21662 р. 24 коп., да кромѣ того, на укрѣпленіе горы и обдѣлку крутостей, по смѣтѣ командированнаго по Высочайшему повелѣнію инженеръ-капитана Ѳедорова, требовалось 40155 руб. 83 коп., а всего вмѣстѣ—61818 руб. 7 коп.

Въ Главномъ Управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій смѣта на ремонтъ Андреевской церкви изъ 21662 р. 24 коп. была уменьшена до 19848 р. 24 коп; относительно же обдѣлки крутостей горы посѣвомъ по откосамъ пырейныхъ сѣмянъ указывалось замѣнить фашинами и были затребованы описанія профилей горы быстроты обваловъ и грунта земли, и проч. 25 августа 1843 года, Св. Синодомъ всѣ смѣты, чертежи и планы (на 5 листахъ) были отправлены кіевскому митрополиту.

Изъ дальнѣйшихъ доношеній митрополита Филарета видно, что на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено: въ 1842 г.—8000 руб., въ 1843 г.—5000 р. и въ 1844 г.—6848 р. 24 коп. Весь ремонтъ оконченъ былъ въ 1846 году. Митрополитъ просилъ на будущее время ассигновать до 150 руб. въ годъ на постоянный ремонтъ церкви, но Св. Синодъ предоставилъ кіевскому митрополиту «изыскать на это мѣстные способы».

Дѣло же объ укрѣпленіи Андреевской горы, какъ видно изъ доношенія митрополита отъ 28 апрѣля 1848 года, кончилось тѣмъ, что «по откосамъ горы запретили ходить людямъ и скоту, для чего и обнесли ее заборомъ».

Таковы данныя Архива Св. Синода *за первое столѣтіе* (1749—1849 г.г.) постройки и существованія кіевской Андреевской церкви. Изъ этихъ данныхъ видно, что приснопамятнымъ владыкамъ кіевскимъ много было хлопотъ и заботъ по изысканію средствъ на поддержаніе этого замѣчательнаго храма... Не ихъ вина, что дѣло это шло не скоро, но честь и хвала имъ за ту ревность и настойчивость, съ какою они стремились къ цѣли и которую, какъ-бы преемственно, передавали одинъ другому.

К. Здравомысловъ.

С.-Петербургъ.
6 марта 1897 года.

Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. Въ печатаемомъ здѣсь письмѣ И. Ф. Тимковскаго [1]), изъ Харькова, къ пріятелю въ Стародубъ, заключается любопытное свидѣтельство, какъ нарождавшійся главный рынокъ украинской торговли не имѣлъ еще въ 1808 г. у себя «хорошаго французскаго вина» и выписывалъ его изъ умиравшаго уже тогда главнаго торговаго рынка старой Малороссіи.

Милостивый государь мой Иванъ Николаевичъ! При настоящихъ моихъ заботахъ, не успѣваю ничего болѣе написать къ вамъ, кромѣ засвидѣтельствованія чувствительнѣйшей благодарности моей за обязательный пріемъ вашъ мнѣ сдѣланный въ бытность мою въ Стародубѣ и за доставленіе мнѣ льну по прозьбѣ моей. Прошу покорно извѣстить меня о цѣнѣ, деньги неукоснительно возвратить вамъ имѣю. Вручитель посылки объявилъ мнѣ, что будетъ сюда къ покровской ярманкѣ, и можетъ привезть съ собою вина изъ Стародуба. Помнится мнѣ, что я изъяснялъ вамъ величайшую трудность не только для меня, но и для коренныхъ помѣщиковъ находить здѣсь хорошее французское вино. Боюсь васъ обременить порученіемъ въ разсужденіи сего. Однако, если только будетъ вамъ возможность оказать въ семъ случаѣ вспоможеніе, то прошу извѣстить о семъ. Уже говорили мнѣ многіе, что съ удовольствіемъ приступили бы къ выпискѣ онаго вина чрезъ меня; а я принималъ сіе нѣсколько въ надеждѣ на ваше благорасположеніе. Получивъ отъ васъ обстоятельное увѣдомленіе объ упомянутой возможности, могу я препроводить и деньги съ означеніемъ числа вѣдеръ, разумѣя самое лучшее вино, какое вы доставить можете. Осеннее же время, думаю, будетъ самое удобное для перевозки.

Съ истиннымъ почтеніемъ, доброжелательствомъ и преданностію честь имѣю быть, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій.

1808. Янв. 14. Харьковъ».

На письмѣ надпись: «Его высокоблагородію милостивому государю моему Ивану Николаевичу Назарову. Въ Стародубъ».

А. Л.

---

[1]) И. Ф. Тимковскій въ это время былъ профессоромъ Харьковскаго у—та и „визитаторомъ“ Харьковскаго округа. См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., августъ. Вѣроятно, и въ Стародубъ Т—ій ѣздилъ для ревизіи тамошняго училища, а Назаровъ—не былъ ли смотрителемъ послѣдняго.

Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. *(Представленіе директора кіевской гимназіи Мышковскаго кіевскому гражданскому губернатору Павлу Сидоровичу Черепанову. 1814 года 22-го августа).* «Еще не удостоился я получить резолюціи на представленіе мое, поданное вашему превосходительству 23-го прошедшаго маія подъ № 143 о поведеніи кіевской квартирной експедиціи, не восхотѣвшей, вопреки предписанію начальства своего, отвести назначенныхъ домовъ для Кіево-подольскихъ приходскихъ училищъ, какъ г. квартир-геръ, коллежскій ассессоръ Калюжный, оказалъ новую обиду, о которой смотритель здѣшнихъ Повѣтовыхъ училищъ, г. надворный совѣтникъ Берлинскій, по жалобѣ учительницы Кіево-подольскаго дѣвичьяго училища, жены титулярнаго совѣтника Куницкаго, доноситъ, что въ постоялый домъ г-на коллежскаго ассессора Барскаго, состоящій въ четвертой части города, гдѣ помѣщается нынѣ оное училище, г. квартир-геръ Калюжный сего августа 22 числа во время самаго ученія введеніемъ на постой проходящихъ Донскихъ козаковъ разогналъ учащихся дѣвицъ и таковымъ неожиданнымъ поступкомъ разрушилъ начавшееся ученіе, приведши страхомъ въ безпорядокъ учениць и училище, и потому онъ, г. смотритель, требуетъ отъ меня надлежащихъ мѣръ къ соблюденію Высочайшаго объ училищахъ положенія. Руководствуясь правилами, изображенными въ Высочайшемъ уставѣ о должности директора училищъ, въ семъ необычайномъ случаѣ имѣю обязанность прибѣгнуть къ пособію вашего превосходительства. Нѣтъ мнѣ надобности представлять ни о пользѣ сего заведенія, отеческимъ благоволеніемъ всеблагого монарха изъ небытія вызваннаго, ни о свойствѣ училищъ вообще, требующихъ и обрѣтающихъ повсюду ограду и покровъ во власти и въ духѣ знаменитыхъ особъ: собственное просвѣщеніе и ревность ваша къ исполненію священной воли Его Императорскаго Величества внушаютъ вамъ покровительство обителей народнаго просвѣщенія во ввѣренной вамъ губерніи. Не сомнѣваюсь, что нынѣшній странный поступокъ, порожденный первымъ удачнымъ противленіемъ начальству, принятъ будетъ отъ вашего превосходительства во вниманіе тѣмъ большее чѣмъ больше оказывается оное во всѣхъ народахъ къ дѣтскому возрасту, и притомъ второго пола, котораго невинность, скромность, нѣжность и стыдливость особо покровительствуется и у дикихъ по внушенію самой природы,—*а въ Кіевѣ—г. квартир-геръ Калюжный поставилъ въ дѣвичье училище проходя-*

щихъ коваковъ [1]). Прошу всеубѣдительнѣйше ваше превосходительство дать начальническое приказаніе вывесть немедленно воинскій постой изъ упомянутаго училища и обвѣстить, чтобъ подъ покровительствомъ вашимъ не боялись впредь родители отдавать, а дѣвицы собираться къ ученію, высокомонаршею благостію для нихъ открытому».

(Стар. арх. кіев. I гимназіи, книга чернов. бумагъ 1814 г. ч. II, лл. 389—390).

Нужно прибавить къ этому документу, что губернаторъ Черепановъ въ тотъ-же день исполнилъ представленіе Мышковскаго по всѣмъ пунктамъ и немедленно потребовалъ къ отвѣту самаго Калюжнаго, о чемъ на другой-же день извѣстилъ Мышковскаго.

Ч. Голубовскій.

Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. 5-го марта въ Петербургѣ состоялся обѣдъ, посвященый памяти Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша. На него собрались многіе изъ проживающихъ въ С.-Петербургѣ малороссіянъ, а также представители литературы, искусства и науки. Было произнесено двѣ рѣчи: г. Лесевичемъ о значеніи народнаго языка и г. Бѣлиловскимъ объ историческомъ развитіи украинской литературы и ея современныхъ представителяхъ въ Россіи и Австріи. За обѣдомъ зародилась мысль объ основаніи въ С.-Петербургѣ Общества имени Шевченка по образу подобнаго-же Общества, существующаго во Львовѣ, въ Галиціи. Изъ присутствовавшихъ выдѣлился кружокъ, который взялся выработать проектъ устава будущаго общества для представленія на утвержденіе подлежащаго начальства.

Рѣчь г. Лесевича была напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1897 г. № 64. Въ ней проведена мысль, что малорусскій языкъ находится въ настоящее время въ положеніи итальянскаго языка временъ Данте, когда послѣдній былъ только языкомъ народныхъ массъ, между тѣмъ какъ высшіе образованные классы пользовались языкомъ латинскимъ или провансальскимъ. Безсмертная заслуга геніальнаго Данте въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшительно порвалъ съ этимъ отжившимъ, ветхимъ преданіемъ и ясно формулировалъ переходъ къ новому порядку вещей. Подобно южно-русскому поэту, авторъ «Божественной комедіи» и поэтическими своими твореніями,

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

и глубоко продуманными трактатами призывалъ своихъ соотечественниковъ «учиться, думать, читать, научаться чужому и не чуждаться своего». Задушевнымъ его желаніемъ было—сообщеніе всѣмъ знанія на народномъ языкѣ, или, какъ онъ выражается, «предложеніе всѣмъ общей трапезы». Народный языкъ, по убѣжденію Данте, долженъ стать тѣмъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи, тѣмъ солнцемъ, которое освѣтитъ находящихся во тьмѣ, освѣтитъ тѣхъ, до которыхъ не достигалъ свѣтъ донынѣ свѣтящаго солнца. И вотъ, въ чудной поэмѣ, недаромъ называемой «божественной», загорѣлось это новое солнце, эта великая правда своего вѣка—и народный языкъ сталъ и языкомъ интеллигенціи. Тщетно вопіяли близорукіе и злонамѣренные, что Данте губитъ свой талантъ для тупоумной черни и расточительно мечетъ бисеръ передъ свиньями: поэтъ-мыслитель неуклонно шелъ по намѣченному пути и, защищая народный языкъ отъ злонамѣренныхъ враговъ, неустрашимо вскрывалъ «злостность ихъ изворотовъ и низость ихъ побужденій».

Съ тѣхъ поръ минулъ рядъ вѣковъ, но принципъ, столь горячо защищаемый великимъ Данте, не потерялъ живого значенія и для нашего времени. Назрѣвшіе въ наши годы запросы жизни превращаютъ нужду народа въ просвѣщеніи въ нужду вопіющую. Но осуществимо ли просвѣщеніе народныхъ массъ помимо единственнаго, даннаго исторіей—уже готоваго орудія—народнаго языка? Говорятъ, что въ новѣйшее время выдвигается совсѣмъ иная потребность—въ объединеніи языковъ, будтобы отодвигающая на задній планъ знаніе народныхъ языковъ и всѣхъ вообще отдѣльныхъ нарѣчій, и что этотъ процессъ въ концѣ концовъ долженъ привести человѣчество къ установленію единаго всемірнаго языка. Но загадывать о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ—дѣло совершенно праздное; въ настоящее же время мечта о созданіи общаго для всего человѣчества языка, въ родѣ пресловутаго волапюка, является скорѣе теоретическимъ, кабинетнымъ построеніемъ, нежели слѣдствіемъ дѣйствительной жизненной потребности. Народу некогда ждать созданія волапюка для усвоенія знаній, ему нужно давать ихъ теперь же на языкѣ уже ему доступномъ, т. е. его собственномъ. Возражаютъ еще указаніемъ на возможность объединенія родственныхъ нарѣчій и поглощеніемъ ихъ тѣмъ изъ нихъ, которое въ данный моментъ достигло наибольшаго развитія и преобладанія. Но лекторъ справедливо замѣчаетъ, что дѣйствительная жизнь всякаго народнаго языка неотдѣлима отъ жизни самого народа, и когда развитіе языка подымается до той высоты, на

которой языкъ этотъ становится орудіемъ просвѣщенія, то корни, источники этого высоко развитого языка все же остаются внизу, въ народѣ, и при нармальномъ порядкѣ вещей между корнями и цвѣтомъ языка перерыва не замѣчается. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ *объединеніе* языка: оно неизбѣжно идетъ сверху, оно спускается только до извѣстныхъ предѣловъ, оно поддерживается искусственно, входитъ въ обиходъ лишь извѣстныхъ классовъ общества и представляется вообще осуществившимся лишь въ смыслѣ *преобладанія* даннаго языка, а не въ смыслѣ вытѣсненія живой народной рѣчи изъ обихода всего народа. Никто изъ образованныхъ людей не станетъ, конечно, провозглашать «pereat» преобладающему въ сказанномъ смыслѣ языку, но никто не въ силахъ воспрепятствовать и живой рѣчи непрестанно воздѣйствовать на этотъ языкъ. Исторія новыхъ языковъ Европы можетъ служить сказанному достаточно выразительной иллюстраціей. Что же касается указанія на будто бы совершающееся объединеніе языковъ на аренѣ болѣе широкой—всемірной, то и это объединеніе опять-таки сводится въ дѣйствительности на преобладаніе, а въ смыслѣ объединенія оно болѣе чѣмъ призрачно. Если патеръ Шаръ, напримѣръ, утверждаетъ, что самъ Богъ предназначилъ англійскій языкъ для всемірнаго пользованія и преобладанія, то Альфонсъ Декандоль съ грустью усматриваетъ въ новшествахъ американскихъ и австрійскихъ писателей несомнѣнные зачатки распаденія англійскаго языка. И это явленіе вполнѣ естественно: ничто живое не можетъ уподобиться муміи, покоящейся въ саркофагѣ, не подвергаясь измѣненіямъ.

«Оставимъ же—заключаетъ г. Лесевичъ—метафизикамъ изощряться надъ всякаго рода волапюками и признаемъ тотъ ясный и очевидный фактъ, что народный языкъ будетъ тѣмъ священнымъ стягомъ, подъ сѣнью котораго только и возможно приближеніе къ лучшему, свѣтлому будущему. Въ народномъ языкѣ сказывается духовная жизнь народа, его надежды, его идеалы. Не преобладанія жаждетъ онъ, а только проведенія въ народную среду свѣта общечеловѣческихъ идей, высшихъ благъ всесвѣтной культуры. Не подавлять его, а блюсти, лелѣять, охранять подобаетъ всякому, кому благо народа дороже всего».

Польскій король Янъ Казиміръ, Хмельницкій и греки.—Въ іюнѣ 1653 года Янъ Казиміръ отрядилъ къ трансильванскому князю

Георгію Ракочи посла Андрея Морштына съ предложеніемъ военнаго союза для противодѣйствія дальнѣйшимъ замысламъ Б. Хмельницкаго. Не лишена интереса тайная инструкція Морштыну, гдѣ королемъ намѣчены главные доводы въ пользу союза. Изъ инструкціи этой, между прочимъ, видно, что Янъ Каз. разсчитывалъ на Ракочи, главнымъ образомъ какъ на представителя за интересы рѣчи посполитой предъ турецкимъ султаномъ. Необходимо было, съ одной стороны, запугать самого Ракочія возрастающимъ могуществомъ Хм—го, виды котораго простирались, будто-бы, и на захватъ Трансильваніи, съ другой—отнять у Хм—го помощь татаръ, съ третьей—не допустить его до тѣснаго союза съ Москвой. Методъ, которымъ предполагалось убѣдить турецкаго султана, избранъ слѣдующій: польскій и трансильванскій послы должны были разъяснить султану, до какой степени опасно для Турціи могущество Хм—го, дать понять, что козацкое возстаніе главнымъ образомъ и возникло изъ-за постройки кодацкой крѣпости, имѣвшей цѣлью прекратить набѣги козаковъ на турецкія владѣнія; что вѣроломство козацкаго гетмана заставило будто-бы Москву отказаться отъ связей съ нимъ, не смотря на общность вѣры и обряда. «Туркамъ—продолжаетъ инструкція—слѣдуетъ также обратить вниманіе на подвластныхъ имъ грековъ, чтобы, увлеченные примѣромъ удачнаго возстанія Хм—го, и они не замыслили чего нибудь».

Король не считаетъ, что такимъ предостереженіемъ наноситъ вредъ грекамъ, ибо онъ увѣренъ, что для грековъ легче переноситъ владычество турокъ, нежели тираннію Хмельницкаго.

Какъ видно, король Янъ Казиміръ, въ заботахъ о собственной безопасности, принималъ къ сердцу и интересы турецкаго султана, какъ возможнаго политическаго пособника въ борьбѣ Рѣчи посполитой противъ козачества, и потому рискнулъ усилить свои доводы ссылкой на опасность для султана со стороны схизматиковъ-грековъ (Szilágyi Sándor, «Erdély» etc., t. I. Budapest, 1890 г., стр. 271—274).

Сообщ. **Н. М.**

Предполагаемое изданіе сказокъ. — Отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества признало своевременнымъ приступить къ изданію полнаго собранія народныхъ сказокъ—великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и угрорусскихъ. Извѣстный трудъ А. Н. Аѳанасьева («Народныя русскія сказки») сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью, и послѣ него не было

предпринимаемо подобнаго изданія, а между тѣмъ собираніе и записываніе народныхъ сказокъ не прекращалось. Многія изъ нихъ напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, но не мало хранится въ рукописяхъ у отдѣльныхъ собирателей и въ архивахъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ въ Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ. Для возможнаго объединенія этого разрозненнаго матеріала, для обработки его и для обсужденія вопроса объ изданіи, при отдѣленіи этнографіи учреждена, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, особая комиссія, секретаремъ которой состоитъ Ѳ. М. Истоминъ. Лица, которыя пожелали бы содѣйствовать въ этомъ начинаніи Императорскому Русскому географическому обществу, могутъ сообщать свои новыя записи или старые рукописные сборники народныхъ сказокъ великорусскихъ, малорусскихъ (какъ изъ нашей Украины, такъ и изъ Буковины, Галичины и Угорщины) и бѣлорусскихъ—въ распоряженіе коммиссіи, направляя ихъ въ С.-Петербургъ, въ отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (*Некрологъ*).—Талантливая семья священника с. Зеленаго, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, отца Гавріила Лебединцева, къ которой принадлежалъ покойный основатель «Кіевской Старины» Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, мало по малу вымираетъ и сходитъ съ жизненнаго поприща. Недавно мы помянули скончавшагося протоіерея Петра Гавриловича, теперь приходится отмѣтить смерть другого брата—Даніила Гавриловича, почившаго въ С.-Петербургѣ 13-го марта въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ должности помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Покойный, какъ и всѣ его братья, родился въ с. Зеленой 17-го декабря 1821 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ семинаріи и академіи въ Кіевѣ, получивъ ученую степень магистра богословія. Службу свою, продолжавшуюся болѣе пятидесяти лѣтъ, Дан. Гавр. началъ учителемъ кишиневской духовной семинаріи, затѣмъ съ 1851 г. служилъ въ военномъ вѣдомствѣ, занимая разнообразныя должности: старшаго редактора бывшей кодификаціонной комиссіи, члена бывшаго военно-кодификаціоннаго комитета и съ 1888 г. помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Онъ принималъ участіе въ разрѣшеніи разнообраз-

ныхъ вопросовъ законодательнаго характера, касавшихся военнаго вѣдомства, въ разработкѣ положенія о всеобщей воинской повинности и др. Живя вдали отъ Малороссіи, онъ никогда не переставалъ любить ее и охотно поддерживалъ сношенія съ земляками. Онъ былъ другомъ Шевченка и Костомарова, отъ которыхъ у него осталась интересная переписка и рисунки, набросанные покойнымъ Шевченкомъ. Съ Н. И. Костомаровымъ Дан. Гавр. совершилъ, между прочимъ, поѣздку на о. Валаамъ. Онъ не былъ чуждъ и литературныхъ занятій: въ «Русской Старинѣ» были напечатаны многія его историческія справки и воспоминанія. Какъ человѣкъ, Дан. Гавр. отличался замѣчательной добротой и готовностью помочь въ бѣдѣ. Умеръ Дан. Гар. безсемейнымъ. Одинъ нашъ пріятель, присутствовавшій на его похоронахъ, пишетъ намъ: «Заглянулъ я на похороны Дан. Гавр. Лебединцева, котораго давно зналъ, и ужаснулся, какъ печальны похороны одинокаго человѣка, какимъ былъ онъ... Подобную острую грусть я рѣдко когда испытывалъ».

Егоръ Степановичъ Гордѣенко. *(Некрологъ)* 5 марта скончался въ Харьковѣ мѣстный домовладѣлецъ и землевладѣлецъ Е. С. Гордѣенко, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ общественный дѣятель. Недаромъ называли его Несторомъ харьковскаго земства и городского управленія! Родился Егоръ Степановичъ въ 1812 году въ Харьковѣ, гдѣ прошелъ гимназическій и университетскій курсы. По окончаніи университета въ 1832 году, онъ занялъ профессорскую кафедру по химіи и фармакологіи. Выйдя въ отставку въ 1855 году въ званіи ординарнаго профессора, онъ посвятилъ себя работамъ по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, служа по выборамъ въ качествѣ депутата отъ дворянства, а затѣмъ, при освобожденіи крестьянъ, члена крестьянскаго присутствія. Когда введены были земскія учрежденія въ 1865 г., онъ занялъ должность предсѣдателя харьковской уѣздной земской управы, а въ 1871 году, при введеніи новаго городового положенія, перваго городского головы въ Харьковѣ. Не долго ($2^1/_2$ года) пробылъ онъ въ роли головы, отказавшись отъ этой должности за недостаткомъ силъ и здоровья, но оставался много лѣтъ гласнымъ думы, равно какъ и виднымъ земскимъ дѣятелемъ, всегда живо интересуясь всѣми движеніями общественной мысли и принимая горячее участіе во всѣхъ дѣлахъ родного ему края.

Сверхъ такого непосредственнаго участія въ земскихъ и городскихъ дѣлахъ, Егоръ Степановичъ Гордѣенко щедро жертвовалъ и своими матеріальными достатками на пользу общую. Такъ, имъ пожертвовано было болѣе 40 тысячъ рублей на школы харьковскаго уѣзднаго земства, 18 тысячъ на кустарно-земледѣльческія выставки того-же земства; предпринялъ онъ также на свой счетъ составленіе и изданіе исторіи харьковскаго земства за первое 25-тилѣтіе его существованія, нѣсколько тысячъ пожертвовалъ харьковской думѣ для выдачи наградъ прислугѣ и проч. Такая долговременная и живая общественная дѣятельность, конечно, дала ему много матеріала для его, конечно цѣнныхъ, мемуаровъ, которые переданы имъ харьковскому университету для опубликованія ихъ, когда настанетъ для того удобный моментъ.

Нашъ журналъ, посвященный изслѣдованію судебъ минувшаго въ жизни Украины, считаетъ своимъ долгомъ помянуть кончину одного изъ почтенныхъ сыновъ ея, имя котораго заняло уже видную страницу въ исторіи родного края.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ свящ. Н. Бутовскаго и Хмелевскаго—по *1 руб.*; отъ г. Уманскаго—*50 к.*; отъ Ѳ. Р. Рыльскаго—*2 руб.*—всего *4 р. 50 к.*, что вмѣстѣ съ прежними *667 р. 2 к.* (см. № 3), составитъ *671 р. 52 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева. *Вып. I. Кіевъ, 1895 г. XII+596 стр.* [1]).

Трудъ г. Лилеева раздѣляется на семь главъ. Въ I-й главѣ онъ старается опредѣлить время происхожденія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ (1—67); во II-ой главѣ разсматриваетъ условія поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка (68—132); III-ья глава посвящена организаторамъ раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ (133—209); IV-ая глава представляетъ судьбу Вѣтки и Стародубья въ періодъ 1711—1735 (210—287); V-ая посвящена самому печальному періоду въ исторіи Вѣтки и мѣстнаго раскола—преслѣдованіямъ, обрушившимся въ цар. Анны Ивановны на пограничныя мѣстности, не принадлежавшія Россіи,—Вѣтку (поголовная выгонка, учиненная полк. Ситинымъ), въ предѣлахъ Польши съ одной стороны (1735 г.), съ послѣдовавшими затѣмъ въ раскольничьихъ слободахъ розысками полк. Радищева (1738—39), и нападеніемъ на поселеніе ихъ въ Гирлевѣ (1740), въ предѣлахъ Валахіи, съ другой, которыя навсегда оставили память въ исторіи раскола, и затѣмъ—дальнѣйшей судьбѣ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до перенесенія «столицы старовѣрства» въ Стародубье, въ 1765 г. (288—404). Въ главѣ VI-ой авторъ излагаетъ исторію дьяконовщины на Вѣткѣ въ Стародубьѣ, нашедшей

[1]) Двумя годами раньше имъ издана книга—Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Собраны М. И. Лилеевымъ. Кіевъ 1893, xxш+278.

здѣсь пріютъ собственно съ конца 30 хъ годовъ XVIII стол. (405—458). Наконецъ VII-ая глава представляетъ очеркъ управленія и правительственныхъ мѣръ относительно стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II (458—535).

Въ настоящее время авторомъ изданъ первый выпускъ его труда, оканчивающійся приблизительно началомъ царствованія Екатерины. Впрочемъ, самъ авторъ нигдѣ не обозначаетъ точно ни раздѣленія своего труда на извѣстныя части, ни дѣленія предлагаемой имъ исторіи вѣтковскаго раскола на соотвѣтствующіе періоды. По нашему мнѣнію, первою опредѣленною гранью такого дѣленія могло бы быть признано или начало царствованія Екатерины II, какъ существенно измѣнившее внутреннюю политику правительства въ отношеніи къ расколу, или введеніе единовѣрія въ стародубскихъ слободахъ (1786). Между тѣмъ авторъ доводитъ въ нѣкоторыхъ главахъ обозрѣніе событій до 1768—69 гг. (стр. 391—397), а въ другихъ сообщаетъ данныя за все время цар. Екатерины II (128—128, 257—258, 288, 347, 359, 438). Только заключительная фраза какъ будто бы даетъ право думать, что онъ заканчиваетъ первую часть своего труда открытіемъ Екатерининской коммиссіи, въ которую были внесены «пункты 1754 г.» о положеніи раскольниковъ въ Малороссіи (353—355), но существеннаго вліянія означенная коммиссія, какъ извѣстно, на судьбу раскола не имѣла и потому указанный терминъ едва ли можетъ имѣть значеніе въ этомъ отношеніи.

Взглядъ автора на характеръ самой работы выраженъ имъ ясно и опредѣленно. «Наша задача, говоритъ онъ, на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ и пособій, ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы свести имѣющіяся уже данныя о мѣстномъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ *строго научнымъ методомъ исторической критики*, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или другія явленія. Словомъ мы сдѣлали то, что могли, чтобы представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось въ данную минуту» (стр. хп). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается, что далеко не всѣ изъ предшествовавшихъ очерковъ и изслѣдованій по исторіи мѣстныхъ сектъ удовлетворяютъ требованіямъ исторической точности и научнаго безпристрастія (стр. х).

Къ сожалѣнію, авторъ не всегда выдерживаетъ строго-научный тонъ, хотя, повторяемъ, онъ этого желаетъ достигнуть и стремится къ тому. Такъ, на стр. 283—287 онъ уже самъ рисуетъ «не высокую общественную и частную нравственность слобожанъ», какъ необходимую черту сброднаго населенія бѣднаго средствами и потому готоваго на всякія преступленія. Но во 1-хъ судебныя дѣла, которыми пользуется для этого авторъ, матеріалъ односторонній, который можно подобрать съ указаннымъ характеромъ и для мѣстнаго населенія; а во 2-хъ «сатира» («Седмитолковый Апокалипсисъ») всегда заключаетъ въ себѣ свойственныя этому роду произведеній обобщенія, хотя и рисующія извѣстныя стороны быта. Что же касается отзывовъ мѣстнаго населенія о «москаляхъ», то они въ означенномъ свидѣтельствѣ (А. Левшинъ, Письма изъ Малороссіи, Харьк. 1816; Кіев. Стар. 1892, XXXVI, 231) относятся къ великороссіянамъ вообще, а не къ старообрядцамъ данной мѣстности въ частности, причемъ необходимо имѣть въ виду замѣчаніе самого автора, что масса русскаго люда поселялась въ раскольничьихъ слободахъ вовсе не по однимъ религіознымъ мотивамъ и только потомъ постепенно ассимилировалась съ кореннымъ слободскимъ раскольничьимъ населеніемъ (стр. 268). Нерасположеніе мѣстнаго населенія къ раскольникамъ коренилось, независимо отъ того, на болѣе опасной почвѣ—экономической. Какъ извѣстно, при всѣхъ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ, имъ удалось отстоять свою независимость отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, монастырей и администраціи. Понятно, что они являлись здѣсь людьми нежелательными и непріятными, какъ и вообще «бѣглые» крестьяне, причинявшіе не мало хлопотъ населенію (269—271 [1]).

Еще рѣзче и неблагопріятнѣе въ этомъ отношеніи представляетъ авторъ «безпоповцевъ» (338—347); но данныхъ для подобной характеристики онъ не сообщаетъ, кромѣ описанія ихъ догматиче-

[1]) Уже въ 1717 г. полк. Лукьянъ Жоравка жаловался гетману такъ: „и если раскольщикамъ яко теперь расширятися въ полку нашемъ допущено будетъ, много въ полчанъ отъ утиску ихъ пуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самовольне що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на нихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю" (Чтен. въ Общ. истор. и древн. россійск. 1884, см. II стр. 2, гдѣ помѣщены и другія жалобы на раскольниковъ; а также описаніе Старой Малороссіи, II, 443—444, 458—461). Антагонизъ на почвѣ религіозной еще больше долженъ былъ поддерживаться подобными отношеніями (у автора 453—468, 511).

скихъ отличій и особенностей, а между тѣмъ въ этой именно средѣ воспитался извѣстный раскольничій писатель Иванъ Алексѣевъ, пропагандистъ брачной жизни въ безпоповщинѣ, человѣкъ любознательный и книжный и пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ на другихъ (349). Иногда авторъ называетъ вѣтковскихъ монаховъ огульно «лжемонахами и лжемонахинями», хотя въ числѣ ихъ несомнѣнно были и лица стараго постриженія (373).

Предлагая весьма обстоятельный очеркъ внѣшней исторіи мѣстнаго раскола отъ времени его возникновенія въ означенномъ районѣ, его различныхъ толковъ, ихъ ученій, догматическихъ и обрядовыхъ споровъ, взаимныхъ отношеній слободъ и мѣстнаго населенія, управленія и отношенія къ расколу правительственной власти, авторъ, по нашему мнѣнію, недостаточно обратилъ вниманіе на экономическія условія быта раскольничьихъ общинъ и велико-русскаго населенія въ предѣлахъ означенной мѣстности.

Повидимому авторъ склоненъ думать, что неудовлетворительное нравственное состояніе раскольничьихъ общинъ находилось даже въ непосредственной связи съ ихъ бѣдностью, а эта послѣдняя въ свою очередь стояла въ связи съ скудостью почвы сѣверной части Малороссіи (284). Но въ его собственной книгѣ мы находимъ факты, противоположные такому заключенію. Такъ, на разныхъ страницахъ своего изслѣдованія онъ упоминаетъ о богатствѣ вѣтковской церкви (стр. 183—185) въ моментъ ея погрома (1735), о дѣятельныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Вѣткой и Стародубьемъ (204), о широкомъ фундованіи (1717) ихъ монастыря (269—240); о томъ, что гомельскіе раскольники (въ 30-хъ годахъ XVIII стол.) и численностію, и богатствомъ даже превосходили вѣтковскихъ (358); что вскорѣ послѣ перваго погрома, насильственно понесеннаго раскольниками (1735), въ возстановленной Вѣткѣ устроилась большая, богатоукрашенная часовня и вокругъ нея обширная обитель (до 1200 однихъ монаховъ, не считая прислуги), а затѣмъ и женскій монастырь; что вновь построенная церковь превзошла (1759), по своимъ размѣрамъ и богатству прежнюю, благодаря поддержкѣ со стороны московскихъ и калужскихъ благотворителей (365). Въ 1765 г. послѣ 2-ой выгонки, произведенной въ 1764 г. генер. Масловымъ (361, 394), вслѣдствіе измѣнившихся къ нимъ отношеній правительства, раскольники могли предпринять весьма дорого стоившую перевозку церкви и монастыря (Покровскаго) изъ Вѣтки въ Стародубье и затѣмъ въ теченіе 20—30 лѣтъ устроить здѣсь до 20 церквей, 16 часовень съ

колокольнями, 2 безпоповщинскихъ монастыря и 4 поповщинскихъ, не говоря уже о множествѣ небольшихъ пустынь и скитовъ, находившихся чуть-ли не при каждой слободѣ (396—397). Наконецъ самое исканіе епископа, которымъ давно задались зарубежные раскольники (184, 296, 313, 358, 407—408, 415, 417, 441, 450), въ началѣ 80-хъ годовъ сопровождалось весьма значительными денежными расходами (Макарій, Ист. раскола, 390).

Въ виду этихъ фактовъ, намъ кажется слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на распространеніе и значеніе торговли въ средѣ вѣтковскихъ и стародубскихъ раскольниковъ, которя дала имъ столь значительныя средства и быть можетъ обезпечивала ихъ отъ еще горшихъ послѣдствій, чѣмъ пресловутая выгонка 1735 года[1]). Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, заимствованные отчасти изъ архивныхъ источниковъ, а отчасти изъ печатныхъ матеріаловъ, приведенные у автора, скорѣе всего характеризуютъ составъ населенія въ стародубскихъ слободахъ, а не ихъ матеріальное благосостояніе (стр. 82—87); а между тѣмъ, благодаря указаннымъ средствамъ, зарубежные раскольники могли поддерживать обширныя связи и оказывать даже рѣшительное вліяніе на своихъ единомышленниковъ въ предѣлахъ Россіи. Такъ, не говоря собственно о ремеслахъ и мастерствахъ, которыми занимались слободскіе жители, уже въ началѣ XVIII стол. имѣются свидѣтельства о значительной торговлѣ конопляннымъ масломъ, солью, рыбой, дегтемъ, кожевенными товарами (юфтью), полотномъ, воскомъ, медомъ, мѣхами, красными товарами, привозимыми изъ Россіи. Торговыя связи ихъ простирались съ одной стороны до предѣловъ Германіи, а съ другой—до Крыма и русскихъ городовъ, лежавшихъ по Волгѣ. Во 2-й половинѣ XVIII в. стародубскіе купцы возили за границу, преимущественно въ Силезію, дорогія мѣха и юфть (камскую)[2]), а сюда (на 2 ярмарки) привозились товары главнымъ образомъ изъ Риги и Москвы и уже отсюда они развозились мѣстными торговцами по всей Малороссіи. Стародубское купечество славилось своимъ богатствомъ, а стародубскія ярмарки, можно сказать, были первыми украинскими ярмарками. Познакомившись ближе съ югомъ Россіи, великорусское купечество высмотрѣло и другіе удобные рынки: Кролевецъ, Ромны, Сумы, Харьковъ. Въ Ригѣ и Архангельскѣ покупались преимущественно сукна, рыба и вино[3]). Уже въ 1718 г. въ

[1]) Они содѣйствовали здѣсь распространенію русскихъ рукавицъ и обуви деревянныхъ ложекъ, саней телѣгъ и т. п.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд. 1852, № 40, стр. 440; Опис. Стар. Малороссіи, I, 114.

[3]) Опис. Стар. Малороссіи, 114—115, 136.

Клинцахъ появляется кожевенный заводъ москов. купца Осокина, перешедшій затѣмъ къ братьямъ Собольщиковымъ (1724), которые, кромѣ того, имѣли лавки съ мѣхами и полотнами въ Нѣжинѣ. Раскольники содержали и мыльные заводы (Опис. Стар. Малороссіи, I, 108). Въ Глуховѣ, Борзнѣ и др. мѣстахъ также находились лавки, принадлежавшія купцамъ раскольникамъ. И гетманъ Скоропадскій признавалъ (1719), что, не смотря на ограничительныя мѣры, направленныя противъ торговли москвитянъ и раскольниковъ въ частности въ Малороссіи, она не сокращалась, а все болѣе расширялась (84). Съ другой стороны, любопытно признаніе православнаго миссіонера Іосифа Рѣшилова (1723), старавшагося о всевозможныхъ стѣсненіяхъ раскольниковъ, что они «не такъ держатся за свое зловѣріе раскольническое, яко *за интересъ*». Раскольники содержали постоялые дворы въ малороссійскихъ городахъ, чѣмъ облегчали доступъ сюда своимъ единовѣрцамъ изъ Великороссіи (Лукьяновъ, Рус. Арх. 1863, 33—34), а также, мѣняльные столы въ своихъ лавкахъ (Лилеевъ, 84). Такое значеніе Стародубья не укрылось отъ вниманія Петра В. и въ 1712 г. Сенатъ, отправляя нарочнаго агента въ Стародубъ и др. малороссійскіе города для заключенія подряда на доставку селитры и пороха, предписывалъ ему «между тѣмъ въ Стародубѣ и другихъ, гдѣ онъ обрѣтаться будетъ, мѣстахъ, провѣдывать, почему нынѣ русскіе или и тамошніе купецкіе и иныхъ чиновъ люди пеньку [1]), юфть и сало въ отпускъ къ городу Архангельскому, и въ Ригу, и въ Кролевецъ (Кёнигебергъ) подрядомъ и собою дѣлаютъ и покупаютъ и какимъ образомъ и на которыя мѣста въ Ригу и въ Королевецъ кто свои товары на продажу отправляютъ, также почему нынѣ на Украйнѣ золотые и ефимки покупаютъ, и можно ли ихъ накупить довольное число на деньги или на мѣну какихъ товаровъ противъ нынѣшней московской цѣны дешевле и свободно, о томъ потому-жъ надлежитъ ему писать въ канцелярію Сената». (Проток. Прав. Сената, изд. Ак. Наукъ, т. II, ч. II, 435). Въ томъ же 1712 г. купецъ Стрежневъ, служившій агентомъ у оберъ-коммиссара Соловьева и ведшій значительную заграничную торговлю, жаловался, что, при проходѣ шведовъ, въ Стародубѣ сожжено у него 650 пудовъ пеньки (ibid, ч. I, 271). Вяземскій купецъ Болотниковъ закупалъ постоянно товары въ Стародубѣ и Нѣжинѣ,

---

[1]) О продажѣ (1707) малорос. землевладѣльцами пеньки и кудели въ Архангельскъ (причемъ возчиками служили москвичи и калужане) см. Сулимовскій Архивъ, стр. 168—170. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, I, 93—95.

откуда обязанъ былъ доставлять ихъ въ Ригу (III, ч. I, 351). Въ малороссійскихъ городахъ во время ярмарокъ покупались золото, серебро, ефимки и старыя деньги на денежные дворы. (III, ч. II, 748, 1033; IV, ч. I, 386). Видно также, что нѣкоторые иностранные купцы (Любсъ, Гутвель) посылали закупать пеньку прямо въ Малороссію; но въ 1714 г. Петръ В. писалъ: «Господа Сенатъ! До насъ дошло, что вы опасаетесь запретить для тамошняго волного народу и въ томъ ни малой нѣтъ причины, ибо когда Рига была за шведами, тогда изъ черкасскихъ городовъ, а именно изъ Стародуба и изъ другихъ знатныхъ, какъ пеньку, такъ и прочіе товары въ Ригу возить было заказано, а велѣно возить къ г. Архангельскому; того для и нынѣ заказать мочно, о чемъ пошлите въ Кіевскую губ. указъ, дабы накрѣпко того смотрѣли, чтобъ пеньки, юфти и сала, кромѣ пристаней нашихъ, не возили и никуда не отпускали, чего для и мы отъ себя къ гетману писали» (ibid., IV, ч. I, 79[1]). Тѣмъ не менѣе, прежнія сношенія мѣстныхъ купцовъ даже непосредственно съ заграничными рынками продолжались[2]).

Вотъ почему извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ, въ своей «Статистикѣ», писанной въ 1776—77 гг., замѣтилъ, что «сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши» (Чтен. въ Общ. истор. и древн. Рос. 1859, III, с. 18). «Кромѣ условій мѣстной природы, говоритъ одинъ изъ историковъ этого края, развитію промышленности въ Стародубскомъ полку въ значительной степени способствовали великорусскіе раскольники, начавшіе здѣсь селиться въ XVII в., которые, видя скудость почвы для хлѣбопашества, стали посредниками при сбытѣ продуктовъ мѣстной промышленности между производителями и потребителями. Выгодные результаты этого посредничества обусловили съ своей стороны быстрое развитіе раскольничьихъ слободъ и превращеніе ихъ въ мѣстные торговые и про-

---

[1]) Стародубскимъ и малороссійскимъ купцамъ, которые возили свои товары къ Архангельску (съ 1701 г.), Петръ В. даровалъ право безпошлинной торговли, (Матер., изданные Судіенкомъ, II, 209).

[2]) Такъ, въ 1719 г., въ числѣ обвиненій, выставленныхъ при Скоропадскомъ противъ полк. Жоравки читаемъ: „II. 8. Еще за Мазепи въ году 1701, зайшла грамота монаршая о непропуску за пенкою до Кролевца Прусского, а п. полковникъ въ году 1713 посилалъ за своею пенкою Петра гречина при инихъ купцяхъ стародубскихъ за границю до Кролевца. Давидъ, сетренець полковничій, такожъ въ прошломъ 1718 г. зѣмою пенку пропускалъ за границу до тогожъ Кролевца" (Опис. Стар. Малороссіи, I, 42).

мышленные пункты». (Опис. Стар. Малороссіи, I, с. 111). Подтвержденіе этому факту мы находимъ въ наказахъ депутатамъ малороссійскихъ городовъ въ Екатерининской коммиссіи. Представляя крайній упадокъ этихъ послѣднихъ, мѣстные купцы и мѣщане утверждали, что, благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногородныхъ купцовъ, *а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы*, мѣстная торговля упала, а они мѣстные купцы «прежняго промыслу своего лишилися». Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ, великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, масло (олей), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостиныхъ дворахъ и торговли оптомъ (по таможен. уставу 1755 г.), они купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничвую торговлю, не встрѣчая со стороны городскаго управленія надлежащаго запрещенія (Сослов. нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи Кіев. Стар. 1891, т. XXXII, 88—89). Запорожье, въ свою очередь, хлопотало о томъ, чтобы задержать предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли (ib. 250). И самъ авторъ говоритъ: «Въ настоящее время старообрядческія слободы Черниговской губ., знаменитыя нѣкогда своимъ упорствомъ въ расколѣ, не менѣе знамениты своею промышленностью и торговою дѣятельностью. Благодаря имъ сѣверная часть губерніи приняла теперь рѣшительно промышленный характеръ» (стр. 57, 85). Понятно, почему Петръ В., предпочитавшій выгоды матеріальнаго благосостоянія метафизическимъ тонкостямъ, рѣшилъ оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ и освободить отъ зависимости мѣстныхъ державцевъ, вопреки настояніямъ, шедшимъ съ разныхъ сторонъ (64—65).

Такимъ образомъ постепенно, но послѣдовательно и прогрессивно шло увеличеніе матеріальныхъ средствъ въ раскольничьихъ слободахъ, особенно послѣ благосклоннаго отношенія къ ихъ положенію Петра III и Екатерины II. Дѣйствительно опись г. Стародуба и раскольничьихъ слободъ 1781 г. свидѣтельствуетъ уже о томъ цвѣтущемъ состояніи, котораго достигли, благодаря мирному развитію, означенныя общины (Опис. Стар. Малороссіи, I, 136, 242; II, 445—465): капиталы ихъ значительно возросли; расширились внутреннія и внѣшнія сношенія (Москва, Петербургъ, Орелъ, Калуга, Кіевъ, Кременчугъ, Харьковъ и др.; Рига, Варшава, Вильна, Кёнигсбергъ, Данцигъ и др.), появились новыя производства, связан-

ныя съ стремленіемъ къ внѣшнимъ удобствамъ[1]). Если къ этому прибавить, что при обыскахъ обыкновенно находили у раскольниковъ книги и рукописи (у автора, стр. 24—26, 219—221, 257, 336, 383, 449, 455 и др.[2]), что въ средѣ ихъ была распространена грамотность (152, 234, 572) и несомнѣнно существовалъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ, хотя по своему понимаемымъ, въ чемъ не отказываетъ имъ и авторъ (338), то едва ли жизнь означенныхъ общенъ можетъ представляться лишь съ одной печальной стороны (456); а безуспѣшность миссіонернаго дѣла противъ раскола въ значительной степени объясняется отсутствіемъ просвѣщенія въ средѣ духовенства.

Несомнѣнно, что успѣхъ раскола въ предѣлахъ Малороссіи и Польши въ значительной степени поддерживался крестьянской колонизаціей, со времени прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, а затѣмъ, благодаря политическимъ условіямъ этого послѣдняго, которыя, въ свою очередь, содѣйствовали значительному движенію русскаго населенія на западную границу (стр. 76).

Появленіе раскольниковъ въ предѣлахъ Украйны, согласно показанію лѣтописи Самовидца, относится ко времени непосредственно слѣдовавшему за московскимъ соборомъ 1666—67 гг. (131—132; у автора, 23). Къ сожалѣнію авторъ не свелъ всѣхъ данныхъ о постепенномъ ростѣ раскольничьихъ поселеній, а приводитъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (37, 64, 73—74, 89—81, 121; 126—131, 377, 473, 495). Тѣмъ не менѣе хотя и трудно дать точную цифру количества раскольниковъ въ разные періоды, и прежде всего вслѣдствіе подвижности этого населенія, однако, не смотря на неоднократныя «выгонки», оно постоянно возрастало. Такъ, вскорѣ послѣ выгонки 1735 г., вѣтковцы вновь оправились и заселили Вѣтку (302, 361, 384, 436). Въ царствованіе импер. Елисаветы не разъ поднимался вопросъ о выселеніи раскольниковъ въ Россію; до-

---

[1]) Такъ, въ сел. Клинцахъ, по той же описи, нѣкоторые изъ его обывателей „дѣлали для жителей и др. раскольн. слободъ *отмѣннаго качества печи*, на подобіе калужскихъ“ (Опис. Стар. Малор., II, 464).

[2]) „Въ раскольничьихъ мон-ряхъ и скитахъ нерѣдко сосредоточивалось огромное количество старопечатныхъ книгъ и рукописей“, говоритъ авторъ. Въ 1735 г. полковникъ Сытинъ отобралъ въ вѣтковскомъ Покровскомъ монастырѣ 682 книги, не считая брошюръ.

бивались того же гетманъ Разумовскій и малороссійсская старшина, хлопотали объ этомъ и сами раскольники; но старанія ихъ не имѣли успѣха (Лилеевъ, 505—511, 533). Въ 1752 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ Обрѣзковъ предлагалъ: «Впрочемъ для наполненія Новой Сербіи народомъ и чтобъ въ постройкѣ для охраны этой страны крѣпостей убытка не было, не благоугодно ли будетъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, *которыми наполнены многія превеликія деревни по польской границѣ и ниже по Днѣстру*» (Соловьевъ, XXIII, 188). А въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина II писала архіеп. Димитрію Сѣченову слѣдующее: «Я къ вамъ посылаю генералъ-прокурора съ письмомъ отъ нашихъ переселившихся въ Польшу раскольниковъ, и желаю о семъ знать ваше мнѣніе. *Ихъ до трехсотъ тысячъ* и нѣтъ надежды, чтобъ они возвратились въ Россію, еще менѣе къ православію, покамѣсть они тамъ. Я бъ желала изыскать способы къ тому и другому, и для того вручитель сего имѣетъ съ вашимъ прессв. говорить и посовѣтовать». (Сборн. Р. И. О., X, 259). Слободскихъ раскольниковъ къ нач. цар. Екатерины II насчитывали 15884, а въ 1790 г. уже до 50000 чел. (Щекатовъ, Словарь геогр. Рос. имперіи, 1262; Филаретъ, Ист. статис. опис. Черниговской епар., I, 151; авторъ, 129).

Книга автора, будучи посвящена одному изъ выдающихся эпизодовъ въ исторіи раскола, принадлежитъ къ небольшой серіи изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью изученіе мѣстнаго раскола и между прочимъ весьма цѣнныхъ по извлеченію любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Вообще, литература изслѣдована авторомъ въ достаточной полнотѣ. Благодаря собранному матеріалу, ему удалось выяснить выдающуюся и важную роль Вѣтки и Стародубья въ общей исторіи раскола. Не менѣе подробно представлена имъ раскольничья полемическая литература, хотя не всегда точно опредѣляется ея характеръ, какъ было указано автору въ одной рецензіи на его сочиненіе [1]. Точно также авторъ признаетъ важное колонизаціонное значеніе раскольничьихъ скитовъ (213), огромное хозяйственное, промышленное и даже воспитальное значеніе этихъ послѣднихъ среди мѣстнаго населенія (214—215), хотя и менѣе останавливается на этихъ вопросахъ или съ недостаточною полнотою освѣщаетъ ихъ. — Не можемъ однако не отмѣтить весьма существеннаго пробѣла въ его

[1]) Новый трудъ по исторіи раскола, П. С. Смирнова (Христ. Чтен. 1895, №№ 11 и 12, стр. 536—547).

трудѣ а именно преобладанія внѣшней исторіи надъ внутренней: чертъ этой послѣдней собрано гораздо менѣе, притомъ авторъ судитъ о ней иногда по отрывочнымъ, случайнымъ фактамъ, но отчасти, быть можетъ виною здѣсь былъ тотъ архивный матеріалъ, которымъ пользовался авторъ. «Записокъ современниковъ и безпристрастныхъ постороннихъ наблюдателей, говоритъ онъ, почти не имѣется, а если есть немногія современныя записки, то онѣ касаются болѣе внѣшней стороны жизни слобожанъ, чѣмъ внутренней» (307). Изслѣдованіе автора представляетъ убѣдительное подтвержденіе того общепризнаннаго историческаго факта, что религіозныя преслѣдованія обыкновенно не достигаютъ своей цѣли... По этому поводу онъ говоритъ: «Извѣстно, что религіозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубьѣ преслѣдованіе слободскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, «происканіе» ихъ бѣглыхъ поповъ, повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковью, а усиленіе и распространеніе безпоповщины, которая въ своихъ взглядахъ на православную церковь и православную власть суровѣе и фанатичнѣе послѣдователей поповщины. Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться.

В. Иконниковъ.

О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. *М. 1895. 8 д. л. 9 стр.*[1]).

Когда въ 1665 г. Брюховецкій согласился на обложеніе малорусскаго посполства денежными поборами въ казну государеву, то потребовалась подворная перепись этого посполства; посланы были въ Малороссію переписчики, и въ 1666 г. произведена была перепись, которая должна была представить точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи каждаго плательщика, чтобы «на основаніи этихъ свѣдѣній отнести его къ тому или другому разряду, по количеству слѣдовавшихъ съ него сборовъ». Переписаны были «всякіе чины жи-

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ Чтеній въ общ. историч. и древн. россійск., 1895 г. кн. 4.

лецкихъ промышленныхъ и тяглыхъ людей, а въ селахъ и деревняхъ крестьяне и бобыли по именамъ, кто именно какими угодьи владѣютъ и сколькими волами и коньми пашню кто пашетъ и своими ль или чужими, опричь козаковъ и козацкихъ земель и угодій». Также переписаны были «належащія къ городамъ, селамъ и деревнямъ угодья: рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровые гоны, звѣриныя стойла и бортныи ухожаи и пасеки, и мельницы, и рудни и иные заводы». Перепись 1666 г. нѣсколько извѣстна уже по тѣмъ отрывкамъ, которые приведены изъ нея Костомаровымъ въ «Рунѣ» относительно Переяславскаго и Нѣжинскаго полковъ. Костомаровъ заимствовалъ свои отрывки изъ найденныхъ имъ въ Моск. арх. мин. юстиціи неполныхъ переписныхъ книгъ, которыя послѣ окончанія переписи, привезены были въ Москву и сданы въ малороссійскій приказъ. Кромѣ напечатанныхъ Костомаровымъ отрывковъ, остальныя переписныя книги оставались въ неизвѣстности. Въ послѣднее время нашелъ значительную ихъ часть г. Эйнгорнъ, о чемъ и сообщаетъ въ названной брошюркѣ. Найдено описаніе Стародубскаго полка, оказавшееся въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, а въ архивѣ министерства юстиціи оказались: часть Нѣжинскаго полка (Батуринъ, Бахмачъ, Конотопъ, Нов. Млины), часть Черниговскаго, часть Полтавскаго и полныя описанія полковъ: Кіевскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. Какія именно заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія переписныя книги, это видно изъ приведенныхъ г. Эйнгорномъ отрывковъ, къ сожалѣнію очень коротенькихъ. Вотъ одинъ такой отрывокъ: «Города Батурина мѣщанинъ Климъ Лукьяновъ, у него два сына Левка и Лучка, пашенной человѣкъ, пашетъ четырьмя волами, у него жъ конь для промыслу, конемъ не пашетъ; положено на него денежного оброку 8 алтынъ 2 денги, а по малороссійски полконы. Мѣщанинъ убогій человѣкъ Степанъ Григорьевъ, у него два сына Ивашка да Васка, живетъ въ чюжой избѣ; положено на него денежного оброку 3 алтына 2 денги, а по малороссійски ползолотого. Мѣщанинъ Василій Семеновъ, ремесленной человѣкъ, кушнеръ, цехмистръ, бездѣтенъ, положено на него денежного оброку 10 алтынъ, а по малороссійски полътареля...» [1]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Эйнгорнъ добавляетъ, что нѣкоторымъ восполненіемъ ненайденныхъ переписныхъ книгъ можетъ служить «кон-

[1]) „Талеръ“ имѣлъ два значенія: для обозначенія крупной заграничной серебряной монеты—*талеровъ* (при чемъ добавлялось: *битыхъ* талеровъ) и для означенія счета копѣекъ; въ послѣднемъ случаѣ талеръ означалъ 60 коп., какъ копа—50 коп. Такъ и здѣсь: 10 алтынъ—полталера, т. е. 30 коп.

путъ, выражоный по росказаню ясневелможного его мил. п. гетмана на виконане присяги противно маестату его царского пресвѣтлого величества въ року 1676, въ мѣсяцѣ февралѣ». Этотъ «компутъ» заключаетъ въ себѣ списокъ малороссіянъ, присягавшихъ, въ февралѣ 1676 г. новому царю Федору Алексѣевичу.

Несомнѣнно, что указываемыя г. Эйнгорномъ переписныя книги заключаютъ въ себѣ чрезвычайной важности матеріалъ для изученія экономической жизни лѣвобережной Малороссіи въ годъ очень близкій къ 1654 г. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка гетманщина сильно пострадала отъ разоренія, которымъ сопровождалась междоусобица непосредственныхъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго, при чемъ во многихъ изъ поселеній южныхъ полковъ сильно измѣнилась численность жителей сравнительно съ моментомъ переяславскаго договора, но въ полкахъ сѣверныхъ разореній почти не было и ихъ населеніе оставалось, слѣдовательно, въ томъ же почти положеніи, какъ было и въ 1654 г. Такимъ образомъ переписныя книги Стародубскаго, Черниговскаго и значительной части Нѣжинскаго полковъ даютъ матеріалъ, по которому можно представить экономическое положеніе посполитаго населенія сѣверной Малороссіи въ моментъ ея присоединенія къ Россіи. Знанія же наши по этому предмету въ настоящее время, какъ извѣстно, скудны до чрезмѣрности. Нельзя поэтому не желать скорѣйшаго обнародованія переписныхъ книгъ и конечно удобнѣе всего было бы явиться имъ—продолженіемъ «Актовъ, относящихся къ истори южной и западной Россіи», замершихъ на XV-мъ томѣ. Приготовить къ печати переписныя книги, вѣроятно, не отказался бы г. Эйнгорнъ, заявившій на будущій кіевскій съѣздъ вопросъ о малорусскомъ посполствѣ по даннымъ переписи 1666 г. Будемъ надѣяться, что «Археографическая коммиссія» обратитъ свое вниманіе на этотъ важный для южнорусской исторіи памятникъ.

А. Л.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. *Царствованіе императора Александра I, (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. СПБ. 1896.*

Вошедшіе въ настоящую часть IV тома Архива Государ. Сов. журналы описаны въ той же системѣ, которая принята была въ

предшествующихъ частяхъ того-же изданія, причемъ въ журналахъ не допускалось никакихъ измѣненій въ слогѣ, за исключеніемъ исправленія явныхъ ошибокъ. Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Соб. законовъ, подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія; свѣдѣнія же о Высочайшихъ утвержденіяхъ мнѣній Государств. Совѣта извлечены изъ меморій общаго собранія Г. С. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный.

Редакціей этой части завѣдывалъ членъ археографической коммиссіи Г. Ф. Штендманъ.

Изъ журналовъ совѣта, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, имѣютъ отношеніе къ задачамъ «Кіевск. Старины» постановленія совѣта по нижеслѣдующимъ дѣламъ:

1) 1824 г. ноября 10. По прошенію вдовы полковника Лазаря Текелли, Маріи, о дозволеніи ея зятю, маіору Куракину 2-му, принять фамилію Текелли и именоваться Куракинымъ-Текелли.

2) 1819 г. мая 19.—Объ опекунствѣ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ коллеж. ассесора Ивана Заруднаго, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 1815 г. сентября 30.—По дѣлу вдовы генералъ-аншефа графа Станислава-Щенснаго Потоцкаго († 1805 г.), графини Софіи, урожденной Дечеличе, отказавшейся отъ представленія отчетовъ по управленію имѣніемъ ея малолѣтнихъ дѣтей.

4) 1816 г. февраля 10.—О дозволеніи продажи части имѣнія малолѣтнихъ дѣтей умершаго († 1812 г.) графа Владиміра Потоцкаго, на уплату его долговъ.

5) 1818 г. ноября 28.—О дозволеніи продажи изъ имѣнія въ Волынской губерніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей умершаго князя Александра Сапѣги, оставшагося послѣ кончины жены его, княгини Теофилы, урожденной княжны Яблоновской, 2,200 душъ на уплату долговъ по закладнымъ.

6) 1819 г. марта 27.—О разрѣшеніи продажи недвижимаго имѣнія въ г. Кіевѣ и въ кіевской губерніи малолѣтнихъ дѣтей умершаго коллеж. ассесора Григорія Бунге, имѣвшаго братьевъ Ѳедора и Христіана, для уплаты долговъ.

7) 1817 г. апрѣля 5.—По прошенію полковника польскихъ войскъ, графа Александра Ходкевича, о распространеніи учрежденной въ Царствѣ Польскомъ надъ слабоумнымъ братомъ его, графомъ Іосифомъ Ходкевичемъ, опеки на имѣнія его въ кіевской и волынской губерніяхъ.

8) 1821 г. октября 20.—Объ опекѣ надъ слабоумнымъ помѣщикомъ волынской губерніи Константиномъ Міончинскимъ.

9) 1814 г. мая 28.—По дѣлу о претензіи помѣщика Забѣлло на козаковъ сосницкаго повѣта с. Хлопяниковъ въ порубкѣ ими Хлопяницкаго лѣса.—Село Хлопяники, съ прочимъ имѣніемъ, принадлежало, по пожалованію, гетману Апостолу. На землѣ означеннаго села, Апостолъ поселилъ д. Долгую Греблю, которая впослѣдствіи досталась Скоропадскому, а отъ него продана Забѣллѣ, предъявившему искъ къ хлопяницкимъ козакамъ за произведенную ими въ 1798 г. порубку, за которую черниговскими судебными властями было положено на нихъ взысканіе; въ 1814 г. было отказано Забѣллѣ въ его претензіи.

10). 1817 г. февраля 1.—По дѣлу объ отсужденныхъ изъ владѣнія подпоручицы Безобразовой земляхъ по р. Хопру съ поселенными на нихъ малороссіянами.

11) 1813 г. февраля 20.—О возвращеніи маіору Алексѣеву бѣглаго крестьянина его изъ с. Покровской Богачки, хорольскаго уѣзда, Трофима Кравца, поселившагося въ 1795 г. въ казенномъ селѣ Романковѣ екатеринославской губерніи.

12) 1816 г. ноября 9.—По дѣлу генералъ-маіора Курнакова съ графомъ Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ о спорныхъ малороссійскихъ крестьянахъ, Филиппѣ Насоченкѣ и Семенѣ Зайченкѣ, занимавшихся чумачествомъ и записанныхъ раньше въ имѣніи гр. Воронцова, с. Ивановѣ тамбовскаго округа, и поселившихся потомъ въ слободѣ Мачеховкѣ черкасскаго уѣзда, принадлежавшей Курнакову.

13) 1812 г. февраля 15 и мая 9.—По дѣлу графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ переяславскимъ монастыремъ о земляхъ при м. Яготинѣ, с. Годуновкѣ и х. Лозовомъ ярѣ.

14) 1816 г. ноября 16.—По дѣлу графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго съ коллежскимъ совѣтникомъ Иваномъ Губчицемъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Шершневая Дуброва въ почепскомъ уѣздѣ.

15) 1819 г. іюня 2.—По дѣлу титулярнаго совѣтника Павла Войновича съ войсковыми обывателями валковскаго уѣзда харьковской губерніи о землѣ при слободѣ Коломаки валковскаго уѣзда.

16) 1811 г. августа 10.—Объ отобраніи отъ пробощa (приходскаго священника) Розалевича земли, принадлежащей г. Ушицѣ.

Н. С.

Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. *Черниговъ 1896. Стр. 252+88+96+32+X.*

Книжка эта составлена по общему типу губернскихъ памятныхъ книжекъ. Кромѣ календарныхъ и адресныхъ свѣдѣній она заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи, относящіяся къ области «Кіевской Старины»:

1) *Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ остерскаго уѣзда.* М. Константиновича.—Статья эта перепечатана изъ «Кіевск. Стар.» 1896 г. № 11 (ноябрь).

2) *Бѣловежскія колоніи въ борзенскомъ уѣздѣ.* Александра Ковалевскаго.—Интересный очеркъ возникновенія нѣмецкихъ колоній въ глубинѣ Малороссіи. «Императрица Екатерина II въ 1763 году обнародовала Высочайшій манифестъ о вызовѣ иностранцевъ для заселенія Саратовскихъ степей. Дѣло переселенія и всесторонняго устройства этихъ колонистовъ было поручено канцеляріи опекунства иностранныхъ поселенцевъ, при чемъ всѣ колонисты первоначально были привозимы въ *Петербургъ* и уже оттуда партіями развозились на предназначенныя для нихъ земли. Когда этихъ колонистовъ накопилось такое количество, что ихъ уже было болѣе чѣмъ достаточно для предположеннаго населенія пустыхъ мѣстъ *Саратовской* губерніи, то по волѣ Императрицы часть изъ нихъ изъ *Петербурга* была прислана въ распоряженіе малороссійскаго генералъ-губернатора, генералъ-фельдмаршала графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго* для поселенія ихъ въ Малороссіи. Это было въ 1767 году. Мѣстомъ для устройства новыхъ поселеній колонистами *Румянцевъ-Задунайскій* избралъ такъ называемую Бѣловѣжскую степь, принадлежавшую до того времени малороссійской генеральной артиллеріи, для лошадей которой она служила пастбищемъ.

Степь эта, въ нынѣшнемъ *Борзенскомъ* уѣздѣ *Черниговской* губ., въ разстояніи 30 верстъ отъ г. *Борзны* (бывшаго тогда сотеннымъ мѣстечкомъ), 40 вер. отъ м. *Батурина* и 18 в. отъ м. *Иваницы*, представляла собою ровную, низкую и безлѣсную площадь. Привезенные туда колонисты, въ числѣ болѣе 800 душъ, всѣ были изъ нѣмецкой земли и различнаго вѣроисповѣданія: римско-католическаго 317 душъ (обоего пола), лютеранскаго 500 душъ и реформатскаго, т. е. кальвинистовъ — 43 души».

Изъ этихъ колонистовъ образовано было 6 поселеній: 1) Екатериноль, 2) Бѣловѣжская колонія, 3) Гроссъ-Вердеръ, 4) Клейнъ-Вердеръ, 5) Калчиновка и 6) Рундевизе. Всѣ постройки и сооруженія въ этихъ поселеніяхъ были сдѣланы на счетъ казны и обошлись въ 83000 рублей. Въ эпоху *Румянцева* колонисты управлялись по особому уставу, изданному для нихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о бѣловѣжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ интересующіеся предметомъ могутъ найти въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: «Нѣжинскій полкъ», К. 1893, стр. 131—135, и въ книгѣ А. А. Велицына: «Нѣмцы въ Россіи», Спб. 1893, стр. 40—43 и 50.

3) *Историческія замѣтки о нѣкоторыхъ селахъ черниговской губерніи*. А. Л. — «Предлагаемыя замѣтки», по словамъ ихъ автора, «не заключаютъ въ себѣ какого либо систематическаго описанія, а составляютъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ или другомъ селѣ, имѣющія значеніе какъ для исторической топографіи, такъ и для исторіи землевладѣнія данной мѣстности. Источникомъ предлагаемыхъ замѣтокъ служилъ преимущественно матеріалъ архивный». Описаны такимъ образомъ поселенія: Рогоща, Суличовка, Старый Бѣлоусъ, Новый Бѣлоусъ, Жукошки, Яновка, Сядрячи, Юрьевка, Рябцы, Гучинъ, Ямище, Лиственъ, Бобровица, Брусиловъ, Березанка, Лопатинъ, Тереховка, Черторійка, Рѣпки, Каменка, Старые Яриловичи, Новые Яриловичи, Буянки, Свиконухи, Гусеенка, Маслоковка, Чепѣговка, Голубичи, Церковище, Постовбица, Вербичи, Великая Весь, Осняки, Сибережъ, Звинячевъ, Роище, Слобода Роисская. Всѣ эти поселенія расположены въ черниговскомъ и городнянскомъ уѣздахъ. Исторію нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ поселеній можно прослѣдить далѣе въ глубь вѣковъ, чѣмъ это сдѣлано въ «Замѣткахъ», благодаря появленію въ свѣтъ «Актовъ Литовской Метрики», изданныхъ проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ (Варшава, 1896 г.). Относительно поселеній *Рогощи* и *Сибережи* имѣется въ «Актахъ» Леонтовича (стр. 123, № 314) слѣдующій документъ отъ 22 августа 1496 г.: «Самъ Алек-

сандръ Божію милостію. Билъ намъ чоломъ подключій Виленскій Богданъ Павловичъ и повѣдалъ передъ нами, штожъ отчина его и дѣдина, имѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ есть на имя *Сибрежъ* а Заболовесье зъ бобровыми гоны у въ обрубѣ, а селища *Рющь* а Заменайловище и бортная земля, и билъ намъ чоломъ, абыхмо тые его имѣнія потвердили ему нашимъ листомъ. И мы тые вси имѣнія, отчину и дѣдину его, люди, и селища, и земли пашные, и бортные, и бобровые гоны потвержаемъ ему симъ нашимъ листомъ...» Мѣстностью по р. Бѣлоусу (с. с. *Старый* и *Новый Бѣлоусь*) въ XV-мъ вѣкѣ владѣлъ черниговскій *боярин*ъ Иванъ Григорьевичъ Цыбъ. Грамотой отъ 31 октября 1495 г. великій князь литовскій Александръ утвердилъ эти имѣнія за племянникомъ жены боярина Цыба княземъ Петромъ Михайловичемъ Масальскимъ «со всими доходы и платы, и зъ ловы звѣриными и рыбными, и зъ бобровыми гоны, какъ держалъ *небощикъ Ивашко*»... Скоро князь Масальскій въ свою очередь умеръ и его имѣнія великокняжеской грамотой отъ 11 февраля 1496 года были утверждены зо дворяниномъ Андреемъ Дрожкою (стр. 87, № 223, и стр. 92, № 235).

4) *Народныя пѣсни.*—«Прилагаемыя народныя пѣсни черниговской губерніи собраны по распоряженію г. черниговскаго губернатора *Е. К. Андреевскаю* чинами полиціи отъ мѣстныхъ жителей и отъ лицъ, занимающихся записываніемъ пѣсенъ. Пѣсенъ было доставлено болѣе 500; получивъ такой большой сборникъ, г. начальникъ губерніи обратился къ г. директору народныхъ училищъ черниговской губерніи *Петру Васильевичу Евстафьеву* съ покорнѣйшей просьбой прочесть ихъ, разсортировать, сдѣлать выборку и оставить для напечатанія въ «Памяткѣ» только такія, которыя стоятъ того.

Результатомъ благосклоннаго вниманія многоуважаемаго Петра Васильевича явился предлагаемый вниманію читателей сборникъ, очищенный отъ всего такого, напечатаніе чего могло-бы считаться почему бы то ни было неудобнымъ».

Пѣсни расположены по уѣздамъ: 1) Нѣжинскій уѣздъ, 2) Борзенскій уѣздъ, 3) Глуховскій уѣздъ, 4) Мглинскій уѣздъ, 5) Городнянскій уѣздъ, 6) Стародубскій уѣздъ, 7) Козелецкій уѣздъ, 8) Новгородсѣверскій уѣздъ, 9) Черниговскій уѣздъ, 10) Кролевецкій уѣздъ; изъ остальныхъ пяти уѣздовъ черниговской губерніи нѣтъ образцовъ пѣсенъ. Пѣсни записаны съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора и рисуютъ до нѣкоторой степени пеструю картину разнообразныхъ говоровъ черниговской губерніи. Онѣ снабжены примѣчаніями, но, къ сожа-

лѣнію, въ этихъ примѣчаніяхъ не дано указаній, какія пѣсни были уже напечатаны въ существующихъ сборникахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ, и какія появляются въ печати впервые; въ примѣчаніяхъ обыкновенно передается прозой содержаніе пѣсни и оцѣнивается эстетическое ея значеніе въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: «Довольно складная пѣсенька, хотя и не во всѣхъ стихахъ выдерживаетъ стройный метръ»... «Мотивъ этой семейной, довольно складной пѣсни грустный, безотрадный»... «Текстъ пѣсни горячій, темпъ быстрый, тонъ задорный и юмористическій, хотя юморъ совершенно особенный»... «Пѣсня полновѣсна по содержанію, а грустный тонъ и стройный размѣръ напрашиваются на заунывный напѣвъ, который, вообще говоря, характеризуетъ народныя семейныя пѣсни»... «Тонъ повѣствованія таковъ, что производитъ впечатлѣніе сильное, но не тягостное»...

Приведенные примѣры достаточно характеризуютъ научные пріемы черниговскаго комментатора пѣсенъ. Къ «Памяткѣ» приложены: 1) Фак-симиле собственноручнаго письма (1691 г.) святителя Ѳеодосія Углицкаго къ знатному войсковому товарищу Ивану Петровичу Забѣлѣ (род. 1665†1703), владѣльцу с. Обтова (кролевецкаго уѣзда), 2) портретъ св. Ѳеодосія Углицкаго, 3) видъ развалинъ Юрьевой божницы, 4) виды черниговскихъ соборовъ: Спасо-Преображенскаго и Борисо-Глѣбскаго, 5) Карта Черниговской губерніи и 6) планъ гор. Чернигова. Кромѣ того имѣются снимки иконъ, сооруженныхъ жителями черниговской губ. въ память кончины императора Александра III и бракосочетанія царствующаго Государя.

Л. С.

П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. (*Кіевъ 1897*). *Стр. 87. Цѣна 75 к.*

Небольшая по объему книжка эта весьма богата содержаніемъ. Здѣсь въ сжатыхъ очеркахъ сдѣланъ генеральный смотръ всѣмъ существеннымъ добыткамъ науки въ области археологіи, топографіи и исторіи кіевской территоріи и ея ближайшихъ окрестностей отъ временъ доисторическихъ до XIII ст. Г. Армашевскому принадлежитъ весьма интересный и цѣнный очеркъ геологической и палеонтоло-

гической исторіи этой мѣстности. Послѣ тщательной сводки добытыхъ уже данныхъ, проф. А. приходитъ къ положительному заключенію о существованіи здѣсь человѣка уже въ т. наз. палеолитическую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, представителемъ послѣледниковой фауны. Появившись въ кіевской мѣстности въ раннюю пору послѣледниковой эпохи, доисторическій человѣкъ продолжалъ здѣсь оставаться и въ эпоху неолитическую. Изслѣдованіе породъ, гдѣ найдены орудія первобытнаго человѣка этихъ эпохъ, заставляетъ автора думать, что если періодъ исторической жизни человѣка въ кіевской территоріи долженъ быть исчисленъ приблизительно въ 2000 лѣтъ, то періодъ доисторическаго его существованія здѣсь обнималъ промежутокъ времени въ нѣсколько разъ большій.

Двѣ лекціи проф. Антоновича: «Кіевъ въ дохристіанское время» и «Кіевъ въ княжеское время» отличаются обычными для этого изслѣдователя блестящими достоинствами: богатствомъ содержанія и необыкновеннымъ умѣньемъ передать это содержаніе въ немногихъ словахъ. Характеризуя находки неолитической эпохи на кіевской территоріи, авторъ, между прочимъ, обстоятельно указываетъ на значеніе для доисторическаго человѣка кіевскихъ пещеръ, переходитъ затѣмъ къ находкамъ т. наз. скифскаго періода, даетъ этнографическій очеркъ мѣстности, отводитъ надлежащее мѣсто легендѣ о первыхъ кіевскихъ князьяхъ и заканчиваетъ первую лекцію обзоромъ топографіи древнѣйшаго Кіева. Въ такомъ-же порядкѣ—изложенія археологическаго, историческаго и топографическаго — представлена картина Кіева княжескаго времени. Передать въ библіографической замѣткѣ содержаніе этихъ лекцій, суммирующихъ плоды многолѣтнихъ изысканій, считаемъ совершенно невозможнымъ: интегресующійся предметомъ пусть прочтетъ книгу.

Жаль, что въ книгѣ встрѣчается немало досадныхъ опечатокъ.

Н. М.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897 г. № 1—3.

Письма и записки имп. Екатерины II. Между прочимъ, нѣсколько писемъ о дочери К. Г. Разумовскаго Елисаветѣ, лишенной званія фрейлины за интригу съ гр. Апраксинымъ, впослѣдствіи постригшейся въ Кіевѣ во Фроловскомъ монастырѣ и бывшей его игуменьею (№ 2).

Изъ прошлаго русскаго консульства въ Яссахъ, А. Гирса. Свѣдѣнія о назначеніи, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, перваго консула Лашкарева и о секретномъ порученіи ему, касающемся архимандрита Дамаскина. Въ приложенномъ прошеніи послѣдняго сообщаются интересныя подробности о секундъ-маіорѣ Назаріи Каразинѣ (отецъ основателя Харьковскаго университета), который являлся къ Д. съ тайными порученіями русскаго правительства и жилъ въ монастырѣ въ монашескомъ платьѣ (№ 2).

Рескриптъ Екатерины II гр. П. А. Румянцеву (9 окт. 1791) о присылкѣ изъ Нѣжина мальчика грека лѣтъ 10—14 «который зналъ бы свой языкъ» для услугъ в.к. Константину Павловичу (№ 3).

Къ біографіи гр. Н. П. Румянцева, М. А. Веневитинова. 1) Замѣтка о днѣ рожденія графа; на основаніи его писемъ, это—3 апрѣля 1754. 2) Пожертвованіе Р—мъ Харьковскому коллегіуму ста медалей съ изображеніемъ дяди его кн. Д. Голицына, «между прочими предметами благотворительности особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ», для выдачи ежегодно пяти лучшимъ воспитанникамъ, а также 2000 рублей—на изготовленіе медалей и другія нужды коллегіума. 3) Учрежденіе Р—мъ въ 1805 г. въ память отца его фельдмаршала П. А. Р—ва, при гробѣ его въ Кіево-печерской Лаврѣ, коллегіи изъ шести военнослужившихъ съ назначеніемъ имъ пенсіи по 1000 р. каждому[1]) (№ 3).

Къ біографіи пр. Дегурова. Письмо Рунича къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (10 марта 1823) съ представленіемъ Д. къ ордену св. Анны 2-й съ бриллiантами, какъ «профессора не по имени, который сдѣлалъ-бы честь и Парижскому университету и который тогда, когда разносятся по всей Европѣ вопли безбожія и возмущенія, не боится проповѣдовать ученіе религіозное и монархическое» (№ 3).

Таганрогъ въ 1825 г. Н. К. Тильдера. Подробный разсказъ о кончинѣ имп. Александра I (№ 1).

Воспоминанія Е. Ю. Хвощинской (рожд. кн. Трубецкой). Въ началѣ описывается семья генеральши Дуниной (прабабушки автора), жившая при ней въ с. Водолагахъ, харьковской губ., и состоявшая изъ 6 дочерей, 24 внуковъ и 76 правнуковъ; патріархальная жизнь семьи, разнообразившаяся путешествіями на богомолье—преимущественно въ Кіевъ, гдѣ жили родственники Бердяевы (посѣщеніе схимника Парѳенія). Одна изъ дочерей Д. была замужемъ за Бахметевымъ; отъ этого брака родилась мать автора. Отецъ ея, извѣстный музыкантъ Ю. И. Галицынъ, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Харь-

---

[1]) Послѣдній документъ былъ напечатанъ полностью еще въ 1826 г. митр. Евгеніемъ въ „Описаніи К.-П. Лавры", стр. 167—170.

ковскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Н. А. Долгорукомъ; въ мемуарахъ описано оригинальное сватовство его (въ Водолагахъ) и вѣнчаніе (въ Харьковѣ, въ 1843). Статья не окончена (№ 3).

Александръ Григорьевичъ Тройницкій. (Одесскій періодъ его службы) А. Ѳ. Шидловскаго. Т. происходилъ изъ стариннаго козацкаго рода; родился въ Одессѣ въ 1807 г., воспитывался въ Одесскомъ благородномъ институтѣ (впослѣдствіи Ришельевскій Лицей). Службу началъ при томъ же институтѣ, затѣмъ служилъ въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, былъ цензоромъ и секретаремъ цензурнаго комитета, служилъ въ управленіи одесскаго градоначальства и т. п., впослѣдствіи Т. былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и однимъ изъ дѣятелей крестьянской реформы. Кромѣ біографическихъ данныхъ о Т. статья заключаетъ свѣдѣнія объ одесской журналистикѣ 20—30-хъ годовъ. Т. былъ первымъ редакторомъ издававшихся «подъ вѣдѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора» (гр. Воронцова) двухъ газетъ: «Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa». По ходатайству гр. В. редакціи разрѣшено было составлять самостоятельныя политическія обозрѣнія и печатать иностранныя корреспонденціи, при чемъ цензура газетъ поручена была ихъ редактору д. с. с. Т—му. Когда, послѣ перехода гр. В. на Кавказъ, его преемникъ затруднялся сохранить за газетами эти льготы, гр. В. исходатайствовалъ въ III отд. С. Е. В. канцеляріи ихъ подтвержденіе (№ 2).

Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому. Кое какіе факты, преимущественно литературнаго характера, изъ жизни Одессы въ 30 и 40 годахъ (№ 1).

Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенаріуса. Авторъ старается точно опредѣлить день встрѣчи Г. съ П. и Р. Съ П—мъ Г. могъ встрѣтиться или у Плетнева въ среду 5 мая 1831 г., или у Жуковскаго въ субботу 8 мая; Р. увидѣлъ Г. на урокѣ у Балабиныхъ («замѣтилъ его и тотчасъ узналъ хохла») въ четвергъ 6 мая, а на другой день П. и Ж. «схватили его и повезли во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ» (№ 2).

Мировой судъ въ Подоліи (изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи) И. Н. Захарьина (Якунина). Гл. I—V. Г. Захарьинъ, когда (въ 70 годахъ) состоялось назначеніе его мировымъ судьею Литинскаго округа, «жилъ отъ Подоліи за тысячу слишкомъ верстъ и не имѣлъ никакого представленія о томъ, гдѣ именно находится его участокъ». Конечно, ему «не легко было оріентироваться» въ непривычныхъ для него условіяхъ, и онъ съ брезгливостью настоящаго петербургскаго чиновника описываетъ два города, куда привела его судьба—Бердичевъ и Литинъ. Статья имѣетъ анекдотическій характеръ, но представляетъ большой интересъ по сообщаемымъ въ ней фактамъ. Сначала изображается провинціальное чиновничество (ловеласъ-губернаторъ

М—ичъ; полицейскій надзиратель Жав—скій, нашедшій убѣжище отъ возмездія за свои преступленія въ принятіи духовнаго сана: окончилъ курсъ семинаріи). Затѣмъ авторъ изображаетъ своихъ сотоварищей судей; это—честолюбивый полякъ, взяточникъ-поповичъ и сибаритъ-нѣмецъ; разсказывая о плутняхъ второго, З. замѣчаетъ: «было-бы конечно немыслимо существованіе такого судьи, если-бы ему пришлось быть избираемымъ»... Наконецъ, изображаются мѣстные адвокаты—нѣмецъ, еврей, русскій и полякъ, послѣдняго З. называетъ «самый приличный, самый симпатичный и самый достаточный»). Приводятся наиболѣе характерныя дѣла—кражи, въ томъ числѣ конокрадство и лѣсныя порубки, и ростовщичества; при этомъ сообщается много бытовыхъ подробностей. Мимоходомъ упоминаются Н. П. Пироговъ и П. П. Демидовъ кн. Санъ-Донато (анекдотъ о ревизіи Литинскаго полицейскаго управленія (№ 2 и 3).

Кромѣ того въ Р. Ст. продолжалось печатаніе *Записокъ Михаила Чайковскаго* (№ 2).

Историческій Вѣстникъ 1897 г., № 1—3.

Замѣчательныя русскія женщины. Графиня М. А. Румянцева (1698—1788). В. О. Михневича. Гр. Румянцева ур. Матвѣева (внучка Артамона Сергѣевича) въ молодости пользовалась расположеніемъ Петра В., который и устроилъ бракъ ея съ Р—мъ. «Отъ этой связи, по преданію, родился знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцевъ». Въ статьѣ сообщаются между прочимъ подробности о жизни Р—вой въ Малороссіи, въ то время когда мужъ ея былъ правителемъ Малороссіи, и объ имущественныхъ дѣлахъ ея и ея знаменитаго сына. Къ статьѣ приложенъ портретъ (съ оригинала принадлежащаго кн. Кочубею (№ 1).

Загробный журналъ Пушкина.—Б. Б. Глинскаго. Исторія Пушкинскаго «Современника» подъ ред. Плетнева. Интересны свѣдѣнія объ участіи Гоголя въ основаніи и изданіи журнала и о послѣдующемъ разочарованіи въ немъ, а также объ оставленіи Квиткою сотрудничества въ журналѣ (№ 1).

Кіевскіе безпорядки (изъ воспоминаній очевидца) А. М.—Разсказъ очевидца о крестьянскихъ волненіяхъ въ кіевской губерніи въ 1855 г. (авторъ-офицеръ участвовавшій въ усмиреніи крестьянъ). Подробно описано нападеніе крестьянъ на м. Корсунь, усмиреніе возстанія и послѣдовавшія экзекуціи. Упоминаются и другіе эпизоды, между прочимъ возстаніе въ кіевскомъ уѣздѣ, усмиренное полк. Волковымъ (полковой товарищъ ген.-губ. кн. Васильчикова, разжалованный въ солдаты и опять выслужившійся). Причина возстанія, по словамъ автора, та, что «кіевскіе крестьяне, не смотря на вѣковое закрѣпо-

щеніе, по преданіямъ считали себя козаками». Вообще «народъ во многомъ отличался отъ крестьянъ великорусскихъ; онъ безспорно былъ нравственнѣе, честнѣе и благоразумнѣе ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло не касалось завѣтной ихъ мечты о волѣ» (№ 3).

Заокеанская Русь (*соціалогическо-описательный очеркъ*) *графа Леливы* (*Е. Н. Матросова*). *Гл. I. Въ преддверіи «Новаго Свѣта»*. Въ этой главѣ идетъ рѣчь о русскомъ населеніи Нью-Іорка. Авторъ дѣлитъ его на три «разновидности»: русь россійскую (всего 150 чел.), галицкую и угорскую (вмѣстѣ 6000 чел.) и изображаетъ его религіозное, соціальное и экономическое состояніе. Кромѣ того статья изображаетъ жизнь русскихъ евреевъ въ Нью-Іоркѣ (болѣе 200000 чел.), изъ которыхъ наиболѣе интеллигентная часть (до 50000) «сознаетъ, признаетъ и именуетъ себя русскою, живо интересуется Россіею и русскими дѣлами и искренно любитъ Россію»,— а также сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о полякахъ (которыхъ въ Нью-Іоркѣ до 30000 чел., а во всей Америкѣ до $1^1/_2$ милл. *Гл. II. Русь въ славянскомъ штатѣ*. «Славянскій штатъ» — это Пенсильванія, въ которой славяне составляютъ преобладающую часть населенія и живетъ большая часть русскихъ эмигрантовъ. Пенсильванія — центръ каменноугольной промышленности, и славянскіе эмигранты, гонимые нуждою, составляютъ почти единственный контингентъ рабочихъ въ подземныхъ «каменноуглеломняхъ». Б. ч. (мало)русскихъ рабочихъ—выходцы изъ Лемковщины (з. часть русскихъ Карпатъ), галицкой или угорской. Начало эмиграціи относится къ половинѣ 70-хъ годовъ; въ 1884 г. русская община г. Шенандоа обратилась къ львовскому уніатскому митрополиту съ просьбою о назначеніи священника. Назначенный тогда же св. Иванъ Волянскій былъ первымъ организаторомъ (мало)русской общины въ Пенсильваніи. Въ 1887 г. на помощь ему присланы были св. Зинонъ Ляховичъ и студентъ львовскаго университета Владимиръ Сѣменовичъ. Первымъ дѣломъ В—го было построеніе русской церкви въ Шенандоа, по образцу которой впослѣдствіи были построены церкви въ г. Iersey City, Kingston, Freeland, Shamokin и Minneapolis. При первой церкви основано было братство, имѣвшее значеніе общества взаимопомощи единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; затѣмъ учреждены были: русская школа, народная читальня, типографія, газета («Америка» — первая русская газета въ Америкѣ), рабочее общество «Рицарі працi» (отдѣленіе обще-американскаго союза «Knights of labour»), драматическое общество, коммерческая компанія (отдѣлъ галицкой «народной торговли»). Въ началѣ 90 годовъ явилась потребность въ болѣе широкой народной организаціи. Первымъ выразителемъ ея является св. Ѳеофанъ Одушкевичъ, устроившій «соединеніе греко-каѳолическихъ братствъ». Учрежденіе это, впрочемъ, не принесло ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ приставшіе къ нему словаки и угро-руссы

исказили планы основателей. Въ составъ братства принимаются не только русскіе, но и словаки, принадлежащіе не только къ греко-уніатской, но и къ римско-католической церкви, и не принимаются русскіе, исповѣдующіе православное или протестантское ученіе. Хотя «чиновственнымъ» языкомъ считается малорусскій, но большинство членовъ употребляетъ языки мадьярскій и словацкій. Органъ «Соединенія» —«Американскій Русскій Вѣстникъ», наполненный проповѣдями и дифирамбами «священникамъ, дьякамъ и пѣвцоучителямъ», печатается на русскомъ и словацкомъ языкахъ.—Галицкіе русины подъ руководствомъ св. Константкевича и Одушкевича организовали другое общество «Русскій Народный Союзъ»; задачи его: 1) добро моральное Руси въ Америкѣ, 2) матерьальная ей помощь; первое достигается изданіемъ газеты («Свобода»), устройствомъ русскихъ читалень, школъ, изданіемъ книгъ, чтеніемъ лекцій и т. п., второе—организаціею взаимопомощи. Членомъ союза м. б. всякій христіанинъ русской народности. Всѣ учрежденія «Союза» устроены болѣе цѣлесообразно, чѣмъ въ «Соединеніи». Органъ Союза—газета «Свобода» (издававшаяся въ Тамокинѣ, а недавно перенесенная въ Монтъ-Кармель) издается на малорусскомъ языкѣ при сотрудничествѣ галицкихъ писателей (Франко, Чайковскій, Павликъ). Союзъ хотѣлъ организовать помощь вновь прибывающимъ русскимъ эмигрантамъ, но встрѣтилъ помѣху со стороны Соединенія. Тѣмъ не менѣе Союзъ вступилъ въ сношеніе съ Канадскимъ правительствомъ относительно направленія русской эмиграціи въ Канаду, какъ страну наиболѣе удобную для галицко-русскихъ поселенцевъ. Не смотря на существованіе двухъ названныхъ обществъ, большинство русскихъ стоитъ еще внѣ союзовъ: въ Соединеніи 2000 русскихъ (изъ 4000 его членовъ); въ Союзѣ 1000. Так. обр. изъ 200 т. русскихъ только 3 т. участвуетъ въ союзахъ, что весьма печально отражается на благосостояніи и культурѣ американской Руси (№ 1—3).

Некрологи: М. О. Микѣшина; П. Г. Лебединцева; И. И. Малышевскаго и Н. А. Оаворова (№ 2 и 3).

Въ отдѣлѣ «*критика и библіографія*» отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) «Кіевъ, его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. П. Петровъ. Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1896.—2) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи Ал. Лазаревскаго. Вып. III. К. 1896.—3) В. П. Авенаріусъ. Гоголь гимназистъ. Спб. 1897 (№ 2).

Еще по поводу „Бѣлорусскаго Полѣсья“ г. Довнаръ-Запольскаго.

Такъ какъ нѣкоторыя обстоятельства заставили меня уѣхать далеко отъ Россіи, въ Сирію, то лишь къ началу 1897 г. мнѣ удалось получить 28-ю книгу «Этнографическаго Обозрѣнія» и убѣдиться,

что статейка г. Довнара-Запольскаго, грубо направленная противъ меня за мой безпристрастный отзывъ о его книгѣ, уже напечатана (см. «Этн. Об.», кн. 28, стр. 196—202). Говорю: «уже», какъ о предметѣ раньше мнѣ извѣстномъ. И дѣйствительно: для помѣщенія этой статейки въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» понадобилось мое согласіе, которое я и далъ съ полной готовностью. Изъ послѣдняго факта читатель можетъ заключить, большое ли значеніе придаю я упомянутой статейкѣ г. Довнара. Я, впрочемъ, былъ увѣренъ, что г. Довнару, когда онъ хладнокровно вникнетъ въ свое опроверженіе, самому станетъ совѣстно пускать его въ печать и что мнѣ не придется вторично указывать ему на его неспособность писать о филологическихъ предметахъ. Но разъ онъ не посовѣстился, то не мѣшаетъ приглянуться къ тому, что̀ онъ написалъ.

Напомню читателю, изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся. Въ серединѣ 1895 года г. Довнаръ-Запольскій издалъ книгу: «Бѣлорусское Полѣсье». Здѣсь напечатано не мало новыхъ пѣсенъ и даны интересныя свѣдѣнія о говорѣ Пинчуковъ. Это дѣлаетъ книгу г. Довнара цѣнной, но по своей обработкѣ она представляетъ чистѣйшій хаосъ: пѣсни разбросаны безъ логической системы, діалектологическіе факты изложены курьезнымъ способомъ, словарь—также нѣчто безпорядочное. Въ этомъ смыслѣ, т. е. и похвальномъ, и порицательномъ, я и написалъ о книгѣ свою рецензію въ «Кіев. Стар.» (1896, янв.),—рецензію, столь неугодную г. Довнару. Главнымъ источникомъ промаховъ г. Довнара я считалъ то обстоятельство, что онъ не филологъ и не грамматистъ,—потому то его сообщенія, неразъ очень цѣнныя, изложены въ такой формѣ, которая вызываетъ улыбку («Кіев. Стар., стр. 32). Замѣтимъ, что и самъ г. Довнаръ говоритъ: «Что я не филологъ и не грамматистъ,—это вѣрно. Но я вовсе не претендовалъ дать обработку логическаго и филологическаго матеріала, заключающагося въ моемъ сборникѣ. Я считалъ и считаю обязанностью этнографа сообщить то, что онъ знаетъ о говорѣ, свести матерьялъ для того, чтобы облегчить обработку его для спеціалиста. Я это и сдѣлалъ въ самой скромной формѣ. Далѣе, если я все таки сдѣлалъ «очень цѣнныя сообщенія», то считаю свою задачу, какъ этнографа, выполненной» (Этн. Об., кн. 29, стр. 197). «Словарь писалъ я не для учащихся, а для ученыхъ» (стр. 201), которые, очевидно, съумѣютъ разобраться во всякомъ хаосѣ... Но затѣмъ, послѣ такого сознанія, которое вполнѣ совпадаетъ съ сутью моей рецензіи, г. Довнаръ все же желаетъ «сыдиты та нерыпатыся», а старается таки заявить

себя филологомъ и грамматистомъ и нападаетъ на мои чисто филологическія замѣчанія, усматривая въ нихъ даже личныя выходки противъ себя. Въ отвѣтъ на послѣднюю догадку замѣчу, что я съ г. Довнаромъ почти не знакомъ и не имѣю никакихъ основаній относиться къ нему недоброжелательно (напротивъ: «Дай йому Боже довгый викъ та журавлыный крыкъ!»). Скажу даже больше: когда у насъ въ этнографическомъ отдѣлѣ обсуждался вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли книга г. Довнара премін или нѣтъ, я ни однимъ словомъ не отозвался противъ присужденія. Изъ желанія не повредить г. Довнару я молчалъ даже тогда, когда одинъ изъ авторитетнѣйшихъ судей, присутствовавшихъ на засѣданіи, замѣтилъ, что въ филологическомъ отношеніи книга г. Довнара въ высшей степени странна, и отозвался о ней въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ впослѣдствія я въ своей рецензіи. Sapienti sat.

Однако посмотримъ, за что именно остался недоволенъ г. Довнаръ на мою рецензію и почему онъ возражаетъ противъ нея. Я ужъ упомянулъ, что особенно наивна и курьезна въ его книгѣ филологическая обработка. Курьезы эти, думалось мнѣ, болѣе чѣмъ ярки и понятны не только спеціалистамъ, а даже гимназистамъ 4-го класса, изучившимъ элементарные учебники. Поэтому, давая въ «Кіевской Старинѣ» рецензію на «Бѣлорусское Полѣсье», я ограничился простымъ выписываніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этой книги и ставилъ въ скобкахъ восклицательный знакъ. Это подаетъ поводъ г. Довнару сказать теперь (loc. cit. стр. 196), будто я, посредствомъ фигуръ вопрошенія и восклицанія, стараюсь убѣдить читателя въ незнаніи г. Довнара; онъ называетъ это «лирическими отступленіями по адресу не содержанія книги, а ея составителя» (стр. 202). Можно сомнѣваться, понимаетъ ли г. Довнаръ значеніе слова: «лирическій», но не стоитъ вникать въ этотъ вопросъ. Я прошу г. Довнара понять лишь, что мнѣ стало бы *совѣстно* передъ читателями «Кіевской Старины», если бы я вздумалъ растолковывать имъ азбучныя истины, давно имъ извѣстныя. А если г. Довнару онѣ, какъ видно, неизвѣстны, то совѣтую ему навести нужныя справки, ну, хоть въ «Этимологіи» Кирпичникова и Гилярова и въ «Славянской грамматикѣ» Колосова, и тогда онъ уразумѣетъ, что означаютъ мои восклицательные знаки при выпискахъ изъ книги: «Бѣлорусское Полѣсье»... Г. Довнаръ и самъ, впрочемъ, понимаетъ нелѣпость хоть нѣкоторыхъ изъ своихъ объясненій. Выше я ужъ отмѣтилъ одно его оправданіе: «я писалъ для ученыхъ, не для учащихся»,—а ученые, конечно, и въ нелѣпицѣ

разберутся. Есть у него и другое оправданіе: ошибки, отмѣченныя мною (по крайней мѣрѣ четыре изъ нихъ), должны быть считаемы за *опечатки*. Для удостовѣренія, что это опечатки, г. Довнаръ сообщаетъ, что онѣ помѣщены въ особомъ спискѣ, вклеенномъ въ концѣ книги: «Бѣлорусское Полѣсье»; кстати онъ проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ» (l. cit., 198), и называетъ мои замѣчанія, относящіяся къ четыремъ якобы «опечаткамъ», «довольно страннымъ пріемомъ». Я долженъ сказать, что здѣсь, со стороны г. Довнара, мы имѣемъ дѣло или съ недоразумѣніемъ, или съ крайней наивностью, или (чему вѣрить не хочется) съ поступкомъ болѣе чѣмъ страннымъ, просто неблаговиднымъ. Разскажу, какъ было дѣло. Въ экземплярѣ «Бѣлорусскаго Полѣсья», который я купилъ въ сентябрѣ 1895 года и по которому я тотчасъ же сталъ писать рецензію для «Кіевской Старины», не было никакого списка опечатокъ, ни рукописнаго, ни печатнаго. Надѣюсь, г. Довнаръ не вздумаетъ меня оспаривать, такъ какъ и самъ онъ признается (стр. 198), что *нѣсколько* экземпляровъ (интересно бы знать, сколько именно!) пошло въ продажу безъ листковъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ, какъ мы знаемъ, проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ». Затѣмъ, ужъ въ концѣ октября 1895 года, г. Довнаръ приподнесъ мнѣ отъ себя одинъ экземпляръ книги. Такъ какъ я раньше имѣлъ ужъ свой собственный экземпляръ «Бѣлорусскаго Полѣсья» и ужъ сдѣлалъ на немъ много помѣтокъ карандашемъ (для рецензіи), то, признаюсь, я даже не разглядывалъ поднесеннаго и только черезъ два мѣсяца случайно узналъ отъ г. Довнара (уже разсерженнаго), что онъ сдѣлалъ собственноручныя рукописныя поправки и что четыре изъ курьезовъ, отмѣченныхъ мною въ рецензіи, были исправлены рукой автора еще, какъ видимъ, въ октябрѣ. Впрочемъ, скажу откровенно: если бъ даже я и замѣтилъ чернильныя исправленія въ поднесенной мнѣ отъ автора книгѣ, то все равно я счелъ бы себя вправѣ обратить вниманіе на *такія* исправленія: вѣдь купленный мною экземпляръ ясно свидѣтельствуетъ, что продажные экземпляры, назначенные для обращенія въ публикѣ, никакихъ такихъ поправокъ на себѣ не имѣютъ. Въ серединѣ ноября 1895 г. рецензія моя была послана въ редакцію «Кіевской Старины», но я еще и послѣ того, даже въ декабрѣ, видѣлъ книги Довнара въ прежнемъ состояніи, безъ приложенія списка опечатокъ. Только въ январѣ стали циркулировать вдругъ экземпляры «Бѣлорусскаго Полѣсья» со

вклеенными списками «опечатокъ» [1]), подъ которыми стояла дата: «Кіевъ, 28 сентября». Оставляя въ сторонѣ вопросъ, зачѣмъ г. Довнару вообще понадобилось ставить подъ опечатками дату, зададимъ лучше другой вопросъ: «Зачѣмъ онъ поставилъ эту дату *заднимъ числомъ*?» Не берусь догадываться, потому что и боюсь догадываться. Или... не для того ли это сдѣлано, чтобы внушить другимъ мысль, будто я, когда писалъ рецензію, несомнѣнно ужъ имѣлъ экземпляръ съ указаніемъ опечатокъ??... Но нѣтъ! нѣтъ! Такой нелитературный пріемъ былъ бы чудовищенъ!... Нѣтъ! я предпочитаю ни за что не вѣрить такой ужасной догадкѣ и ограничусь констатированіемъ одного лишь факта, что, когда я писалъ рецензію, то въ продажѣ ходили *неисправленные* экземпляры книги г. Довнара, и я, какъ рецензентъ, обязанъ былъ именно такіе то рецензовать.

Словарь пинскаго говора у г Довнара-Запольскаго такъ же хаотиченъ, какъ все сочиненіе, и никуда не годенъ въ филологическомъ отношеніи. Если бы г. Довнаръ ограничился простымъ переводомъ словъ, то еще можно бы примириться, но онъ, напр., вздумалъ сочинять несуществующія формы (напр., н. н. «велищиться»), вздумалъ пускаться въ очень наивныя этимологическія объясненія [2]) и т. п. Все это я подчеркнулъ въ «Кіевской Старинѣ» въ своей рецензіи и прошу читателей еще разъ взглянуть въ нее. Г. Довнаръ, какъ человѣкъ несвѣдущій въ филологіи и незнакомый съ филологическими терминами, не могъ *понять* моихъ замѣчаній, и потому теперь въ своемъ отвѣтѣ возражаетъ мнѣ совершенно не впопадъ. Онъ, помнится мнѣ, сказалъ, что «тяти» происходитъ изъ «тнути» (не наоборотъ!), и сблизилъ этимологически (не семасіологически!) «тнути» съ «ткнути» (тронуть); я ему объяснилъ въ рецензіи, что такая этимологія неумѣстна, а онъ мнѣ теперь возражаетъ: «Народъ не знаетъ этимологическихъ законовъ!». Выходитъ по малорусской

[1]) Приглашаю читателя полюбоваться, что это за „опечатки!“ Онѣ ясно обличаютъ въ авторѣ человѣка, который съ непривычки не въ состояніи понимать самаго простого филологическаго языка. Напр., работы Карскаго, на которыя ссылается г. Довнаръ, ясно указываютъ, что „му“ въ „ходытыму“ есть глаголъ, и все же г. Довнаръ называетъ это суффиксомъ. Полнѣйшая неспособность разбираться въ филологическомъ чтеніи!

[2]) Сейчасъ ниже читатель увидитъ, что г. Довнаръ смутно представляетъ себѣ значеніе слова: „этимологія“ и даже открещивается отъ нея. Тѣмъ не менѣе объясненія его носятъ характеръ этимологическій. Какъ же это такъ? Повторяется, видно, здѣсь та же исторія, что и съ Мольеровскимъ bourgeoisgentilhomme'омъ, который говорилъ цѣлый вѣкъ свой прозою, не зная, что это проза.

пословицѣ: «на вгороди бузына, а въ Кыиви дядько». Можно ли, послѣ того, спорить противъ возраженій г. Довнара? Я лучше всего посовѣтую г. Довнару взять въ руки элементарную грамматику, подъучить ее, узнать, что̀ значитъ «этимологія» и другіе филологическіе термины,—авось послѣ того онъ научится *понимать* филологическій языкъ; тогда, чаю, и самъ онъ уразумѣетъ свою «на вгороди бузыну». А до тѣхъ поръ объяснять ему его филологическія ошибки я считаю трудноватымъ. На одно изъ горькихъ замѣчаній г. Довнара можно, однако, дать разъясненіе и теперь, такъ какъ его можно понять и безъ знанія грамматики. Я, просматривая словарь г. Довнара, увидѣлъ, что авторъ, поставивши возлѣ нѣсколькихъ (шести) пинскихъ словъ соотвѣтственныя польскія слова и выказавши такимъ образомъ свое явное желаніе не избѣгать польскихъ параллелей, не отмѣтилъ такихъ же параллелей при многихъ другихъ словахъ, гдѣ онѣ, такъ сказать, сами просились на перо; сверхъ того къ глаголу «зитхнуты» г. Довнаръ не могъ придумать параллели: «westchnąć», а привелъ существительное: «westchnienie». На этомъ основаніи я позволилъ себѣ замѣтить: «*Кажется*, впрочемъ, что г. Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно». Г. Довнаръ-Запольскій нѣсколько разъ съ горечью упоминаетъ объ этомъ моемъ замѣчаніи. На стр. 196 онъ говоритъ: «Странно, какъ подобнаго рода свѣдѣнія могли попасть въ рецензію г. Кр.: очевидно, онъ ихъ почерпнулъ изъ какихъ либо сторонніхъ источниковъ». На стран. 197-й: «Рецензія г. Крымскаго изобилуетъ различными замѣчаніями, относящимися не къ книгѣ, а къ ея составителю» (Откуда мнѣ сіе?! Гдѣ эти личныя замѣчанія, да еще изобилующія??). На стр. 200-й онъ опять возвращается къ моему выраженію: «Кажется г. Довнаръ владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно» и опять настоятельно повторяетъ: «Это одно изъ сторонніхъ свѣдѣній». На стран. 202-й онъ повторяетъ еще разъ, что я на него нападаю, имѣя «сторонніе свѣдѣнія». Я объяснилъ уже, почему я позволилъ себѣ усумниться въ польскихъ знаніяхъ г. Довнара. Очень жалѣю, если нечаянно попалъ въ самое больное мѣсто автора. Для утѣшенія повторю ему его же мудрое изреченіе: «Не знать чего нибудь—вовсе не бѣда» (стр. 196). Но смѣю его увѣрить, что никакихъ «сторонніхъ свѣдѣній» о немъ, г. Довнарѣ, не имѣю. Никогда ни съ кѣмъ я не имѣлъ чести говорить о г. Довнарѣ-Запольскомъ, никогда мнѣ и въ голову не приходило избирать его сюжетомъ разговора, да и вообще (не во гнѣвъ будь сказано г. Довнару-Запольскому) никогда и нигдѣ я не слышалъ,

чтобы о немъ что нибудь говорили... Другое постороннее свѣдѣніе г. Довнаръ усмотрѣлъ въ моей фразѣ: «Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ». Г. Довнаръ на это заявляетъ: «Вѣроятно, это одно изъ сторонникъ свѣдѣній: я не имѣлъ случая высказать своего практическаго знанія діалектологіи» (стран. 197). Опять могу дать честное слово г. Довнару, что еще никогда и ни отъ кого не слышалъ мнѣнія о г. Довнарѣ какъ о практическомъ знатокѣ діалектовъ: это мнѣ самому такъ показалось, когда я читалъ его книгу. Но теперь, когда г. Довнаръ запальчиво увѣряетъ (стр. 199), что у пинчуковъ слово «вродлывый» значитъ «дородный» (т. е. толстый), я охотно отказываюсь отъ своей догадки и буду впредь относиться къ сообщеніямъ г. Довнара съ большой осторожностью.

Замѣтивши, что г Довнаръ объясняетъ множество *обычныхъ* малорусскихъ словъ по словарю бѣлорусскому и по сборникамъ пѣсенъ бѣлорусскихъ, я съ изумленіемъ написалъ въ своей рецензіи: «г. Довнаръ—Запольскій, повидимому, искренне убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій репертуаръ пинчуковъ—бѣлорусскій, а не малорусскій!» Изумленіе мое проистекало отъ того, что самъ г. Довнаръ, на стр. XXVII своей книги, призналъ говоръ пинчуковъ за малорусскій (это я отмѣтилъ въ самомъ началѣ своей рецензіи). Теперь г. Довнаръ недоволенъ на мои слова и для доказательства, что пинскій говоръ онъ считаетъ за малорусскій, а не за бѣлорусскій, ссылается именно на стр. XXVII своей книги. Недовольство г. Довнара было бы основательно, если бы къ его книгѣ можно было примѣнять законы логической послѣдовательности. А ея у него нѣтъ. Вѣдь, сказавши на стр. XXVII, что пинскій говоръ относится къ малорусскимъ, г. Довнаръ все же назвалъ свою книгу «*Бѣлорусскимъ* Полѣсьемъ» Почему же я не смѣлъ предположить такого же логическаго скачка и въ «Словарѣ» а тѣмъ болѣе—встрѣчая объясненія общеизвѣстныхъ малорусскихъ словъ словаремъ бѣлорусскимъ? Да и вообще говоря: смѣю ли я ожидать логики отъ того автора, который, по его собственному заявленію (стр. 202), допускаетъ логичность только для большихъ сочиненій, а по отношенію къ маленькимъ считаетъ ее за излишнюю роскошь, который дѣлитъ пѣсни на лѣтнія, женскія и чумацкія, который считаетъ себя вправѣ писать хаотически и ненаучно на томъ основаніи, что его сочиненія „предназначаются не для учащихся, а для ученыхъ“?! Скажу кстати, что не понимаю, какъ даже поднялось перо у г. Довнара, чтобы писать хоть одно слово въ оправданіе чудовищнаго дѣленія пѣсенъ на лѣтнія,

женскія и чумацкія. „Сборникъ мой такъ невеликъ, что я не счелъ нужнымъ вводить какую-нибудь другую классификацію», говоритъ г. Довнаръ (стр. 202). Въ истинномъ ученомъ обязательность научности прямо *внѣдрена*; ученый, просто въ силу безсознательнаго требованія своей природы, и строчки не можетъ напечатать безъ соблюденія научности, онъ не можетъ слѣдовать правилу, что «Jedes Thierchen hat sein Manierchen»

Я разобралъ отвѣтъ г. Довнара. Какъ изъ моей прежней рецензіи въ «Кіевской Старинѣ», такъ и изъ нынѣшней читатель видитъ, насколько г. Довнаръ имѣетъ понятіе о филологіи въ частности и о наукѣ вообще. Просто изумляешься его отвагѣ, съ которой онъ позволяетъ себѣ раздавать другимъ патенты на научность и ненаучность и величать свою книжку «ученымъ трудомъ». (стр. 199). Это по пословицѣ: Не хвалять насъ люцы, Гапко, дакъ самы похвалимось» Чтобы передъ нами еще рельефнѣе обрисовался научный обликъ г. Довнара, коснемся еще двухъ «пассажей« въ его статейкѣ.

«Что касается словаря Желеховскаго, незнакомство мое съ которымъ г. Крымскій подкрѣпляетъ восклицательнымъ знакомъ, то всѣмъ хорошо извѣстно, что этотъ словарь, напечатанный въ Галиціи, въ Россію не допущенъ къ обращенію» (стр. 201). Мимоходомъ скажу, что это не всѣмъ извѣстно. Я, напр., получилъ словарь Желеховскаго черезъ цензуру совершенно свободно, и притомъ—какъ частное лицо. Знаю, что и другіе также получали «Словарь» и полагаю, что легко его могъ бы себѣ выписать и г. Довнаръ. Если же онъ думалъ, что обыкновенной публикѣ нельзя имѣть Словаря Желеховскаго, то развѣ не могъ обратиться къ спеціалистамъ-филологамъ, которые имѣютъ законное право держать всѣ сочиненія, необходимыя по ихъ спеціальности? Г. Довнаръ говоритъ, что онъ искалъ: «А что я его искалъ, объ этомъ кое-кому изъ моихъ читателей извѣстно». Вольно жъ было г. Довнару разыскивать словарь Желеховскаго у какихъ-то невѣдомыхъ своихъ читателей, а не обратиться, напр., къ Р. Ѳ. Брандту! Не въ этомъ впрочемъ суть, а въ томъ, насколько научна отговорка: «Не нашелъ,—значитъ можно и безъ того обойтись». А должно бы быть иначе: «Не нашелъ *нужнаго* научнаго пособія, такъ и не берись за дѣло не по силамъ, или не претендуй по крайней мѣрѣ на научность».

Научность г. Довнара видна и изъ его раболѣпнаго, чисто безсознательнаго преклоненія предъ авторитетомъ. Онъ обо мнѣ съ ужасомъ говоритъ: «Мимоходомъ здѣсь же достается профессору (даже pleno ti-

tulo!) А. И. Соболевскому и вставлено обѣщаніе «поговорить» о книгѣ академика (о, ужасъ!) Шахматова за ихъ смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ» (стр. 196). Въ концѣ выписки мы, при случаѣ, можемъ отмѣтить или ошибку, или передержку: я вѣдь негодовалъ на названныхъ ученыхъ не за ихъ «смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ», а за ихъ склонность толковать о малорусскомъ языкѣ *не изучивши его*. Но г. Довнаръ такъ туго понимаетъ все относящееся хоть немного къ филологіи, что я охотно прощаю ему извращеніе моей мысли, а обращаю вниманіе читателя собственно на наивный ужасъ г. Довнара: «г. Соболевскій—профессоръ, а г. Шахматовъ—академикъ,—и подите же: находится дерзкій человѣкъ, еще не державшій магистерскаго экзамена, а готовый противъ нихъ писать!». Если бы г. Довнаръ могъ судить о филологіи, то, быть можетъ, и самъ легко замѣтилъ бы, что сочиненія проф. Соболевскаго страдаютъ крайней тенденціозностью, прямо бросающейся въ глаза, а если бы прочиталъ «Изслѣдованія въ области русской фонетики» акад. Шахматова, то прочиталъ бы и откровенное сознаніе самого автора, что его сочиненіе—мало продуманное, и что съ живыми русскими нарѣчіями онъ мало знакомъ. Но и помимо этого я принужденъ сообщить г. Довнару банальную истину, что человѣкъ, любящій науку и дорожащій наукою, не долженъ смотрѣть со слѣпымъ довѣріемъ на титулъ «профессоръ» или «академикъ», а долженъ критически провѣрять все, долженъ прежде всего смотрѣть, гдѣ истина, гдѣ правда, и долженъ помнить, что какъ профессоры, такъ даже академики способны ошибаться.

Чтобы г. Довнаръ пришелъ въ еще большій ужасъ, я возобновляю передъ читателями «Кіевской Старины» обѣщаніе *поговорить* съ ними подробнѣе о трудахъ г.г. Соболевскаго и Шахматова въ самомъ ближайшемъ времени.

А. Крымскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на новое, роскошно иллюстрированное изданіе **А. Ф. Девріена.**

АТЛАСЪ БАБОЧЕКЪ ЕВРОПЫ

И ОТЧАСТИ РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Составленъ по Э. ГОФМАНУ. Обработанъ и дополненъ, примѣнительно къ русской фаунѣ, Н. А. ХОЛОДКОВСКИМЪ, профессоромъ Императорской Военно-Медицинской Академіи и доцентомъ С.-Петербургскаго Лѣсного Института.

Выходитъ въ 10 выпускахъ въ большомъ форматѣ (in 4°); каждый выпускъ будетъ состоять изъ 24 страницъ текста и изъ 7—8 раскрашенныхъ таблицъ, представляющихъ всего 1965 видовъ бабочекъ и гусеницъ, изображенныхъ съ натуры, съ передачей полнаго колорита и въ самомъ точномъ исполненіи. Такихъ таблицъ всего будетъ въ изданіи 72. Первый и второй выпускъ вышли въ свѣтъ въ январѣ и февралѣ 1897 г., слѣдующіе—ежемѣсячно. Все изданіе закончится въ октябрѣ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на это изданіе, съ пересылкой или доставкой 10 выпусковъ, 14 рублей.

По желанію подписчика и во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ при пересылкѣ денегъ,—сумма эта можетъ быть взыскана **наложеннымъ платежемъ**, при доставленіи первыхъ выпусковъ.

Принимается кромѣ того подписка на льготныхъ условіяхъ съ уплатою по 1 руб. 50 коп. за каждый выпускъ, по мѣрѣ его выхода. Сумма

эта (и 10 коп. коммиссіи почтовому вѣдомству) можетъ быть налагаема на каждый высылаемый подписчику выпускъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Лица, не имѣющія сношеній съ ближайшими книжными магазинами, могутъ высылать свои требованія непосредственно къ издателю, АЛЬФРЕДУ ФЕДОРОВИЧУ ДЕВРІЕНУ, В. О., Румянцевская площ., свой домъ, въ С.-Петербургѣ.

1—1

рить Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашаясь съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одинадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.—П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.—Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,—слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но все жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галушкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ. — Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя конечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжитъ туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одаріи Семеновнѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарія Семеновна должна бы изъ уваженія къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одаріи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарія Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей п. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время послышалъ, что Одарія Семеновна подходила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водкою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и сребренными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печоную рыбу и пироги. Панночки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ пили, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, п. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одаріи, которая намъ такія славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарія Семеновна, которой на ту пору понравилась похвала водкѣ и которая слышала послѣднія слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, п. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго пріѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полынную настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помагаю. При старой панiи, вѣчная ей память, продолжала Одарія Семеновна, выпивая водку, я также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хоть и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

видно не всѣ туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчить мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я именинникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому я и самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяцъ. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣзавтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесять человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой панін случилось тоже, что нежданно наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну п. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ пироговъ не худо. Одаріи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна къ старому креденцарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобъ прибрать завтракъ, я думаю, что п. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ п. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отвѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого п. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ п. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчитъ.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчитъ. Ты думаешъ, черезъ кого выходятъ во дворѣ каламутини? Черезъ кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно кошту. Что жъ будешь робить съ панами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водилось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слишкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимою Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ея стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои домы на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставались хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по-крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всякой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребляли самые драгоцѣнные приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

раньше, и хоть они отправлялись на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковый товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній!—П. полковника симъ упрекать нельзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопріѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо принимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепріимствомъ Одарія Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ поздняго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи—Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчучный Даміянъ Оболонскій, асаулы: Петръ Вальковичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостолъ, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоропадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибыли: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челищевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, *съ люцами и кантарами.* Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова [1]) и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

[1]) Назначенъ правителемъ Малороссіи весною 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императрица Елисавета въ Глуховъ, полути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Диев. Зап. Як. Марковича, II, 223.

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двуличнаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась запонкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные чорные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Неизвѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторыя пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждали, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакомстра выигривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣянія и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни корабликa, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіяне произносятъ букву *ѣ* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ѣ* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Чернѣговъ*, *кибѣтка*, *зѣма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряду. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ живали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Борятинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ... [1])

---

[1]) На этихъ словахъ рукопись кончается.

ЗАПИСКА

О

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги", хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „герольдія" сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ *записки*: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепою, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего". *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевскаго университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ [1]).

---

[1]) „Кіевск. Старина" 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепою. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдіи, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотамы. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій [1]). Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православную вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія [2]) военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины [3]).

---

[1]) Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимвровъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагаютъ ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень издалека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетьманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. маія, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковѣчною отчизною ихъ, а славныхъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

[2]) 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

[3]) Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществѣ сущихъ, елико кто имяше отъ

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а инода одинъ, хоружій, бунчучній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ [1]), судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городовые и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ россійскомъ наданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержаще и нагуби я не допускающе".

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи обѣщанія царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написанно: „большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и княжатъ древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте". Изъ упомянутаго универсала гетьмана Хмельницкаго, 1648 года, маія 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примѣчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ устововъ [2]) и привилегій князей руских и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, после Хмельницкаго бывшихъ, иніе утрачены а иніе измѣнникомъ Мазепою со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присланіе отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги бояринъ Бутурлинъ, скольничій Алферовъ да думной дьякъ Лопухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніи Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копіи, можетъ быть всѣ они отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственой иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копіи съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

[1]) Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ службъ и достоинствъ.

[2]) Г. А. господинъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генваря 31.

соблюющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллеріею, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллеріею. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждотъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человѣкъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливыя способности и заслуги главнѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетсвомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многимъ пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя вожделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣваемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданними всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персіею, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничныхъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

лонили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой линіи, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государини императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, находясь по высочайшему опредѣленію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣнію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимыми и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и имуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онымъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной конной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человѣкъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовыя мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную коммисію, въ полковыя счетныя же коммисіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ коммисіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для писма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были наипаче бунчуковые, войсковые

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимаясь службою, не должны были обовязываться посторонними дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемилостивѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, коею подтверждены малороссійской войсковой старшинѣ, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго именнаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по геролдіи послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійскую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣнія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оные высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенствованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленные;

2, удостоены высочайше уравненія между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижимыми имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маетности и прочія недвижимыя имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстьевъ, имѣли [1]) ранговыя деревни даже до открытія трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственнымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ урядовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелику тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному пи-

[1]) Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ городскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избираемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По именному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго классные военные чины: одинъ генералъ и два флигели адьютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины—наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 маія 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понынѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухопутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій—св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи троихъ намѣстничествъ, покойная государыня императрица Екатерина Вторая реченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщила, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на оном, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи имѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были выбираемы, какъ должно, подъ

надзираніемъ господъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтную службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляемы были въ коронную службу губернаторами, вицъ-губернаторами, экономій директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарями.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привилегіямъ и высочайшимъ грамотамъ, имъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями трехъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (кои по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генералъ маіора или бригадира, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчучному—ранги подполковничьи; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-поручика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпоручика или прапорщика; сотенной и городовой старшинѣ, то есть атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.